

Жозе Сарамаго

Каин

Верую Авель принес Богу жертву лучшую, нежели Каин, ею получил свидетельство, что он праведен, как засвидетельствовал Бог о дарах его, ею он и по смерти говорит еще.

К евреям, 11:4

1

Когда господь, также известный как бог, убедился, что адам и ева, существа на вид, то есть на первый взгляд, вполне полноценные, не могут не то что слова вымолвить, но и произнести ни единого самого что ни на есть примитивного звука, он сильно разозлился, причем, надо полагать, на себя, благо в райском саду все равно не на кого было свалить ответственность за грубейший просчет, состоявший в том, что все остальные твари земные, которых, как и двоих людей, сотворила его божественная воля, уже обладают собственным голосом, то бишь способны кто во что горазд мычать, рычать, щебетать, блеять, реветь, кудахтать или еще что, а эти двое — нет. И в приступе ярости, странном, согласитесь, для того, кто способен поправить дело еще одним быстрым *fiat*,¹ он подбежал к чете человек и без лишних слов, без долгих разговоров взял да и наделил обоих языком, вдвинул его в уста глубоко, чуть не до самой глотки. Из того, как представлены события тех отдаленных эпох в сказаниях, за протекшие века обретших непреложность канона, или же напротив — в плодах апокрифического и неизбежно еретического воображения, нельзя со всей определенностью установить, какой же именно язык имелся в виду — то ли подвижный влажный мускул, болтающийся в ротовой полости, а порою и за ее пределами, орган болтания или же оно само, иначе называемое речью, даром что ее-то даром, к величайшему сожалению, господь и позабыл наделить чад своих, об особенностях же ее и свойствах нам неизвестно ничего, поскольку она не оставила по себе ни малейшего следа, ну, совсем то есть ничего, даже сердечка, вырезанного на коре дерева в сопровождении за душу берущей надписи типа там адам плюс ева равняется любовь. Поскольку в принципе одному не пристало ходить без другого, весьма вероятно, что господь так яростно затолкал языки в глотки своих отпрысков еще и потому, что желал ввести их, языки эти, в контакт с самыми глубокими внутренностями, нутряными глубинами человеческого тела, чтобы в будущем, уже обретя известное разумение и смекая, что к чему, смогли бы они поведать о неполадках, творящихся в темном хаосе этого лабиринта, в окне коего, ну, во рту, значит, они теперь уже время от времени мелькают. Все может быть. Сомнению не подлежит, что господь, движимый добросовестной порядливостью истинного мастера, желал и намеревался не только загладить предыдущий свой с должным смирением признанный просчет, но и доказать, что ошибка исправлена, для чего и спросил мужчину: Тебя как зовут, и тот отвечал: Адам, я твой первенец, господи. Тогда создатель повернулся к женщине: А ты кто, тебя как зовут. Ева, господи, я здесь первая дама, и согласимся, что в этом добавлении не было нужды, поскольку другой дамы не имелось. И увидел бог, что это хорошо, и, простившись отеческим: Счастливо оставаться, занялся иными делами. И тогда адам в первый раз сказал еве: Ну, пошли спать.

¹ Да будет так! Да исполнится! (лат.) (Здесь и далее прим. переводчика.)

Сиф, третий сын этой четы, явится в мир лишь сто тридцать лет спустя и вовсе не потому, что материнской утробе потребовалось именно столько времени, чтобы завершить формирование нового потомка, а просто больше века ушло на созревание половых органов отца и матери, то есть, соответственно, яичек и матки, прежде чем они обрели достаточную производительную способность. Чересчур же нетерпеливым скажем сразу, что пресловутый *fiat* имел место лишь один-единственный раз, ибо мужчина и женщина — это ж вам не машина по набивке колбас, гормоны — штука сложная, тáк вот просто не производятся, в аптеке их не купишь, да и в супермаркете тоже, тут, как говорится, следует дать времени время. Еще прежде сифа появились на свет сперва каин, а следом за ним, с ничтожной разницей во времени — авель. Особо и безотлагательно требуется отметить, что томительной, смертельной скуки исполнены были все эти годы, проведенные без соседей, без развлечений, без ребеночка, ползающего из кухни в комнату, и никто не навещал адама с евой, кроме господа, да и его визиты были и кратки, и редки, прослоены долгими, по десять, по пятнадцать — двадцать, а когда и по пятьдесят лет, периодами отсутствия, так что нетрудно вообразить, что двум одиноким обитателям земного рая впору было почувствовать себя несчастными сиротами, брошенными на произвол судьбы в чащобе мироздания, пусть они и неспособны были объяснить, кто такие сироты и что есть произвол. Правда, что нет, а вернее, да-да, то есть с очень высокой частотностью, да и говаривал адам еве: пошли спать, но рутина супружества, в данном случае осложненная и усугубленная неопытностью и незнанием новых позиций и положений, уже тогда оказалась губительна, как вторжение жучков-древогрызов, подтачивающих стропила и балки. Поглядеть снаружи — лишь струйки пыли вытекают из крохотных, почти незаметных глазу отверстий, но внутри идет совсем другой процесс, и дайте срок — разрушится и рухнет то, что казалось незыблемым. Есть мнение, что рождение ребенка в подобных случаях может оказать благотворно одушевляющее действие если не на силу влечения, пресловутое либидо, каковое есть нечто химически значительно более сложное, нежели искусство пеленки менять, то, по крайней мере, на чувства, что, впрочем, тоже очень даже немало. Что же касается господа и его спорадически наносимых визитов, то первый был предпринят с целью убедиться, что адам и ева сумели обустроить и наладить свой быт, второй — понять, удалось ли извлечь какую-либо пользу из сельского бытия, а третий — предупредить, что, мол, скоро не ждите, предстоит совершить обход других раёв, имеющих в небесном пространстве. Он и в самом деле появился лишь много времени спустя, в тот неотмеченный летописями день, когда несчастную чету поперли из эдема за гнусное преступление, выразившееся в том, что супруги вкусили плода с дерева познания добра и зла. Так никогда и не получил толкового объяснения этот эпизод, благодаря которому впервые было введено в обиход неведомое до тех пор понятие первородного греха. Во-первых, даже находящийся в самом зачаточном состоянии интеллект без труда поймет, что осведомленным быть — куда лучше, чем несведущим, особенно в таких тонких материях, как добро и зло, где всякий, сам того не зная, рискует поплатиться вечными муками ада, который, кстати, еще только предстоит изобрести. Во-вторых, буквально вопиет к небесам непредусмотрительность господа, ибо не захоти он, чтобы вкушали от сего плода, легко нашел бы средство противодействия, либо просто-напросто вообще не сажая дерево, либо посадив его где-нибудь в другом месте, либо обнеся изгородью из колючей проволоки. Ну а в-третьих, адам и ева познали свою наготу вовсе не потому, что нарушили божий запрет. Голее, как говорится, голого, в чем, хочется да нельзя добавить, мать родила, отправлялись они, с позволения сказать, спать, и ежели господь не обращал внимания на столь явное бесстыдство, виновата в этом та порой неисцелимо слепая родительская любовь, которая не дает нам заметить, что наши дети в сущности не лучше и не хуже всех прочих.

Реплика по порядку ведения. Прежде чем продолжить эту поучительную и окончательно все разъясняющую историю про каина, куда, то есть не в каина, а в историю,

мы с невиданной доселе дерзкой решимостью встряли, разумно было бы, ради того, чтобы читатель во второй раз не запутался в анахронических мерах и весах, хоть как-то упорядочить хронологию событий. И прежде всего — во избежание лукавого недоумения, непременно возникающего по вопросу о том, под силу ли было адам у в возрасте ста тридцати лет еще кого-то произвести на свет. На первый взгляд нет, не под силу, но это лишь если оперировать показателями, характерными для новейших времен, а в ту эпоху, о коей мы ведем речь и рассказ, в пору, когда мир не вышел еще из детского возраста, сто тридцать лет означали такое буйное цветение пылкого отрочества, о каком любой, даже самый рано созревший казанов мог бы только мечтать. Кроме того, вспомним, что адам дожил до девятисот тридцати лет, а иными словами, лишь чуточку не дотянув до всемирного потопа, не потопнув в нем, скончался уже при жизни ламеха, отца ноя, будущего строителя ковчега. Иными словами, было бы желание, а и время, и возможность родить помимо уже произведенных на свет еще и многих-многих других имелись. Как мы уже говорили, вторым его сыном, явившимся в мир непосредственно вслед за каином, был авель, белокурый и статный паренек, в высшей степени щедро взысканный господом, но кончивший, однако, по этой же причине как нельзя более скверно. Третьего, как тоже уже было сказано, звали сифом, но поскольку ему не найдется места в повествовании, которое ведем мы со всей щепетильностью подлинного историографа, то здесь мы его и оставим, ничем, кроме имени, не одарив. Иные, конечно, примутся доказывать, будто именно в его голове зародился замысел создать религию, однако этим тонким материям мы отдали дань в прошлом, причем, по мнению кое-кого из знатоков, сделали это с прискорбной и предосудительной легковесностью, хотя сами склоняемся к мысли, что если и нанесет нам трактовка наша какой-либо ущерб, воспоследует он, скорей всего, не раньше, чем на каком-нибудь заседании страшного суда, где приговор будет вынесен всем без исключения душам — одним за избыток, другим — за недостаток. Сейчас же нас интересует исключительно семья, глава которой зовется адамом, и главу эту иначе как дурной просто не назвать, ибо, когда жена принесла ему запретный плод с древа познания добра и зла, первый патриарх с поразительной непоследовательностью сначала заставил долго себя упрашивать, отведай, мол, кусочек, и мы полагаем, делал это самоутверждения ради, собственного удовольствия д ля, а никак не из-за твердокаменной незыблемости своих убеждений, а затем немедленно кусочком этим и подавился, навсегда отметив нас, своих потомков мужеского пола, яблочком, которое застряло в горле и — ни туда ни сюда. Найдутся, разумеется, и в немалом числе, такие, кто возьмется утверждать, будто адам не успел проглотить роковой фрукт по причине внезапного появления господя, пожелавшего немедля узнать, а что ж тут такое, собственно говоря, происходит. А потому, пока мы не забыли, а потом, спохватившись и вспомнив, не нарушили плавное течение дальнейшего рассказа несвоевременной отсылкой, поведаем о подробностях того, как однажды ночью, душной и летней, свершился таинственный и тайный приход господя в райский сад. Адам и ева по обыкновению спали голые, рядышком, но не прикасаясь друг к другу и являя, значит, собой образ совершенной невинности, образ столь же впечатляющий, сколь и обманчивый. Они не проснулись, и господь их не разбудил. Ибо его привело сюда намерение исправить еще одну фабричную недоделку, сильно портившую, как он наконец понял, товарный вид изделия и заключающуюся, вообразите только, в отсутствии пупка. Бледные тела, не позлащенные прохладным солнышком рая, выглядели уж совсем какими-то голыми, очень навязчиво обнаженными и даже до известной степени непристойными, если, конечно, это слово уже бытовало в ту пору. И без задержки господь простер руку, легко прикоснулся кончиком указательного пальца к адамову животу, сделал быстрое кругообразное движение — и появился пупок. Аналогичная операция, произведенная миг спустя над евой, дала те же результаты при одном лишь важном отличии, а именно — евин пупок в отношении изысканности дизайна, четкости очертаний и прелести впадинки получился лучше и краше. Именно тогда господь, оглядев дело рук своих, в

последний раз сказал, что это хорошо.

Спустя пятьдесят лет и один день после этого благотворного хирургического вмешательства, с которого началась в эстетике человеческого тела новая эра, в качестве девиза провозгласившая, что улучшению поддается все решительно, грянула катастрофа. А непосредственно перед ней — гром, коим возвестил о своем появлении господь. Одет он был не так, как обычно, и, в соответствии, надо полагать, с новой небесной модой, имел на голове тройной венец и в руке сжимал на манер дубины скипетр. Я господь, крикнул он, господь — я. В райском саду воцарилась мертвая тишина, не нарушаемая ни жужжанием осы, ни собачьим лаем, ни птичьей трелью, ни слоновьим трубленьем. Лишь с ветвей раскидистой оливы, росшей в эдеме с того дня, как был этот садик разбит, вспорхнули разом сотни, если не тысячи скворцов, так что, когда взвилась вся их стая в воздух, потемнели небеса. Кто дерзнул нарушить мой запрет, кто сорвал плод с моего дерева, спросил господь, устремляя прямо на адама светозарный — определение не слишком широко употребительное, но точное — взор. Бедный человек в крайнем замешательстве безуспешно глотал да все не мог проглотить кусочек яблока, предательски выдававший его проступок, да вдобавок и голос у него сел и вставать не собирался. Отвечай, яростно прогремел господь, угрожающе потрясая скипетром. Собравшись с духом, отчетливо представляя, какие вины возложит на него потомство, адам промолвил: Жена, которую ты мне дал, чтобы я жил с ней, предложила мне плод с этого дерева, и я съел его. Господь повернулся к еве и спросил: Что ж ты натворила, несчастная, а та ответила: Змей обманул меня, и я съела. Да что ж ты мне в глаза-то врешь, а, у меня в раю змей не водится. Господи, я ж и не говорю, что по раю змеи ползают, я говорю, что во сне увидела змея, и он сказал мне: С чего бы это запретил вам господь вкушать плоды от всех деревьев в саду, а я отвечала, что нет, мол, не от всех, а только от того, что стоит посреди сада, потому что если только прикоснемся к нему, то сейчас же и умрем. Змеи не разговаривают, а в лучшем случае шипят, молвил на это господь. Тот змей, что мне приснился, был говорящий. И что же еще он тебе сказал, хотелось бы знать, продолжил господь, стараясь придать словам своим как можно больше насмешливости, что плохо сочеталось с неподдельно божественным величием его облика. Сказал, что не умрем. Ах вот оно что, и господня ирония делалась с каждым мигом все заметней, он, стало быть, знает больше моего. Мне приснилось, господи, будто ты не хотел, чтобы мы отведали запретного плода и познали добро и зло так, как знаешь их ты, господи. А что сделала ты, легкомыслая распутница, что сделала ты, когда пробудилась от такого прекрасного сна. Пошла к дереву, сама отведала от плода и адаму отнесла, и он тоже попробовал его. И он вот тут у меня застрял, сказал адам и показал, где именно. Очень хорошо, сказал на это господь, что хотели, то и получите, с сей минуты кончилось ваше вольготное житье, ты, ева, отныне будешь претерпевать все тяготы беременности, включая тошноту, и рожать будешь в муках, но тем не менее муж твой останется желанен тебе, и он будет повелевать тобой. Бедная ева, скверно начинаешь, и печальна будет твоя участь, сказала ева. Раньше надо было думать, а что касается тебя, адам, проклята будет земля по твоей милости, и неимоверными трудами будешь ты всю жизнь добывать из нее пропитание, хлеб, так сказать, насущный, и рождать она будет лишь колючки да шипы, и станешь ты есть сорную траву с пустырей, и ведра пота придется пролить, прежде чем сумеешь снискать малую малость, чтобы прокормиться, и будет так до тех пор, пока однажды сам не ляжешь в эту землю, сам ею не станешь, ибо из нее тебя сделали, и в самом деле, жалкий мой адам, из праха ты был взят, во прах вернешься. С этими словами господь сотворил несколько шкур, чтобы прикрыли наготу адам и ева, которые при этом только перемигивались, ибо с самого первого дня отлично сознавали свою наготу и отлично ею пользовались. Сказал тогда господь: Познав добро и зло, сделался человек подобен богу, теперь, пожалуй, примешься за древо жизни, еще и его обтрясешь, вкусишь от плодов его да обретишь бессмертие, а мне только и не хватало двух богов во вселенной, а потому тебя и жену твою я изгоняю из райского сада, у ворот же выставлю

херувима с пламенным мечом, чтоб стерег и никого назад не пускал, а теперь ступайте-ка оба юн, марш отсюда и не смей мне больше попадаться на глаза. Закутанные в вонючие шкуры, покачиваясь на спотыкливых шатких ногах, сделались адам с евой подобны двум орангутангам, что впервые поднялись с четверенек. Земля за пределами райского сада была черства, бесплодна, нерадушна, и господь нимало не преувеличивал, суля адаму шипы да колючки, волчцы, так сказать, и тернии. В полном соответствии с предсказанием кончилось вольготное житье.

2

Первым жилищем их стала узкая пещера, скорее даже не пещера, а нора с низким, нависавшим над самой головой сводом, и отыскиали они ее в скалах к северу от райского сада, когда в отчаянии брели оттуда в поисках пристанища. Там смогли наконец укрыться от лютого солнцепека, столь разительно отличного от той ставшей уже привычной им температурной умеренности, что неизменной благодатью своей осеняет эдем ночью и днем и в любое время года. Сбросили толстые звериные шкуры, в которых задыхались от жары и вони, вернулись в первобытное состояние, однако, чтобы защитить от внешнего воздействия самые нежные части тела, более или менее скрытые между ног, смастерили из шкур иных — самых тонких, с самым редким ворсом — то, что впоследствии будет называться юбкой, пригодной для ношения как мужчинами, так и женщинами. В первые дни не было даже корки поглотить, и супруги голодали. Райский сад, прежнее место их обитания, изобилдовал плодами, а никакой иной пищи промыслить не удавалось, поскольку даже те животные, которым по природе их пристало питаться кровавым мясом, ибо плотоядными пришли они в сей мир, были по господней воле посажены на ту же меланхолическую и неудовлетворительную диету. Неизвестно только, откуда по юле божественного фокусника, по щелчку его пальцев взялись шкуры. Откуда-откуда, от зверей, разумеется, причем крупных, но остается открыт вопрос, кто убил их и освежевал и где это происходило. Случайно оказалась тут поблизости и вода, но всего лишь в виде мутноватого ручейка, ничем опять же не похожего на бурную реку, что брала исток в эдеме, а потом разделялась на четыре рукава, из коих один омывал ту местность, где, по слухам, почва богата была золотом, а другой огибал землю под названием куш. Два оставшихся, сколь ни невероятно может это показаться нынешним читателям, сразу же были названы именами тигр и евфрат. И при виде того, с каким трудом и усилием торит себе путь жалкий ручеек меж шипов и колючек пустыни, невольно приходило в голову, что, вероятней всего, была та полноводная река оптическим обманом, созданным самим господом, чтобы сделать жизнь в земном раю еще привлекательней. Все может быть. Да, все может быть, в том числе и нелепое предложение евы: А давай попросим херувима с огненным мечом, пусть пропустит нас в райский сад, мы бы там собрали кое-каких плодов, глядишь, еще несколько дней сыты были бы. Со свойственным мужчинам скептицизмом отнесясь к хитроумной идее, зародившейся в женской головке, адам посоветовал еве идти одной да загодя приготовиться к горькому разочарованию: Вот он, херувим твой с огненным мечом, стоит на карауле у райских врат, не какой-нибудь задрипанный ангелок пятого сорта, десятой категории, не имеющий ни веса, ни власти, но самый доподлинный и настоящий херувим, и как, по-твоему, станет он нарушать приказ господя, но на такой вот вразумляющий вопрос ева ответила: Не знаю и не узнаю, пока не попробую. А если попытка твоя не удастся. А не удастся, так я немного потеряю, всего-то несколько шагов отсюда туда и два-три слова, что я ему скажу. Ладно, однако учти, что, если херувим выдаст нас господу, могут быть неприятности. Не понимаю, каких тебе еще неприятностей, любые неприятности — просто тьфу по сравнению с теми, что одолевают нас сейчас, жить нечем, есть нечего, ни надежной крыши над головой, ни одежды, заслуживающей такого названия, и сам господь уже не сможет измыслить кары злее, чем

учинил, выставив нас из райского сада. Насчет того, что господь может, а чего не может, не нам с тобой судить. Но если так, надо заставить его объясниться и в первую очередь понять, по какой причине он нас сотворил, какую при этом цель преследовал. Ты с ума сошла. Да уж лучше с ума сойти, чем трусить. Не смей упрекать меня в трусости, рассвирепев, крикнул адам, я ничего не боюсь, и я не трус. И я тоже, а потому и спорить тут не о чем. Только не забывай, что распоряжаюсь здесь я. Нуда, так и господь повелел, согласилась ева и тотчас сделала такое лицо, будто ничего не говорила. Когда солнце потеряло толику своей яркой силы, ева в ловко сидящей юбке и в самой легкой из шкур на плечах пустилась в путь. Облик ее был, как теперь бы сказали, вполне благопристойен, хотя ничем не стесненные и неприкрытые груди колыхались в такт шагам. А она и не могла удержать их качание, да и не помышляла даже об этом, ибо некого было этим прельщать, в ту пору груди предназначались младенцев кормить, и ни для чего больше. Ева шла и сама на себя дивилась, поражалась, с какой свободой отвечала мужу, слов не подыскивала, не сробела, а просто сказала все, что, по ее мнению, и следовало сказать в данном случае. И казалось, будто внутри ее поселилась другая женщина, вовсе не зависящая ни от господа, ни от мужа, господом определенного в мужья, такая вот бабенка, что решилась наконец-то в полной мере, безо всякого изытья, использовать тот язык — в обоих смыслах слова, — который вышеупомянутый господь, так сказать, вложил ей в уста. Покуда переходила через ручей, прохладная свежесть воды омывала ее тело не только снаружи, но, и словно бы по венам струясь, проникала внутрь, в самую душу, и та наполнилась чем-то вроде счастья или, по крайней мере, чем-то таким, что было очень похоже на это слово. Но вот засосало под ложечкой в знак того, что не ко времени было предаваться отрадным чувствам. Ева ступила на другой берег, собрала немного кислых ягод, которые насытить, конечно, не могли, но хоть на какое-то время обмануть голод годились. Райский сад был уже рядом, отчетливо виднелись впереди кроны самых высоких деревьев. Ева замедлила шаги, но не потому что утомилась. Окажись рядом адам, он, без сомнения, стал бы насмехаться над нею: Уж такая храбрая-отважная, а вот и ты боишься. Да, боюсь, неудачи боюсь, отвечала ева, боюсь, что не найду нужных слов убедить стража, и до такой степени пала духом, что даже прибавила совсем тихо: Будь я мужчиной, было бы легче. Ну вот и херувим, и в правой руке у него зловещим блеском горит пламенный меч. Ева прикрыла как могла грудь и приблизилась. Чего надо, спросил страж. Есть хочу, ответила женщина. Нет здесь для тебя никакой еды. Есть хочу, настаивала она. Тебя с мужем изгнали из эдема по приказу господа, приговор обжалованию не подлежит, уходи прочь. Ты что же, убьешь меня, если я попытаюсь пройти. На то господь и поставил меня здесь стражем. Ты не ответил на мой вопрос. Мне так велено. Что, убить меня. Да. И ты, стало быть, выполнишь приказ. Херувим промолчал. И чуть шевельнул рукой, державшей огненный меч, отчего тот свистнул по-змеиному. Таков был ответ. Ева сделала еще шаг вперед. Остановись, предупредил херувим. Убей меня, тогда остановишь, отвечала ева и сделала еще шаг, а то стоишь тут, гнилье в саду стережешь, и добавила, в господнем саду. Что тебе надо, повторил херувим, того вроде бы не понимая, что это повторение будет истолковано как признак слабости. Я тебе уже сказала, есть хочу. Я думал, вы уже далеко отсюда. А куда ж нам идти, кругом пустыня, которую мы не знаем, дороги не видно, и за все эти дни не попалось нам ни одной живой души, спим в какой-то норе, едим траву, как и предрек господь, и нас с нее несет. Куда несет, удивился страж. Да не куда, а откуда, в лексиконе, которым снабдил нас господь, есть еще такие слова, как понос и расстройство желудка, может, тебе они больше придутся по вкусу, а значат они все, что человек не в силах удержать внутри себя всё дерьмо, что есть в нем. Я не знаю, что это такое. Одно из преимуществ ангельского чина, ответила она и улыбнулась. Херувиму приятно было видеть эту улыбку. На небесах тоже улыбаются, и много, но всегда — кротко, благостно и с легчайшим оттенком виноватости, словно просят извинения за свое блаженство, если к тамошнему времяпрепровождению можно применить это слово. Диалектический бой ева выиграла, теперь оставалось одержать победу и в схватке

за еду. Сказал херувим: Я принесу тебе кое-каких плодов, но ты никому не говори. Да я-то рта не раскрою, но муж ведь так и так узнает. Завтра приводи его, надо поговорить. Ева сдернула с плеч шкуру и, оставшись нагою до пояса: Вот, в нее наберешь фруктов, сказала. Меч свистнул громче, будто внезапно получил некий импульс — тот же самый, что заставил херувима шагнуть вперед, тот же самый, что побудил его протянуть руку и коснуться евиной груди. Больше ничего не произошло да и не могло произойти, любая и всякая плотская забава ангелам, покуда они пребывают в этом статусе, воспрещена, лишь низринутым с небес мятежникам дозволено соединяться с теми, кто им по вкусу, кому по нраву они. Ева улыбнулась, положила свою руку на руку херувима и мягко прижала ее к груди. Вся в грязи, ногти — черны, будто она ими землю копала, волосы — как переплетенные угри в садке, но женщина все же, и притом женщина единственная. Ангел вошел в эдем и, пробыв там столько, чтобы успеть нарвать плодов самых питательных, а также и тех, что богаты соком, вернулся, обремененный этой благодатной ношей. Как тебя зовут, осведомилась ева, а он ответил: азаэль. Спасибо за фрукты, азаэль. Нельзя же было допустить, чтоб умерли с голоду сотворенные господом. Господь, конечно, поблагодарил бы тебя за доброе дело, но все же ты ему лучше ничего не говори. Херувим то ли притворился, что не слышит, а то ли в самом деле не слышал — помогал еве забросить отягощенную плодами шкуру за спину и приговаривал при этом: Завтра приходи и приводи своего адама, потолкуем о том, что вам нелишне будет знать. Придем, отвечала она.

На следующий день адам сопровождал жену до райского сада. По ее наущению оба уж как смогли вымылись в ручье, но смогли плохо, чтобы не сказать — никак не смогли, ибо вода без содействия мыла создает лишь видимость чистоты. Потом присели на берегу, и тут сразу же обнаружилось, что херувим азаэль — из тех, кто вокруг да около не ходит: Вы — не единственные люди на земле, начал он. То есть как это — не единственные, воскликнул пораженный адам. Не заставляй меня повторять однажды уже сказанное. Да кто же их сотворил и где они есть. Повсюду. И это господь сотворил их, как когда-то — нас, спросила ева. Я не могу сейчас ответить, а будете настаивать, разговор наш на этом и кончится, и каждый займется своим делом, я вернусь сторожить свой сад, а вы — голодать в своей пещере. Но в таком случае мы в самом скором времени помрем, сказал адам, я не могу ни копать, ни пахать землю, потому что у меня нет ни заступа, ни плуга, а и были бы — нужен кто-то, чтобы научить меня, как ими пользоваться, а в пустыне этой никого нет, и лучше уж нам быть, как и прежде, прахом, лишенным желаний и собственной воли. Говоришь как пишешь, заметил херувим, и адам возгордился похвалой, ибо никогда ничему не учился. Тут подала голос ева: Зачем же господь сотворил нас, если уже имеются на свете другие люди. Ты ведь уже вроде должна была понять, что пути господни неисповедимы, но если я верно уловил смысл его недомолвок, это нечто вроде эксперимента. Как — вроде эксперимента, опять вскричал адам, над чем эксперимента, над нами, что ли. О том, чего не вытвердил от доски до доски, досконально то есть, судить не берусь, а у господина могли быть свои резоны не распространяться на сей предмет. Какой же мы предмет, мы люди, которые не знают, смогут ли выжить, сказала ева. Я еще не кончил, заметил херувим. Ну, говори скорей, и пусть из уст твоих мы услышим благую весть, хоть одну-единственную. Ну, слушайте, не слишком далеко отсюда есть путь, которым время от времени проходят караваны на рынки, а потом обратно, и замысел мой в том, что вам надобно развести костер, и дыму, дыму как можно больше, чтоб издали было видать. Нам нечем огонь разжечь, перебила его ева. Тебе нечем, а мне есть чем. И чем же. Да вот этим пламенным мечом, который должен же будет когда-нибудь и на что-нибудь сгодиться, и стоит лишь дотронуться его раскаленным острием до сухого валежника и соломы — так заполыхает, что с луны будет видно, не говоря уж про караван, как бы далеко он ни проходил, только смотри, осторожней, не дай огню распространиться, одно дело — костер, а другое — пустыня в пламени, что может перекинуться и на эдемский сад, за который я отвечаю. А если не появятся люди, спросила

ева. Да появятся, появятся, будь покойна, ответил ей азаэль, люди по природе своей любопытны и непременно захотят узнать, кто это палит костры и зачем. А потом, спросил адам. Потом уж дело будет за вами, там уж я помочь не могу, исхитритесь как-нибудь присоединиться к каравану, попросите, чтоб наняли вас хоть за харчи, и я считаю, тарелка чечевичной похлебki за две пары рук — отличная сделка и для вас, и для нанимателей, только не забудьте затоптать костер, я уж пойму, что вы ушли, а тебе, адам, отличный представится случай выучиться тому, чего пока не умеешь. План был превосходный, этого херувима им не иначе как сам бог послал, сам же он, в этом, по крайней мере, эксперименте нимало не тревожился за судьбу тварей своих, ангельский же страж, которому и поручено было близко не подпускать изгнанников к райским вратам, принял их, чуть было не сказал — по-христиански, накормил, а главное — подготовил для жизни, подав несколько поистине бесценных практических советов и указав таким образом правый путь к спасению тела, а значит, и души. Чета рассыпалась в изъявлениях благодарности, ева, обняв херувима, не удержалась даже от слез, и подобные сантименты не понравились мужу, у которого немного спустя все же сорвался с языка вопрос: Ты ему что-нибудь дала взамен. Что и кому я могла дать, недоуменно спросила ева, прекрасно зная, куда клонит адам. Кому-кому, ему, азаэлю, кому ж еще, отвечал супруг, благоразумно опуская первую часть своего высказывания. Он же херувим, ангел, ответила ева и не сочла нужным что-либо к сказанному добавить. Ták надо понимать, что в этот самый день и началась великая война полов. Караван появился лишь три недели спустя. И, разумеется, не весь он подъехал к пристанищу адама и евы, а лишь передовой его дозор в составе троих всадников, которые хоть не имели полномочий нанимать людей на работу, проявили, однако, сострадание к этим бедолагам и посадили их позади себя на мулов, рассудив, что пусть начальник решает, что с ними делать. Переборов последние сомнения, адам, будто захлопывая за собой дверь, затоптал костер. Когда же в воздухе растаял последний дымок, херувим промолвил: Ушли, стало быть, что ж, счастливого пути.

3

Жизнь пошла на лад. Включили их в состав каравана, несмотря на вопиющую неумелость, и более того — не стали очень уж допытываться, кто они да откуда. Адам и ева сказали только, что, мол, заблудились, и ведь в высшем смысле именно так и было. И за исключением того, что были они господними чадами, непосредственным делом его божественных рук, а этого обстоятельства никто здесь знать не мог, не было особенных физиономических различий между ними и теми, кого так вовремя послала им судьба, и, пожалуй, можно сказать, что принадлежали они все к одной расе, ибо все были смуглокожи, черноволосы, темноглазы, густобровы. И когда родится авель, соседи будут дивиться, каким бело-розовым, словно зачат был ангелом, или архангелом, или херувимом, дай ему бог здоровья, явился он в этот мир. За миской чечевицы дело не стало, а вскоре начали супруги получать и плату, мизерную, прямо скажем, почти символическую, однако знаменующую начало жизни. Не только адам, но и ева — а почему бы, в сущности, и нет, тоже мне, владетельная особа — стали мало-помалу приобщаться к таинствам работы руками, постигая такие незамысловатые операции, как, например, создание скользящей петли на веревке, или такие сложные и хитроумные, как искусство владеть иглой и не исколоть себе при этом все пальцы. И когда караван вернулся туда, откуда неделю назад вышел по своим торговым делам, чете выделили шатер и циновки, чтоб было на чем и где спать, и благодаря этому и следующим периодам оседлой жизни смог адам наконец обучиться копать и пахать землю, бросать семена в борозду, чтобы вслед за тем превзойти и ту высшую степень аграрного мастерства, какую никакой бог, никакой господь не в силах был бы измыслить. Поначалу утварь ему одолжили, потом же он обзавелся собственным, так сказать, инвентарем, и вот по

прошествии немногих лет сумел прослыть среди соседей рачительным и умелым хозяином. Постепенно времена эдема, логова в пустыне, волчца и терний, мутноводного ручья стали изглаживаться из памяти его, чтобы вслед за тем представлять ему иногда в виде беспричинно возникающих впечатлений не от чего-то прожитого или хотя бы сновиденного, но от иной, смутно прочувствованной жизни, иного бытия, иной, совсем иной судьбы. В евиной памяти имелся особый уголок, отведенный азаэлю, херувиму, нарушившему приказ господа, чтобы спасти от верной смерти господом же сотворенных существ, однако она никому о том не рассказывала. И настал день, когда адам смог купить клочок земли, назвать его своим и из необожженного кирпича сложить на склоне холма домик, где и появились на свет трое его сыновей — каин, авель, сиф, и каждый из них в свой час, в надлежащее время ползал меж кухней и комнатой. А также и между кухней и пашней, потому что двое старшеньких, когда малость подросли, с простодушной хитростью использовали все средства — законные и не очень, — чтобы отец посадил их на спину семейного осла и взял с собою на работу. Довольно рано выявилось, сколь несхожи пристрастия у этих малышей. Если авель предпочитал общество овец и баранов, каина сильнее всего тешили мотыга, вилы да коса, и если одного властно влекло к себе скотоводство, то второй оказался прирожденным земледельцем. И надо признать, что подобное распределение рабочих рук в домашнем хозяйстве было совершенно идеальным, благо полностью покрывало оба важнейших сектора тогдашней экономики. И, по единодушному мнению соседей, у этой семьи есть будущее. И будет оно, как в скором времени выяснится, благодаря совершенно необходимой помощи господа, который для того ведь и существует. Каин и авель с младых ногтей были такими закадычайшими друзьями, такими неразлейвода, что казались словно как бы уже и не братьями, и один следовал за другим, как нитка за иголкой, а все, что делали они, делали вместе, и сообща, и по взаимному согласию. Господь их возлюбил, господь их соединил, говорили не без ревности деревенские мамыши, и похоже было на то. И так шло, покуда будущее не сочло нужным наконец появиться. Абель растил скот, каин возделывал землю, и как предписывают обычай и вера, оба принесли господу дары от трудов своих, то есть один бросил в огонь самые лакомые части бараньей туши, а другой — плоды земли, колосья да початки. Дальше случилось нечто до сих пор необъяснимое. Дым от жертвы, предложенной авелем, поднимался прямо в небеса, покуда не исчез в бесконечности пространства, что означало — господь принял жертву и остался ею доволен, призрел, так сказать, на авеля и на дар его, а вот дым от каиновых плодов, возвращенных с любовью, уж по крайней мере не меньшей, далеко не пошел, рассеялся прямо здесь, совсем невысоко от поверхности земли, ясно обозначая, что господь отверг жертвы безоговорочно. Каин в тревоге и смятении предложил брату поменяться местами, надеясь, что, может быть, это поток воздуха стал причиной такой неприятности. Поменялись, но результат остался прежним. Сомнений не было, господь на каина не призрел. Тут вдруг выявился и истинный авелев нрав. Нет чтоб пожалеть брата, попытаться его утешить, нет, авель стал насмехаться, а вдобавок — перед ним безмолвным и растерянным, — выхваляться и тщеславиться, объявляя себя господним любимцем, божьим избранником. Бедняге каину ничего не оставалось, как проглотить горькую обиду да вернуться к трудам. Всю неделю повторялось неизменно одно и то же, дым от одного костра устремлялся прямо в поднебесье, а от другого — стелился над самой землей и тотчас рассеивался. И все так же безжалостен был авель, все такие же презрительные строил авель насмешки. И вот однажды каин позвал брата в недалнее поле, где, как говорили, объявилась лисица, и там своими руками, ослиной челюстью, загодя припрятанной в кустах, убил его — и действовал, значит, с заранее обдуманном намерением. Именно в этот самый миг, то есть с опозданием по отношению к случившемуся, господь подал голос, а вслед за тем появился и сам. Давно уж не было о нем ни слуху ни духу, и вот теперь возник, и одет был в точности так же, как в тот день, когда изгонял из райского сада злосчастных родителей этих двоих. Тройной венец на голове, скипетр в правой руке, и от плеч до пят

облачен в некую, что ли, багряницу — хламиду из какой-то богатой ткани. Где брат твой, что сделал ты с ним, осведомился он, и каин ответил вопросом на вопрос: Да я чт#243; ему, нянька, что ли. Ты убил его. Да, убил, но виноват в этом прежде всего ты, я бы жизнь за него отдал, не будь эта самая жизнь тобой погублена. Я желал испытать тебя. А кто ты такой, чтоб испытывать тех, кого сам же и создал. Я полновластный хозяин всего. И всех, не забудь добавить, но надо мной и моей волей ты не властен. Волей убивать. Точно так же, как ты волен был допустить это убийство, хотя вполне мог бы воспрепятствовать ему, ибо для этого надо было всего лишь отринуть свою надменную непогрешимость, присущую тебе наравне со всеми другими богами, надо было всего лишь на миг стать по-настоящему милосердным да со смирением принять мой дар, мои жертвы, а не отвергать их так дерзостно, ибо ты, как и прочие боги, несешь обязательства перед теми, кого, как принято считать, сотворил. Твои речи пахнут мятежом. Может быть, и так, но, уверяю тебя, будь я богом, твердил бы неустанно и ежедневно: Блаженны те, кто избирает мятеж, ибо их есть царство земное. Святотатствуем. Может быть, но не больше, чем ты, позволивший авелю умереть. Это ты его убил. Да, это правда, но я был лишь орудием, карающей десницей, приговор же вынес ты. Эта кровь не на мне, каин вправе был выбирать меж добром и злом, а если выбрал зло, заплатит за это. Тот, кто обчистил виноградник, виноват не больше того, кто стоял на стремяе, сказал каин. И пролитая кровь требует воздаяния, упорствовал бог. Если так, то воздастся тебе и за случившуюся смерть, и за ту, которой не произошло. Объяснись. Вряд ли тебе придется по вкусу мое объяснение. Это уж не твоя печаль, говори. Это очень просто, я убил авеля, потому что не мог убить тебя, так что в намерении моем ты мертв. Понимаю твою мысль, но смерть, видишь ли, богам не страшна. Да, хотя они должны бы отвечать за все убийства, совершенные во имя их или из-за них. Бог ни в чем не повинен, не будь его, все шло бы в точности также. Но я убил, и, следовательно, меня может убить каждый, кто встретит. Нет, этого не будет, я заключу с тобою договор. Договор со злодеем, удивился, не веря своим ушам, каин. Ну, скажем так, договор о разграничении ответственности за смерть авеля. Значит, ты признаешь свою часть вины. Признаю, только никому не говори об этом, пусть это будет общим секретом бога и каина. Быть такого не может, наверно, мне это снится. С богами подобное происходит сплошь и рядом. Потому что неисповедимы, как принято выражаться, ваши пути, спросил каин. Насколько я знаю, ни один бог никогда не говорил такого, нам и в голову бы никогда не пришло заявить, будто наши пути неисповедимы, все это придумали люди, считающие, что они с божеством на короткой ноге. Стало быть, я не буду наказан за мое преступление, спросил каин. Часть моей вины твою вину целиком не покроешь, ты получишь кару. Какую же. Будешь ты скитальцем и изгнанником на земле. Но в этом случае всякий, кто встретится со мною, убьет меня. Нет, не убьет, я поставлю некое знамение на твое чело, и никто не посмеет причинить тебе зло, а в расплату за мое благоволение постарайся и ты не сотворишь никому никакого. С этими словами господь указательным пальцем прикоснулся ко лбу каина, и там появилось маленькое черное пятнышко. Вот это станет знаком того, что ты осужден, сказал он, но также и того, что ты всю жизнь будешь под моей защитой, и я буду следить за тобой, где бы ты ни был. Согласен, сказал каин. Что ж тебе еще остается. И когда же будет исполнен мой приговор. Немедленно. А можно мне хоть с родителями проститься, спросил каин. Смотри сам, я в дела семейные не вмешиваюсь, отвечал господь, только учти, они наверняка спросят, где брат твой, авель, а ты, полагаю, не скажешь им, что убил его. Нет. Что нет. Не стану прощаться ни с отцом, ни с матерью. В таком случае отправляйся. Говорить больше было не о чем. Господь исчез прежде, чем каин успел сделать первый шаг. Лицо авеля было облеплено мухами, мухи облепили открытые глаза, губы, раны на руках, которые он вскинул, пытаясь защититься от ударов. Бедный авель, обманутый господом. Господь сделал самый скверный выбор для торжественного открытия райского сада, и в рулетку эту проиграли все, и в скрытую от глаз мишень никто покуда еще не попадал. У адама с евой еще оставалась возможность родить

сына взамен убитого, но поистине печальна участь людей, не имеющих в жизни иной цели, как воспроизводство потомства неведомо зачем и для чего. Чтобы род продолжить, возразят нам иные, те, кто верит в конечную цель, в последний резон, но малейшего понятия не имеют, каковы будут они, цель эта и резон, и никогда не спрашивают себя, во имя чего бы роду этому продолжаться, словно он и есть единственная и окончательная надежда вселенной. Свой ответ каин уже дал: Я убил авеля, потому что не мог убить господа. Дальнейшее не сулит этому человеку ничего хорошего.

4

И все же, все же у этого изгнанника, что идет по дороге, преследуемый собственными шагами, у этого навеки проклятого братоубийцы есть как минимум и добрые начала. Пусть о них расскажет мать, которая столько раз обнаруживала, что сын сидит на влажной земле в саду и не сводит глаз с недавно посаженного деревца, ожидая, когда же оно вырастет. Ему было в ту пору года четыре или пять, и он желал увидеть, как растут деревья. Тогда же она, будучи еще больше, чем сын, склонна, по всему судя, к игре воображения, объяснила ему, что деревья очень робки и стыдливы и растут, лишь когда мы на них не смотрим: Они стесняются, сказала она однажды. Каин на несколько мгновений погрузился в молчаливую думу, а потом ответил: Тогда ты на них и не смотри, не смущай их, а ко мне уже привыкли. Мать, предвидя, что за этим последует, отвела взгляд, и тотчас прозвучал торжествующий голос сына: Подросло, подросло, верно я сказал, чтоб ты на них не смотрела. В тот же вечер, когда вернулся с работы адам, она со смехом рассказала ему об этом, а он ответил: Этот мальчик далеко пойдет. Без сомнения, так и было бы, не сойдишь его дорога с путем господа. Тем не менее прошел каин и в самом деле довольно далеко, хоть и не в том смысле, какой вкладывал в свои слова отец его, адам. Приволакивая ноги от усталости, шел он пустошью, где не было даже развалившейся лачуги или еще какого-нибудь признака жизни, шел в полнейшем одиночестве, еще более гнетущем от того, что плоское небо грозило неминуемым ливнем. Укрыться было негде, кроме разве что под деревом, в рощице, по мере приближения медленно выраставшей на низком горизонте. Редкая листва не обещала защиты, достойной этого понятия. И лишь когда упали первые капли, каин заметил, что рубаха у него вся в крови. Подумал сперва, что, может быть, кровь смоеся дождем, но потом решил замазать землей, никто не догадается, что там под нею такое, тем паче что чего другого, а уж людей в грязной, заскорузлой одежде в здешних местах встретишь в избытке. Полило со всей силы, рубаха вскоре намокла, набухла влагой, от кровавого пятна и следа не осталось, да если бы даже и осталось, всегда ведь можно сказать, что это кровь жертвенного барашка. Да, сказал каин вслух, однако авель был никакой не жертвенный барашек, а мой брат, и я убил его. В этот миг он не помнил, как сказал господу, что в преступлении виноваты они оба, однако память не замедлила прийти к нему на помощь, и тогда он добавил: Если господь, который, как уверяют, всеведущ и всемогущ, сумел бы вовремя убрать из-под куста ослиную челюсть, я бы не убил авеля и сейчас мы бы с ним сидели рядышком на пороге дома да смотрели, как льет, и, признав, что господь в самом деле поступил нехорошо, когда отверг то единственное, что я мог ему предложить, а именно моим потом политые зерна и колосья, авель остался бы тогда жив, а мы — друзьями, какими были всегда. Вопреки пословице, плакать над пролитым молоком — дело не столь уж бесполезное, а в известной степени даже и поучительное, ибо показывает нам, сколько легкомыслия содержится в тех или иных поступках человеческих, хотя, конечно, если уж разлили молоко, так тут ничего не попишешь, остается лишь затереть лужу, а вот если умер авель не своей смертью, то лишь потому, что кто-то ему эту смерть сподобил. Предаваться размышлениям, когда тебя поливает сверху, — не лучшее на свете занятие, и, вероятно, по этой самой причине дождь время от времени прекращался, словно бы для того, чтобы каин мог думать без помехи и свободно

следовать за ходом своих мыслей туда, куда они его вели. А куда именно, мы никогда не узнаем — да и он тоже, — потому что внезапное появление будто из ниоткуда взявшихся остатков лачуги отвлекло каина от дум его, тяжких и скорбных. Было видно, что клочок земли на задах полуразвалившегося дома когда-то возделывался, но не менее очевидно было и то, что обитатели оставили его довольно давно, хоть, может быть, и не очень, если принять в расчет хрупкость, шаткость, ненадежность, присущие этим убогим постройкам, которые развалятся за один сезон, если не уделять им постоянного внимания. Руки надо приложить, заботливые и рачительные руки, а иначе домишко такой едва ли выдержит разрушительное воздействие стихий, а особенно — дождя, пропитывающего влагой необожженные кирпичи, и ветра, проскребаящего фасад как все равно крупнозернистый наждак. Часть внутренних стен рухнула, потолок едва ли не весь обвалился, но все же оставался один относительно защищенный угол, где усталый путник и прилег. Он едва держался на ногах и не только потому, что много прошел, но и от голода, что давал о себе знать все яснее. День уже совсем почти склонился к вечеру, скоро уж стемнеет. Останусь здесь, вслух по своей привычке сказал каин, словно бы для того, чтобы успокоиться немного, хотя никто ему в эту минуту не угрожал и, вероятней всего, сам господь не ведал, где он сейчас находится. Было не слишком холодно, но промокшая, пропитанная влагой рубаха липла к телу, вызывая озноб. Каин подумал, что если разденется, убьет сразу двух зайцев, ибо, во-первых, перестанет дрожать, а, во-вторых, рубаха, сотканная из полотна скорее тонкого, нежели грубого, скорее и высохнет. Он так и поступил и в самом скором времени почувствовал себя лучше. Ему, конечно, не очень нравилось сидеть здесь таким, как пришел в этот мир, но ведь находился он здесь в полнейшем одиночестве, никто его не видел, никто не мог бы к нему прикоснуться. Последняя мысль вызвала у него новую дрожь, но не ту, что была прежде и порождалась соприкосновением с влажной рубахой, — теперь вздрогнул и слегка шевельнулся, набухая, его детородный орган, но тотчас и опал, будто устыдившись самого себя. Каин знал, что это такое, но, несмотря на юные годы, особого внимания на него не обращал, а, может быть, просто опасался, что ждать от этого следует скорее худшего, чем добра. Свернулся в своем углу, подтянув колени к груди, и так заснул. А разбудил его рассветный холод. Каин протянул руку пощупать рубаху, убедился, что еще влажная, однако решил все же натянуть, на теле высохнет. Ночью не снилось ему кошмарных — да и никаких иных — снов, спал он так, как должен был бы по его представлениям спать камень, не наделенный совестью, ответственности своей не признающий и вины за собой не знающий, но первое, что сказал каин, пробудившись, было все же: Я убил своего брата. Будь на дворе иные времена, он, вероятно, принялся бы стенать, рыдать в отчаянии, быть может, колотить себя кулаками по голове и в грудь, но поскольку мир был таков, каков был, и торжественное открытие его состоялось, в сущности, совсем недавно, а потому очень многих слов, чтобы предпринять хотя бы первые попытки высказать, кто мы, еще не хватало, а какие были, оказывались не вполне удачны и уместны, то каин ограничился тем лишь, что принялся снова и снова повторять слова уже сказанные и повторял до тех пор, пока они, утратив всякий смысл, не превратились в набор нечленораздельных звуков, в бессвязное бормотание. Вот тогда он понял, что все-таки ему снилось, вспомнил не само сновидение, но некий образ, причем свой собственный, то есть видел во сне, как возвращается домой, а дома, стоя в дверях, ждет его брат. Так он и будет вспоминать авеля всю жизнь, будто примирившись со своим злодеянием и не терзаясь угрызениями совести.

Каин вышел наружу, глубоко вдохнул холодного воздуха. Солнце еще не взошло, однако небо по краю уже окрасилось нежно-розовым, и этого оказалось довольно, чтобы в первом свете зари безжизненный и однообразный пейзаж перед глазами преобразился, представ новым эдемом, в отличие от старого не знающим запретов. У каина не было никаких оснований направлять свои стопы в какую-то определенную сторону, но он инстинктивно отыскал те метки, что мысленно оставил перед тем, как свернуть к лачуге, давшей ему приют

вчера. Впрочем, ее и так было бы нетрудно найти — надо лишь идти навстречу солнцу, в ту сторону, откуда оно вскоре должно будет взойти. Желудок перестало сводить, видно, несколько умиротворенный сном, он унял свои требования, и хорошо бы ему и дальше оставаться в таком расположении, ибо надежды на то, что скоро удастся раздобыть еды, не было никакой, и хотя изредка попадались смоковницы, плодов на них не имелось, их время еще не пришло. И, собрав остаток сил, о котором прежде и не подозревал, каин снова двинулся в путь. Выглянуло солнце, день сегодня, судя по всему, обещал быть жарким и погожим. Прошло не очень много времени, и каин вновь почувствовал, что устал. Следовало непременно найти себе пропитание, иначе он так и останется распростерт в этой пустыне и через несколько дней хищные птицы или свора одичалых собак, до сих пор пока еще не обнаруживавших свое присутствие, позаботятся о том, чтобы труп его превратился в дочиста обглоданный скелет. Но, Впрочем, нет оснований предполагать, что история каина здесь окончится, и нет их прежде всего потому, что не стал бы господь тратить столько времени на проклятия, если бы злодею предстояло умереть на этой пустоши. Известие пришло снизу, поднялось от усталых ног, с опозданием заметивших, что ступают уже по другой почве, голой, без трав и пресловутых волчцов, по которым так трудно было идти, а если все назвать своими словами — и притом немногими — скажем, что каин, сам не зная, как это у него вышло, выбрался наконец на дорогу. И возрадовался бедный странник, ибо всякому известно, что любая дорога, тракт, большак, тропинка рано или поздно, но непременно выведет к какому-нибудь поселению, где найдешь работу, крышу над головой и ломоть хлеба, чтобы унять этот несносный голод. И окрыленный неожиданным открытием, каин сжал, как принято выражаться, волю в кулак, нашел в себе — где-то там, где их вроде бы и быть уже не могло, — силы и ускорил шаги, все надеясь увидеть дом с признаками жизни, мужчину верхом на осле или женщину с кувшином на голове. Но идти пришлось долго и пройти много. И тот, кто в конце концов появился перед ним, был стариком, шел пешком и вел на одной веревке двух овец. Каин приветствовал его самыми сердечными словами, какие только имелись в его распоряжении, но встречный ответил, что называется, не в такт: Что это у тебя на лбу такое. Захваченный врасплох каин в свою очередь ответил вопросом: Где. Да вот здесь, и старик дотронулся до собственного лба. Родимое пятно. Должно быть, ты нехороший человек. С чего ты взял, откуда ты можешь это знать, неблагоразумно воскликнул каин. Есть такая поговорка: Дьявол знает, кого когтем тронуть. Я не лучше и не хуже всех прочих, а сейчас просто работу ищу, сказал на это каин, стараясь перевести беседу на интересующую его тему. Чего другого, а работы здесь в избытке, ответил старик, ты что умеешь делать. Земледелец я. Земледельцев у нас больше чем надо, тут ты ничего не добьешься, тем паче что пришел один, без семьи. Потерял я ее. Это как же. Потерял, да и все, и рассказывать тут нечего. Раз так, оставайся, а я пойду, лицо твое мне не нравится, да еще и метка эта на лбу. Старик уже отошел на несколько шагов, но каин задержал его: Постой, скажи хоть, как называются эти места. Страна нод. А что значит нод. Значит край изгнанников, земля беглецов, а теперь ты, раз уж пришел сюда, скажи мне, откуда изгнан и почему бежишь. Я не рассказываю о своей жизни первому, кто попался мне навстречу на дороге с двумя овцами на одной веревке, я тебя не знаю, не обязан тебя уважать и, значит, отвечать на твои вопросы. Мы с тобой еще увидимся. Может быть, может быть, если здесь не найду работы и принужден буду искать другой судьбы. Если умеешь обжигать кирпич и кладку ладить, то вот она, судьба твоя. И куда же мне идти, спросил каин. По этой улице направо, дойдешь до площади, там и получишь ответ. Прощай, старик. Прощай, ты, надеюсь, старости не изведает. За словами произнесенными угадываю много слов утаенных. Ну да, вот, к примеру, на лбу у тебя вовсе не родимое пятно, и оно не само собой появилось, и в речах твоих нет ни крупицы правды. А ты не думаешь, что моя правда для тебя может прозвучать ложью. Может, может, все может быть, сомнения присущи тем, кто много прожил, и не потому ли тебе не удалось выдать за правду то, что мне представляется ложью. Кто ты,

вопросил каин. Остерегись, паренек, спрашивая, кто я, ты тем самым признаешь мое право задать тот же вопрос тебе. Никто не принудит меня ответить. Ты сейчас войдешь в этот город, ты в нем обоснуешься, и рано или поздно все станет известно. Пусть так, но не от меня. Ладно, назови хоть, по крайней мере, свое имя. Авель — имя мое, сказал каин.

И покуда лже-авель шагает к площади, где, если верить старику, он встретится со своей судьбой, ответим на высокоученое наблюдение наших читателей — самых бдительных, до тошноты дотошных, вечно пребывающих настороже, — которые наверняка заявят, что вышеприведенный диалог решительно невозможен с точки зрения исторической и неправдоподобен в плане культурном, ибо пресловутый земледелец без земли и невесть откуда взявшийся старик без роду и племени никогда не смогли бы ни мыслить подобным образом, ни излагать свои мысли. И, разумеется, в своем праве будут заявляющие об этом читатели, однако, согласимся, вопрос не в том, располагаем ли мы нужными мыслями и должными средствами их выражения, а в собственной нашей способности допустить — хотя бы в силу простой человеческой способности к сопереживанию и интеллектуального великодушия, — что селянину из самой изначальной эпохи и старику, ведущему на одной веревке двух овец, ограниченность познаний и скудость языка, тоже еще только делающего первые шаги, не помешают выразить предчувствия и наития, на сторонний взгляд им вовсе не свойственные. Ну, то, что они не произносили именно эти слова, настолько очевидно, что даже не обсуждается, но сомнения, подозрения, замешательства и смущения, наступления и обороны аргументов — это все наличествовало. А мы всего-навсего облекли в слова современного языка двойную, непостижимую для нас тайну языка и мышления, бытовавших во времена иные. И если сейчас вышло связно, то почему бы не выйти такому и в те давние поры, ибо да кто мы все в сущности есть, как не погонщики мулов, по дороге шагающие. Все — и мудрецы, и невежды.

Но вот и площадь. Вообще-то говоря, было бы безбожным преувеличением назвать все это — город. Россыпь приземистых, вразнотык стоящих домишек, кучка детишек, играющих непонятно во что, взрослые, бродящие как во сне, ослы, бредущие, кажется, куда им хочется, а не куда ведут, и ни один город, достойный называться городом, не опознается в убожестве той картинки, которую мы нарисовали, потому что не хватает автомобилей и автобусов, дорожных знаков и указателей, светофоров, подземных переходов, реклам на фасадах или на крышах домов, ну, одним словом, современности не хватает. Впрочем, все в свое время придет, ход прогресса, как будет признано несколько позднее, неудержим и фатально неизбежен как смерть. Или как жизнь. В глубине виднеется здание — нечто вроде неуклюжего двухэтажного дворца, не имеющего ничего общего с мафрой,² скажем, с версальским или букингемским — в лесах, на которых надрываются десятки каменщиков и их подручных, сии последние тащат на спине поддоны с кирпичами, а первые укладывают их правильными рядами. Каин ничего не смыслит в высоком искусстве каменщика или в низком ремесле подсобника, но если судьба поджидает его здесь, то, сколь бы горькой ни оказалась она, а узнается это, когда изменить что-либо уже слишком поздно, остается лишь встретить ее лицом к лицу. Как подобает мужчине. Поглубже запрятав страх и голод, от которого подкашиваются ноги, каин подошел к лесам. Если работяги поначалу и приняли его за еще одного из тех досужих зевак, которые во все века глазают на то, как работают другие, то очень скоро поняли, что ошиблись, и перед ними — очередная жертва кризиса, бедолага безработный, ищущий выход из затруднительного положения. И, избавляя каина от необходимости изъяснять свою нужду, мигом указали ему в ту сторону, где стоял, следя за работой, надсмотрщик: Потолкуй-ка с ним. Каин пошел, куда было сказано, взобрался на площадку и после взаимных приветствий сообщил, что ищет работу. Что умеешь делать,

² Имеется в виду грандиозный монастырский ансамбль в португальском городе Мафре, построенный в 1707–1750 гг. Ему посвящен роман Ж. Сарاماго «Воспоминания о монастыре» (1982).

осведомился тот, и каин ответил: В вашем ремесле не разумею ничего, полагаю однако, что пара рук могут вам пригодиться. Пара рук — едва ли, коль скоро ты незнаком с тонкостями кладки, а вот пара ног может и понадобится. Ног, удивился каин, не понимая. Нуда, ног, чтобы месить глину. А-а. Постой здесь, я переговорю с десятником. И отошел, но уже на ходу обернулся и спросил: Как зовут тебя. Авель, ответил каин. Надсмотрщик вскоре вернулся и сказал: Можешь начинать прямо сейчас, пойдем, отведу тебя туда, где месят глину. Сколько я буду получать, спросил каин. Месильщики все получают одинаково. Нет, но я-то сколько заработаю. Не я этим заведу, но во всяком случае вот тебе добрый совет — о деньгах прежде времени не спрашивай, не в том ты виде, вот покажешь, чего стоишь, тогда и допытывайся, и еще тебе скажу — вообще вопросов не задавай, жди, когда тебя спросят или молча уплатят. Если ты считаешь, что так будет лучше, я так и поступлю, хоть мне и кажется, что это неправильно. Здесь лучше быть терпеливым и покладистым. Чей это город, как зовется он. Кто — город или тот, кому он принадлежит. Оба. У города, видишь ли, еще нет имени, кто так его называет, кто — эдак, но так или иначе здешние места лежат в пределах земли нод. А, это я знаю, старик, которого я повстречал по дороге, сказал. Старик с двумя овцами, привязанными на одну веревку, уточнил провожатый. Да. Он появляется здесь время от времени, но сам нездешний. Ну, так как же зовут того, кто владеет этими землями. Не того, а ту, и зовут ее лилит. Она что же, не замужем, спросил каин. Я слышал, что вроде есть у нее муж по имени ной, но всем вертит и заправляет она, сказал надсмотрщик и тотчас добавил: Ну вот, пришли. Несколько человек в подоткнутых и завязанных узлом выше колен рубашках топтались в неимоверных размеров лохани, заполненной песком, глиной и соломой, имея целью превратить эту смесь в однородную массу, насколько возможно это при полном отсутствии механических средств. Работа эта не требовала ни навыка, ни большой искусности, а всего лишь крепких ног, но также, вероятно, и смирённого, то бишь сытого, брюха, что, как мы знаем, к каину не относится. Сказал надсмотрщик: Давай лезь, делай то же, что и другие. Я три дня не ел, ноги не держат, боюсь свалиться в эту глину. Ступай за мной. Мне нечем уплатить. Потом сочтемся, пошли. Оба приблизились к стоящему сбоку площади подобию ларька, где торговали чем-то съестным. Чтобы не перегружать наш рассказ историческими деталями, без которых вполне можно обойтись, обойдем молчанием и скромный ассортимент, тем более что не все его ингредиенты поддаются нашей идентификации. Но выглядело вполне аппетитно, и каин набросился на еду так, что любо-дорого было посмотреть. Тут надсмотрщик спросил: Что за блямба у тебя на лбу, не похоже, что от природы. Может, и не похоже, но я с ней на свет появился. А кажется, будто кто-то тебя пометил. Старик с двумя овцами на одной веревке сказал, помнится, то же самое, но вы оба ошибаетесь. Ты сказал. Да, сказал, и говорю, и буду повторять столько раз, сколько нужно будет, но лучше бы оставили меня в покое, ведь будь я хромоног, не стали бы мне тыкать в нос моим увечьем и беспрестанно напоминать о нем. Ты прав, не буду больше тебе досаждать. Да ты нисколько не досаждаешь, наоборот, я так благодарен тебе за великую помощь, ты и на работу меня устроил, и достал еды, от которой душа стала наконец на место, а, может быть, еще и. Что еще. Мне ночевать негде. Ну, это не беда, дам тебе циновку, а поблизости есть постоянный двор, замолвлю за тебя словечко перед хозяином. Да ты просто добрый самаритянин, сказал каин. Самаритянин, с интересом переспросил надсмотрщик, это что. Я и сам не знаю, как-то само сказалось это слово, а что оно значит, понятия не имею. Похоже, однако, что понятий у тебя в голове больше, чем можно судить по твоему виду. Да уж, рубаша моя, прямо скажем. Одолжу тебе свою, а в этой будешь работать. По крайнему моему разумению, на свете этом не слишком-то много добрых людей, и мне крепко повезло, что я встретил одного из них. Сыт, грубовато, словно досадуя на эти хваты, оборвал его надсмотрщик. Да, больше не лезет, не припомню, когда в последний раз так наедался. В таком случае — становись на работу. Они вернулись ко дворцу, на этот раз пройдя мимо уже достроенной его части, и увидели на балконе женщину, одетую с роскошью, надо полагать,

по тем временам неслыханной, и женщина эта, даже издали казавшаяся писаной красавицей, рассеянно скользнула по ним невидящим взглядом. Кто это, спросил каин. Лилит, хозяйка этого дворца да и всего города, молись, да покрепче, чтобы не положила на тебя глаз. Почему. Да рассказывают о ней такое. Что именно. Говорят, она колдунья и чарами своими способна свести мужчину с ума. Какими чарами, допытывался каин. Не знаю и знать не хочу, я человек не любопытный, и мне хватило того, что я видел двоих или троих, познавших ее плоти. И что же. Без слез нельзя было смотреть на этих несчастных, это были призраки, тени самих себя. Не сошел ли ты с ума, воображая, что месильщик будет спать с той, кто царит в этом городе. Не царит, а всего лишь владеет. Это одно и то же. Вот и видно, что ты не знаешь женщин, они на все способны, и на лучшее, и на худшее, одна отдаст свой царский венец, только бы дали ей стирать в реке рубаху своего возлюбленного, другая на все пойдет, по трупам пройдет, чтобы воссесть на престол. Знаешь по собственному опыту, полюбостовал каин. Да нет, просто наблюдаю, смотрю, для того я и сделан надсмотрщиком. Тем не менее какой-то опыт у тебя есть. Да, кое-какой имеется, но я, знаешь ли, птица невысокого полета, крылья коротки. А я и вообще не взлетал ни разу. Хочешь сказать, что не был еще с женщиной. Не был. Успеется, ты еще молод. Тем временем они уже подошли к исполинской бадье, и надсмотрщик, дождавшись, когда поравняются с ними месильщики, которые смещались от центра к периферии и время от времени менялись местами, так что те, кто был посередине, оказывался с краю, а кто с краю — посередине, тронул каина за плечо и сказал: Войди.

Как и у всего прочего, есть и у слов свои что, свои как, свои почему. Одни, величаю напыжась, спесиво надувшись, тщатся придать себе важности, представить дело так, словно предназначены для великих свершений, хотя, как до дела дойдет, окажутся легчайшим дуновением ветерка, неспособным даже шевельнуть мельничное крыло, а вот другие, обыденные, расхожие и общеупотребительные, возымеют со временем последствия, каких никто и вообразить себе не смел, и, хоть не для этого пришли в мир, заставят его содрогнуться. Надсмотрщик сказал: Войди, и это было то же, что сказать: Принимайся месить глину, начинай зарабатывать себе на хлеб, то же да не то, ибо именно это слово по слогам произнесет через несколько недель лилит, когда по приказу ее доставят к ней человека, носящего, как говорят, имя авель. Может, конечно, показаться странным, что эта женщина, о которой идет слава, будто она не знает ни удержу своим желаниям, ни препон в удовлетворении их, выждала несколько недель, прежде чем открыть дверь своей спальни, но и этому есть объяснение, как будет видно из нижеследующего. В течение этих недель каин даже и отдаленно представить себе не мог, какие мысли вынашивает женщина по имени лилит, которая в сопровождении целой свиты стражников, невольниц и слуг стала вдруг время от времени появляться у бортика месильни. Так благодушный помещик, выказывая интерес к урожаю, собранному трудами его работников, одушевляет их на новые свершения одним лишь своим приходом и не скупится на ободряющие слова, а порой даже и не гнушается пошутить с ними по-свойски, народ посмешить — а уж искренне, нет ли, смеются ему в ответ, вопрос другой. Но лилит не вступала в разговоры ни с кем, кроме надсмотрщика, а у того требовала сведений, как подвигаются работы, и лишь время от времени и явно для поддержания беседы интересовалась, откуда, мол, из каких краев понабрали месильщиков, ну, хоть, к примеру, этого вот. Не знаю, госпожа, откуда он родом, когда я ему задал этот вопрос, более чем естественный, согласитесь, ведь должны же мы знать, кого принимаем на работу, он показал куда-то на запад и пробурчал одно лишь слово, да, помнится, что всего лишь одно. И какое же это было слово. Оттуда, госпожа. А по какой причине оставил он отчий край, он не сказал. Нет, госпожа. А как его зовут. Амель, госпожа, он сказал мне, что зовут его авель. И что же, он хорошо работает. Хорошо, госпожа, он из тех, кто скуп на слова, а обязанности свои исполняет исправно. А что это такое у него вон там, на лбу. Я спрашивал, он ответил, что, мол, с рождения. Стало быть, про этого авеля, пришедшего с запада, мы

ничего не знаем. Да и не про него одного, госпожа, если не считать здешних, местных то есть, все прочие — бродяги или беглецы и предпочитают особо о себе не распространяться, может, друг с другом они и откровенны, но я и в этом не убежден. Ну а как ведет себя этот, с отметиной на лбу, как держится. По моему мнению, так, словно хочет быть как можно более незаметным. Я, однако же, заметила, пробормотала лилит. Спустя еще несколько дней появился у месильни посланный из дворца и спросил у каина, знает ли тот какое-нибудь ремесло. Тот отвечал, что прежде хлебопашествовал, но принужден был оставить это занятие — земля не родит. Посланец доставил полученные сведения и вернулся через три дня с приказанием месильщику авелю сей же час прибыть во дворец. Отмыв по мере сил ноги от глины, каин в чем был, то есть в своей старой, перепачканной и превратившейся чуть ли не в рубище рубахе, последовал за посланцем. Через низкие боковые двери они вошли во дворец, где ожидали их две женщины. Посланец удалился, чтобы доложить, что месильщик авель доставлен и вверен заботам невольниц. А те провели каина в уединенный покой, где раздели и вымыли с ног до головы теплой водой. От рук их, настойчивых и вездесущих, случилось с ним то, что принято именовать восстанием плоти, и справиться с ним кайну было не под силу. Невольницы рассмеялись и в ответ удвоили внимание, оказываемое немой флейте, как называли они возбужденный уд, прыгавший у них в руках с упругостью нападающей змеи. Результат, в подобных обстоятельствах более чем предсказуемый, не заставил себя ждать, и так же внезапно струя семени чередой судорожных толчков ударила в губы и щеки коленопреклоненных рабынь. В голове каина молнией вспыхнуло озарение — ах, так вот зачем его доставили сюда из месильни, нет, явно не за тем, чтобы доставлять удовольствие простым рабыням, которым пристало получать иные, сообразные своему положению радости и утехы. Благоразумное предостережение надсмотрщика пропало впустую, каин угодил ногой в силок, куда хозяйка дворца подталкивала его неторопливо и мягко, действуя как бы невзначай и безотчетно, словно размышляла о чем-то другом или засмотрелась на проплывающее в небесах облако. И последний удар был отсрочен с умыслом и с таким расчетом, чтобы семя, будто ненароком брошенное в землю, успело прорасти и расцвести. Что же касается плода, было ясно, что в скором времени будет сорван и он. Невольницы, казалось, совсем не спешили, сосредоточась теперь на том, чтобы извлечь последние капли семени из каинова члена, с видимым удовольствием поочередно погружая его в рот — неглубоко, на кончик пальца. Однако все на свете имеет свой конец, кончилось и это занятие, выстиранная рубаха облекла наготу мужчины, которому настал час, каким бы вопиющим анахронизмом ни прозвучало это слово в нашей библической истории, предстать пред ясные очи хозяйки дворца, а уж она решит его судьбу. Посланец, ожидавший внизу, при входе, с первого беглого взгляда догадался, что там произошло во время купанья, но принял все как должное, ибо посланцы по должности все на свете видели, удивить их трудно, а уж смутить и подавно. Кроме того, уже и в те времена было известно, как слаба плоть, в чем сама она, в сущности, не виновата, ибо дух, которому подобало бы воздвигать препону всякому искушению, неизменно сдается первым, первым выбрасывает белый флаг. Посланец — вернее будет назвать его посыльным — знал, куда ведет месильщика авеля, куда ведет и зачем, но в этом не завидовал ему, тогда как недавний эпизод с похотливыми рабынями волновал ему кровь. Во дворец на этот раз вошли через главные двери, потому что здесь ничто не совершается тайком и украдкой, и если хозяйка лилит завела себе нового любовника, то да будет это всем известно, да не останется здесь места шепоткам и шушуканьям за спиной, смешкам и лукавым недомолвкам, как неизбежно будет происходить в иных культурах и цивилизациях. Посыльный сказал невольнице, ожидавшей снаружи, у двери в покои: Передай госпоже, что мы здесь. Невольница ушла и, вернувшись, кайну сказала: Ты иди за мной, а посыльному: А ты ступай, тебя больше не нужно. Вот оно как на свете-то бывает, никому не приходится гордиться тем, что получил и выполнил деликатное поручение, ибо, скорее всего, по исполнении его будет сказано: Ступай, тебя больше не

нужно, и кому ж, как не посыльным, знать это. Лилит сидела на резном табурете, и наряд ее, стоивший, надо полагать, громадных денег, не страдал избытком стыдливости, ибо вырезом своим открывал начальный изгиб груди, а прочее позволял угадывать. Невольница удалилась, оставив их наедине. Лилит окинула каина оценивающим взглядом, и увиденное, похоже, ей понравилось. Ты теперь всегда, днем и ночью, будешь у дверей моей спальни, там поставят тебе топчан и табурет, и ты, пока я не передумаю, будешь привратником, никого не будешь впускать, понял, никого, кроме служанок, которые моют и прибирают мои покои. Так-таки и никого, госпожа, переспросил каин. Вижу, ты смышлен и сметлив, раз подумал о моем муже, да, и ему тоже вход сюда заказан, но он знает об этом, так что не трудись говорить ему. А если он все же попытается прорваться. Ты дюж и крепок телом, должен знать, как воспрепятствовать такому намерению. Не могу же я силой удерживать того, кто, владея этим городом, владеет и моей жизнью. Сможешь, если я прикажу. Рано или поздно отвечать за это придется мне. А этого, мой мальчик, никому еще в этом мире избежать не удавалось, а от одолевших сомнений или от боязни есть простое средство — вернуться в месильню. Никогда не думал, что мой удел — готовить раствор для каменной кладки. А я не поручусь, что ты на веки вечные останешься сидеть у дверей в опочивальню лилит. С меня довольно и того, что сейчас я — сторож при дверях твоих. Хорошо сказано, и уже за эти слова ты заслуживаешь поцелуя. Каин не отвечал, потому что припомнил в этот миг слова надсмотрщика: Берегись, говорят, она колдунья и чарами своими способна свести мужчину с ума. О чем задумался, спросила лилит. Ни о чем, госпожа, когда я стою перед тобой, я ни о чем не способен думать, я будто в столбняке. Может быть, ты заслуживаешь и второго поцелуя. Я готов, госпожа. А я еще нет, сторож. С этими словами она поднялась, расцепила застёжки своего одеяния, медленно, ласкающе проскользила ладонями по своему телу, огладила сперва груди, потом живот, потом то место, где сходятся бедра, и там помедлила, задержала руку, и все это — не сводя с каина взгляда пристального, но ничего не выражающего, как у каменной статуи. Свободные от моральной узды рабыни смеялись от чистого удовольствия, смеялись чуть ли не с безгрешной детской невинностью, покуда шарили по телу мужчины, покуда участвовали в игре, все правила которой и все способы их нарушить знали наизусть, но здесь, в этом покое, куда не проникал ни один посторонний звук, лилит и каин казались двумя соперниками, обнажившими мечи для смертельного поединка. Впрочем, лилит здесь уже не было, она ушла в комнату и закрыла дверь, и каин, оглядевшись, не увидел ничего, кроме оставленного ему табурета. На него он и присел, внезапно испугавшись того, что обещала ему вереница грядущих дней. Он чувствовал себя пленником, ведь она сама сказала: Будешь здесь днем и ночью, только не прибавила: Будешь, когда я захочу, моим племенным быком, заводским жеребцом, будешь крыть меня, и слово это, хоть и может показаться не только грубым, но и не к месту употребленным, потому что покрывают друг друга четвероногие, а не люди, на самом деле — очень даже кстати, потому что эти были в свое время столь же четвероноги, как и те, и ведь всем известно, что это сейчас различаются руки и ноги, а прежде и довольно долго были только ноги, и шло так до тех пор, пока кто-то, спохватившись, не сказал будущим людям: Поднимайтесь, пора. Еще каин спрашивает себя, не сбежать ли отсюда, пока не поздно, но сам понимает, что вопрос этот — праздный, что никуда он не сбежит, что за дверьми в спальне — женщина, которой вроде бы нравится, чередуя притяжения и отталкивания, заманивать его, но в один прекрасный день она скажет: Войди, и, войдя, он сменит одну тюрьму на другую. Не для этого я на свет родился, думает каин. Впрочем, и не для того, чтобы убить родного брата, а ведь, несмотря на это, я оставил в чистом поле его труп, облепленный мухами, и он, брат мой авель, тоже ведь не для этого родился. Каин проворачивает в голове события жизни и не находит им объяснения. И эта женщина, хоть она и, как нетрудно догадаться, просто больна от вожделения, все же находит отраду в том, чтобы отдалять миг, когда отдастся ему, но и это слово тут совершенно не годится, поскольку лилит, даже когда раскинет наконец ноги, пустит

его в себя, не себя отдаст, но его возьмет, заживо пожрет того, кому скажет: Войди.

5

Каин уже вошел, уже спал в постели лилит и, сколь бы неправдоподобно ни выглядело это, именно собственная его неискушенность в любовных делах не давала ему захлебнуться в том омуте сладострастия, который заверчивал женщину, заставлял ее летать как на крыльях и кричать как одержимую. Она скрежетала зубами, впивалась ими в подушку, а потом в плечо мужчины и всасывала его кровь. Каин же прилежно и усердно трудился над нею, несколько теряясь в сумятице метаний и воплей, а одновременно будто не своими, а некому иному каину принадлежащими глазами с любопытством, заслуживающим определения холодное, наблюдал эту картину, отмечал, как безудержно бьются, судорожно извиваются тело женщины и его собственное тело, сплетаясь в разнообразных позах, которые ненавязчиво предлагал или властно определял ход самого соития. В ту первую ночь любовники спали мало. И во вторую, и в третью, и во все последующие. Лилит была ненасытна, каинова мужская сила неисчерпаема, промежуток меж двух совокуплений ничтожен, и вполне можно было бы сказать, что оба, так сказать, партнера пребывают в мусульманском раю, хоть ему еще только предстоит появиться. И вот в очередную такую ночь ной, которому принадлежал и город, да и, в сущности, лилит, узнав от доверенного раба о том, что происходит нечто не вполне обычное, а скорее даже — чрезвычайное, взошел в примыкающий к опочивальне покой. Делал он это не впервые. Беспрецедентная же его снисходительность объяснялась тем, что он за все время того, что принято именовать совместной жизнью, не смог сделать жене ребенка и именно в постоянном ощущении своей несостоятельности, равно как и в надежде, что лилит, сумеет наконец зачать от случайного возлюбленного, подарит ему долгожданного сына, которого он с полным правом назовет наследником, почти незаметно для себя и усвоил себе такую вот супружескую покладистость, со временем превратившуюся в удобный стиль жизни, лишь в редчайших случаях нарушаемый самой лилит, когда та, побуждаемая к сему, как мы предполагаем, пресловутой бабьей жалостью, решалась отправиться в мужнину спальню и совершить там если не мимолетный, так скоротечный акт любви, не только не удовлетворявший, но и ни к чему не обязывавший супругов, ибо ной не требовал больше, чем бывало ему дадено, лилит же не признавала за ним права это требовать. И в свою опочивальню не впускала его никогда. И теперь, когда оттуда, несмотря на запертую дверь, вся музыка страсти, обуявшей неистовых любовников, градом оплеух обрушивалась на несчастного, тот внезапно ощутил, как рождается в нем чувство, дотоле неизведанное, а именно — лютая ненависть к этому наезднику, которого с диким ржанием мчала кобылица лилит. Убью, сказал себе ной, не подумав о последствиях сего деяния, о том, например, как отнесется лилит к тому, что убьют избранного ею возлюбленного. Обоих убью, твердил меж тем ной, расширяя область своих замыслов, и его убью, и ее. Мечты, игра воображения, бред ревности, никого ной не убьет, ему и самому-то посчастливится избежать смерти, потому что не сделает этого. Из опочивальни уже не доносится ни звука, но это не значит, что празднество плоти завершилось, просто музыканты нуждаются в кратком отдохновении, и уже очень скоро с жаром примутся за новый танец, в котором исступление финальных судорог или, если угодно, последних содроганий сменится следующей ночью изнеможением. Ной уже ушел и унес с собой свои мстительные замыслы, которые он лелеет в воображении в точности так же, как недоступное тело лилит. Что ж, поглядим, чем все это кончится.

После всех этих красочных описаний кто-нибудь, вполне естественно, захочет спросить, не утомлен ли каин, не вымотан ли, не выжат ли досуха ненасытной любовницей. Утомлен, конечно, и вымотан, разумеется, и бледен так, что, кажется, вот-вот — и дух вон. Впрочем, верно и то, что бледность его проистекает от нехватки солнца, он мало бывает на свежем воздухе, столь благодатно воздействующем на рост растений и легкой смуглотой

позлащающем лицо человека. Во всяком случае, всякий, кто видел этого человека раньше, до того, как он вошел в спальню лилит и стал делить все свое время между соитием и ожиданием в передней, без сомнения, вспомнит, сам того не зная, слова надсмотрщика: Истаешь, тенью станешь. И в конце концов та, кто несет основную ответственность за такое положение, заметила это и сказала: Скверно выглядишь. Все в порядке, отвечал ей каин. Может быть, но вид твой противоречит твоим речам. Это неважно. Это важно, и отныне будешь ежедневно гулять в сопровождении раба, чтоб никто не смел к тебе привязаться, ибо я всегда желаю видеть тебя таким, как в первый раз, в месильне. Твои желания — закон для меня, госпожа. Сопровождающего лилит выбрала самолично, хоть, впрочем, не могла знать, что он — слуга двух господ, двойной агент, ибо, состоя с точки зрения административной на службе у нее, исполнял приказы ноя. И следовало, стало быть, ждать худшего. Поначалу прогулки не омрачались никакими непредвиденными происшествиями, невольник следовал на шаг позади каина, чутко внимая каждому его слову и предлагая наилучшие маршруты за городской чертой. Беспочвенны были тревоги, неосновательны опасения. Но лишь до тех пор, пока одни и другие, придвинувшись вплотную, не воплотились в троих незнакомцев, которые выскочили им наперерез и с которыми, как тотчас стало ясно, сопровождающий каина был в сговоре. Что надо, спросил каин. Трое не ответили. Все были при оружии, у того, кто казался главарем, был меч, у остальных — кинжалы. Что вам надо, повторил каин. Ответ ему был дан мечом, стремительно выхваченным из ножен и споро уставленным ему в грудь. Убить тебя, сказал главарь и шагнул вперед. Почему, спросил каин. Потому что дни твои сочтены. Ты не можешь убить меня, метка у меня на лбу не позволяет. Что еще за метка, удивился главарь, будучи немного подслеповат. Вот эта, здесь, показал каин. Ах эта, эту я вижу, не вижу лишь, чем она помешает нам тебя прикончить. Это не метка, а знак. И кто ж тебе его поставил, уж не ты ли сам, осведомился второй злодей. Нет, господь. Что еще за господь. Господь бог. От такого ответа вопрошающий разразился хохотом, тотчас подхваченным его сотоварищами, к оживленному хору которых присоединился и неверный раб. Смеющиеся восплачут, сказал на это каин и спросил главаря: Семья у тебя есть. А тебе на что. Я спрашиваю, дети у тебя есть, жена, отец с матерью живы, еще какие-нибудь родичи. Ну, есть, но. Чтобы постигла их кара, тебе даже и не нужно будет убивать меня, прервал его каин, меч в твоей руке уже обрек их, таково слово господа. Не думай, что своими рассказными спасешь себе жизнь, вскричал главарь и поудобней перехватил меч. Но меч сейчас же превратился в змею, которую он с ужасом отбросил от себя. Вот видишь, сказал каин, ты почувствовал змею, а ведь это меч. Он наклонился, взял оружие за рукоять: Я мог бы убить тебя на месте, и никто не пришел бы к тебе на выручку, дружки твои пустились наутек и предатель, заманивший меня в ловушку, тоже. Прости меня, взмолился главарь, упав на колени. Только господь простит тебя, если пожелает, а я нет, ступай домой, там ждет тебя расплата за подлость. Главарь удалился, понутившись, проливая горькие слезы и не менее горько раскаиваясь, что избрал себе стезю разбойника с большой дороги да еще и наемного убийцы. А каин по собственным следам вернулся в город и вновь, как тогда, встретил старика с двумя овечками на одной веревке. Ты сильно переменялся, сказал тот, не похож больше на бродягу и на глиномеса тоже. Я теперь привратник, отвечал ему каин и пошел своей дорогой. И при каких же вратах, вслед ему осведомился старик, но заключенная в его словах издевательская насмешка прозвучала досадой. Если знаешь и сам, зачем спрашиваешь. Я не знаю подробностей, а в них — самая соль. Да удавись ты с ними вместе, благо веревка у тебя есть, может, хоть тогда я больше тебя не увижу. Будешь видеть меня до конца дней твоих, успел прокричать старик. У дней моих не будет конца, издали откликнулся каин, а ты позаботься лучше о том, чтобы овцы не сожрали веревку. Да, они так и норовят это сделать, но я-то на что.

Лилит в спальне не было, она, вероятно, вышла на террасу и, нагая по своему обыкновению, принимала солнечные ванны. Каин уселся на свой единственный табурет и

принялся осмыслять и взвешивать недавние события. Было очевидно, что лукавый раб с намерением повел его той дорогой, на обочине которой сидели в засаде разбойники, и, стало быть, кто-то придумал хитроумный замысел извести его. И угадать, кто же был тот, кого в наши дни назвали бы креативным продюсером провалившегося проекта, труда не составляло ни малейшего. Это ной, сказал каин, это он, потому что больше никому во дворце и в городе не нужно мое исчезновение. В этот миг в прихожей появилась лилит. Покрытое тончайшей пленкой пота тело ее влажно поблескивало, и женщина была соблазнительна как зрелый гранат, как спелая смоква, когда сквозь треснувшую кожуру налитого плода проступает первая капелька медовой сласти. Каин подумал было, не уложить ли ее в постель немедленно, но отогнал эту мысль, нет, сейчас не до того, есть дела поважней, может быть, позже. Меня хотели убить, сказал он. Убить, кто, придя в волнение, вскричала лилит. Невольник, которого ты отрядила сопровождать меня, и кем-то нанятые разбойники. Расскажи, как это было. Раб повел меня за город, и там на меня напали. Они ранили тебя. Нет. Как же ты сумел отбиться от них, спросила лилит. Меня нельзя убить, отвечал каин спокойно. Похоже, ты единственный на всем белом свете, кто верит в это. Так и есть. Повисло молчание, которое каин прервал такими словами: Меня зовут не авель, а каин. Это имя нравится мне больше, сказала лилит, но ее попытку придать беседе тон легкий и непринужденный каин пресек уже в следующее мгновение: Авелем звали моего брата, которого я убил из-за того, что господь пренебрег мною ради него, а имя это я взял, чтобы скрыть, кто я. Здесь никого не волнует, каин ты или авель, слух о совершенном тобою сюда не дошел. Да, сегодня я это понял. Так расскажи мне все как было. И ты не боишься меня и не отшатнешься с отвращением, спросил каин. Ты — мужчина, которого я выбрала для ложа своего, с тобой я вскоре возлягу на нем. После таких слов каин открыл ковчег своих тайн и пересказал драматический эпизод во всех подробностях, не позабыв упомянуть ни мух, облепивших глазницы и рот авеля, ни слов господя, содержащих в себе загадочный договор, который призван был уберечь одну из сторон от насильственной смерти: Только не спрашивай меня, почему он это сделал, он не сказал, да и я не думаю, что такое можно объяснить. Мне довольно, что ты жив и — в моих объятиях, сказала лилит. Ты видишь во мне злодея, которому нет и никогда не будет прощения, спросил каин. Нет, отвечала она, я вижу человека, обиженного богом, а теперь, когда знаю истинное твое имя, пойдем ляжем, ибо, если ты не уймешь мое желание, оно испепелит меня, я познавала авеля на ложе своем, а теперь мне осталось познать каина. Когда неистовство разнообразных и продолжительно чередуемых соитий унялось, уступив место блаженной телесной истоме, сказала лилит: Это ной. Думаю, да, согласился каин, думаю, он, не знаю во дворце и в городе никого, кто бы мог желать мне смерти так сильно, как он. Когда встанем, молвила лилит, я позову его сюда, и ты услышишь, что я ему скажу. Они немного поспали, давая отдохновение утомленным членам, проснулись почти одновременно, и лилит, которая уже была на ногах, сказала: Лежи как лежишь, он не войдет сюда. Она позвала служанку, чтобы та помогла одеться, а потом ей же велела сообщить ною, что желает видеть его. И села в прихожей, ожидая, а когда появился ной, сказала без околичностей: Распорядись казнить раба, которого ты дал мне, чтоб сопровождал каина на прогулках. Какого еще каина, спросил удивленный новым персонажем ной. Каин — тот, кто был авелем, а теперь стал каином, да, и тех троих, что ждали в засаде, тоже пусть казнят. А где он, каин, раз уж его теперь зовут этим именем. У меня в спальне, то есть в безопасности. Установилось молчание, которое, казалось, можно было потрогать руками. Наконец ной произнес: Ко всему тому, о чем ты рассказала, я не имею никакого отношения. Берегись, ной, разве ты не помнишь, что ложь — наихудший вид трусости. А я не лгу. Ты трус и ты лжешь, это ты придумал все и ты научил раба, как и где должно произойти убийство, полагаю, того самого раба, что наушничал тебе о моих забавах, вполне, кстати, простительных, хотя бы потому, что я предаюсь им совершенно открыто, а значит, никого не предаю. Я — твой муж, ты обязана почитать меня. Возможно, ты и прав, и я в

самом деле должна бы почитать тебя. Так что ж тебе мешает, спросил ной, делая вид, что охвачен гневом, которого из-за тяжести внезапного обвинения вовсе и не испытывал. Ничего не мешает, просто почтения к тебе нет, вот и все. Я плох как мужчина, я не сделал тебе ребенка, которого ты так хотела, в этом дело, спросил тот. Да будь ты наипервейшим в свете любовником, да сделай ты не одного ребенка, а десятерых, я все равно не уважала бы тебя. Почему. Я подумаю об этом и как только пойму, почему не питаю к тебе самомалейшего уважения, немедля пошлю за тобой и обещаю — ты узнаешь это первым, а сейчас, прошу тебя, уйди, я устала и должна отдохнуть. И уже вслед метнула: Да, вот еще что, когда схватишь этого проклятого предателя, а я тебе от всей души советую не тянуть с его поимкой, уведошь меня, будь добр, я желаю видеть, как его казнят, а прочие меня не интересуют. Будет исполнено, сказал ной и шагнул за порог, успев еще услышать последние слова жены: Да, а будет пытка, я тоже хочу присутствовать. Вернувшись в спальню, лилит спросила каина: Слышал. Да. Что скажешь. Сомнений нет, это он подослал ко мне убийц, ты же видела — даже не сумел изобразить оскорбленную невинность. Лилит улеглась в постель, но не подозвала к себе каина. Она лежала на спине, устремив пристальный взор широко открытых глаз в потолок, а потом неожиданно произнесла: Знаешь, что я придумала. Что. Надо убить ноя. Ты с ума сошла, вскричал в негодовании каин, выбрось из головы этот вздор, освободи от него свою душу, прошу тебя. Почему же вздор, мы освободимся от него, поженимся, ты станешь новым властелином города, а я — твоей царицей и твоей любимой рабыней, буду целовать песок, по которому ступала твоя нога, и, если надо, в руки принимать твои извержения. А кто же убьет его. Ты. Нет, лилит, не проси и не требуй, отпущенную мне долю убийств я уж совершил. И ты не сделаешь это ради меня, спросила она, я отдала тебе свое тело, чтобы ты наслаждался им без счета, без меры и удержу, без правил, границ и запретов, я отворила тебе двери своей души, прежде замкнутые наглухо, ты же отказываешься исполнить то, о чем я тебя прошу и что даст нам обоим полную свободу. Ас нею вместе — и угрызения совести. Угрызения — не для меня, а для бессильных и малодушных, я же зовусь лилит. Я же — всего-навсего некий каин, пришедший издалека, братоубийца, месильщик глины, получивший ничем не заслуженное счастье делить ложе с самой прекрасной и самой пылкой женщиной на свете, которую любит и желает каждой порой своего тела. Так, значит, мы не убьем ноя, спросила лилит. Пошли раба, если уж так увлеклась этим замыслом. Не до такой степени я презираю мужа, чтобы поручить его убийство рабу. Раб — это я, а ты ведь хочешь сделать это моими руками. Нет, попросить тебя — это другое, не может быть рабом тот, кто спит в моей постели, а если и раб, то лишь — раб моего тела. А почему бы тебе самой не убить его, спросил каин. Я думаю, что, несмотря ни на что, я не сумею. Мужчины, которые убивают женщин, суть явление обыденное и повсеместное, а ты, убив мужа, открыла бы, глядишь, новую эру. Предоставь это другим, а я — лилит, шалая и безумная, но хватит с меня и былых ошибок и преступлений, новых не хочу. Значит, пусть живет, и пусть будет ему карой сознание того, что мы знаем — он замыслил убийство. Обними меня, каин, вытопчи меня, месильщик глины. Каин обнял лилит, но проник в нее осторожно и мягко, с нежданной нежностью, от которой слезы выступили на глазах лилит. Две недели спустя она сообщила, что беременна.

Кто-нибудь, пожалуй, предположит, что социальный мир вкупе с семейным, воцарившиеся с этого дня во дворце, обволокли всех его обитателей единым братским чувством. Ничего подобного, по прошествии немногих дней каин пришел к умозаключению, что теперь, когда лилит ждет ребенка, его время истекло. Когда дитя появится на свет, все посчитают его ребенком ноя, и, хоть поначалу в избытке будет вполне оправданных подозрений, шепотков и пересудов, время, этот великий выравниватель, озаботится стесать и сгладить все шероховатости, не говоря уж о том, что будущие историографы возьмут на себя труд вытравить из городских хроник малейшее упоминание о некоем глиномесе по имени авель, или каин, или дьявол его знает, как еще, и одна лишь эта неразбериха должна была бы

стать веской причиной, чтобы предать его забвению и обречь на бессрочный карантин, не позволяя бросить тень на те успехи, кои во имя спокойствия династий перетряхивать и проветривать не рекомендуется. И наше ни разу, как ныне принято выражаться, не историческое повествование показывает, как же сильно заблуждались — добросовестно или злонамеренно — вышепомянутые историографы, ибо каин жил, был, существовал, он обрюхатил жену ной, а теперь напряженно размышляет, как же сообщить ей о своем намерении уйти. Он надеялся, что оглашенный господом приговор: Ты будешь изгнанником и скитальцем, убедит ее безропотно принять его решение. Однако вопреки его ожиданиям все прошло легко, и уж не потому ли, что ребенок, в ту пору бывший лишь горсточкой зыблущихся клеток, уже изъявлял свою волю, выказывал желания, и первым итогом их стало то, что сумасшедшую свою страсть его родители стали воспринимать как банальную интрижку, которой, как мы знаем, официальная историография не соизволит уделить хотя бы строчку. Каин попросил у лилит осла, и она распорядилась, чтобы ему дали лучшего, самого крепкого, самого послушного, какой только найдется в дворцовых конюшнях. В это самое время разнеслась по городу весть о том, что неверный раб и его присные обнаружены и схвачены. К счастью для чувствительных натур, неизменно отворачивающихся от тяжелого зрелища, не были подвергнуты злодеи ни дознанию, ни пыткам, за что им следует благодарить беременность лилит, ибо, по мнению людей сведущих, и неизбежно проливаемая кровь, и отчаянные вопли пытаемых могут повредить еще не рожденному ребенку, всерьез омрачив его будущее. Еще эти знающие люди — как правило, повитухи с большим опытом — уверяют, будто младенцы, пребывая в материнской утробе, слышат все, что происходит снаружи. Ну, итогом этих рекомендаций стала умеренная казнь через повешение, как бы предупреждавшая все население: Берегитесь, петля — самое малое, что грозит каждому из вас. С балкона за актом справедливого воздаяния наблюдали ной, лилит и каин — последний в статусе жертвы неудавшегося покушения. Всеми замечено было, что в нарушение правил протокола посерединке стоял не ной, а лилит, таким образом отделившая мужа от любовника и как бы говорившая этим, что хоть и не любит законного супруга, однако связана с ним неразрывными узами, ибо так, по всему судя, хочет общественное мнение и требуют династические интересы, она же сама, обреченная жестокой судьбой: Ты будешь изгнанником и скитальцем, на разлуку с каином, коего должна отпустить от себя, все же пребудет соединена с ним возвышенной памятью плоти, негаснущими воспоминаниями об ослепительных часах, проведенных с ним, ибо женщина никогда такого не забывает не в пример мужчине, который, как водится, утерся — и к стороне. Трупы казненных не будут сняты до тех пор, пока от них не останутся только кости, поскольку плоть их проклята, и если предать ее земле, та, вся затрясшись в возмущении, снова и снова станет извергать ее из лона своего. В ту ночь лилит и каин в последний раз спали вместе. Она плакала, он обнимал ее и тоже плакал, но слезы точились недолго, всего ничего, ибо очень скоро охвативший обоих любовный пламень взял над ними власть, а их самих заставил власть над собой утерять вплоть до полного умопомрачения, как если бы в мире ничего больше и не было, и они пожирали друг друга и не могли насытиться, пока не сказала лилит: Убей меня. Что ж, вероятно, таким и следовало быть логическому финалу истории каина и лилит, но он ее не убил. А приник длительным поцелуем к ее устам, потом поднялся, взглянул еще раз и пошел досыпать остаток ночи на свой привратнический топчан.

6

Несмотря на предрассветный, будто пеплом припорошенный мрак, видно, что птицы — нет, не те милые крылатые создания, что уже в скором времени встретят восход своим щебетом, а хищные плотоядные пернатые твари, что странствуют от виселицы до плахи, — уже взялись за свою работу по очистке территории, начав с открытых частей тела

висельников, то есть с их лиц, глаз, рук, ступней и выглядывающих из-под хитонов ног. Вспугнутые цоканьем ослиных копыт, в шелковом шелесте крыл, доступном лишь чуткому, наостроенному опыту уха, взвились над плечами невольника два филина. Прошли на бреющем полете по узенькому проулку вдоль стены дворца и скрылись из виду. Каин тронул осла пятками, пересек площадь, думая, что сейчас опять попадется ему старик с двумя овцами на веревке, и впервые спросил себя, а кто ж такой этот назойливый встречный: Да уж не господь ли, вполне может оказаться им этот старик, умеющий возникать откуда ни возьмись и где угодно, пробормотал он. Ему не хотелось думать о лилит. Когда на своем убогом ложе он очнулся от беспокойного, то и дело прерывавшегося сна, внезапный порыв чуть было не бросил его назад, в опочивальню, для последних прощальных слов, последнего поцелуя, а там, кто знает, что случилось бы еще. Время еще было. Все во дворце спят, и только лилит, без сомнения, уже проснулась, и никто не заметит стремительного вторжения, или те две рабыни, что когда-то, в первый его день здесь, приоткрыли ему двери в рай, скажут улыбаясь: Как мы понимаем тебя, авель. Дворец остался за поворотом. Старика с овцами не было видно, господь, если это он, дал ему карт-бланш, но не снабдил ни картой с проложенным маршрутом, ни паспортом, не порекомендовал отель и ресторан, и странствовать он будет, как в стародавние времена, наугад или, как еще принято выражаться, куда глаза глядят. Каин снова тронул осла рысью и вскоре оказался в чистом поле. Город превратился в бурое пятно, которое постепенно, но неуклонно, хоть и неспешен был ход удалявшегося от него ослика, все больше прижималось к земле. Земля же, насколько хватало взгляда, была суха и черства, без единой ниточки воды. При виде такого безжизненного запустения как не вспомнить было каину о тяжком пути, который свершал он после того, как господь изгнал его из долины, где навсегда остался бедный авель. И как шел без еды и без воды, кроме той, что чудом хлынула в конце концов с небес, когда душевные силы путника истощились и ноги при каждом шаге грозили подкоситься. Что ж, по крайней мере, он не будет голодать, притороченные в перемет седельные сумы набиты под завязку, напоминая о любовной заботе лилит, которая, выходит, вовсе не так безалаберна и недововита, как можно было бы подумать, поглядев на ее беспутные привычки. Скверно лишь, что нигде во всей округе нет даже крохотной тени, где мог бы притулиться каин. Утро ползет к полудню, и солнце уже палит зноем, и воздух дрожит маревом, не дающим нам верить своим глазам. Ну и к лучшему, сказал каин, не придется слезать, чтобы перекусить. Дорога идет то вверх, то вниз, и осел, который, по всему видно, незаслуженно носит это имя, обозначающее глупое упрямство, движется зигзагами, то туда, то сюда, и, можно предположить, он перенял этот гениальный трюк у мулов, превзошедших в совершенстве всю науку альпийских восхождений. Еще несколько шагов — и подъем окончен. И вот — о несказанное изумление, о потрясение, о диво дивное — открывающийся глазам каина пейзаж совсем не похож на оставшийся за спиной, он никогда еще не видел, чтобы так пышно зеленела листва на раскидистых ветвях ухоженных деревьев над взблескивающей водой, под плывущими в поднебесье белыми облачками. Каин оглянулся, но позади была все та же выжженная и безжизненная пустыня, там ничего не изменилось. Будто он пересек границу, миновал рубеж между двумя странами. Или двумя временами, сказал каин и так сказал, словно не отдавал себе в этом отчета, словно кто-то придумал это и произнес вместо него. Потом он вскинул голову взглянуть на небо и увидел, как плывшие над землей облака вдруг замерли отвесно над землей и сразу же колдовским образом исчезли. Тут, впрочем, надо принять во внимание, что каин был плохо подкован в вопросах картографии, можно даже сказать, что это было, в известном смысле, первое его заграничное путешествие, так что немудрено удивиться — другая земля, другие люди, другие небеса, другие обычаи. Все так, разумеется, все так, но кто бы мне все же объяснил, по какой причине облака не могут переплыть отсюда туда. Причина, переспросил тот, кто говорил устами каина, причина в том, что время тут другое и что эти любовно ухоженные и возделанные рукой человека земли, образующие пейзаж, в

минувшие года были столь же бесплодны и запущенны, как в земле нод. Так что же, спросим себя, мы попали в будущее, и то, что видим здесь, видели в кино, в книжках читали. Ну, в общем, да, в будущее, такова расхожая формула, служащая для объяснения того, что здесь вроде бы происходило, скажем мы и вздохнем с облегчением, налепив ярлычок, приклеив этикетку, однако, по нашему мнению, будем лучше понимать это явление, если обозначим его как некое иное настоящее, ибо земля-то — прежняя, да вот настоящие времена меняются, одни остались в прошлом, другие только еще воспоследуют, куда как просто, любой уразумеет. Но вот уж если кто рад по-настоящему, так это осел. Его, рожденного и взлелеянного на засушливых землях, вскормленного соломой и колючками, вспоенного строго отмеренными порциями воды, зрелище, явившееся очам, трогает до глубины души. И поистине жаль, что некому во всей округе истолковать движения его ушей, которыми он машет, как матрос — флажками, благо свод сигналов дарован ему природой, и в блаженстве своем даже не помышляет животное, что придет день, когда захочется изъяснить неизъяснимое, а оно, как всем известно, есть именно то, для чего средств выражения еще не придумано. Счастлив и каин, который уже предвкушает обед на свежем воздухе, под сенью чего-нибудь густолистственного и широкошумного, под журчание быстрого ручья и слаженный хор пернатых в ветвях. Справа от дороги, вон там, он видит купу раскидистых деревьев, дубраву, так сказать, что сулит лучшую из теней и обедов. Туда и направляет осла. Облюбованное место, казалось, просто создано было предоставить приют утомленному путнику и вычному его скоту. Параллельно деревьям тянулись заросли кустарника, окаймляя узкую тропинку, что взбегала по крутому склону холма. Осел, освобожденный от бремени тороков, предался наслаждениям, даруемым свежей сочной травой вкупе с безыскусной прелестью полевых цветов, и дивился вкусу, коего доселе не знавало его нёбо. Каин спокойно отыскал прогалину и, присев на землю в окружении доверчиво-невинных птичек, поклевывавших крошки, принялся закусывать, меж тем как воспоминания о мгновеньях, пережитых в объятиях лилит, неожиданно вновь стали воспалять ему кровь. Уже отяжелевшие веки его начали смыкаться, как вдруг раздавшийся неподалеку юношески звонкий голос: Отец, заставил его вздрогнуть, а потом другой голос, принадлежавший человеку взрослому и немолодому, отозвался: Чего тебе, исаак. Мы принесли сюда дрова и огонь, но где же она, жертва для всесожжения, а отец ответил: Бог усмотрит, бог найдет себе жертву для всесожжения. И оба продолжили подъем по склону. А покуда они поднимаются и не поднимаются, нам недурно было бы узнать, как все это началось, и того ради узнать, чтобы лишний раз убедиться — господь не из тех, кому стоит доверять. Дня, что ли, три назад, никак не позже, сказал он аврааму, отцу того отрока, что тащит сейчас на спине вязанку дров: Возьми сына твоего, единственного твоего, которого ты любишь, исаака, и пойди в землю мориа, и там принеси его во всесожжение на одной из гор, о которой я скажу тебе. Да-да, вы прочли правильно, господь приказал аврааму принести в жертву собственного сына, и так обыденно и просто, как просят стакан воды, когда захотелось попить, из чего следует, что подобное вошло у него в привычку и, можно сказать, укоренилось. В соответствии с естественной человеческой логикой аврааму надлежало бы немедленно послать его куда подальше, но этого не произошло. И наутро бесчеловечный отец встал пораньше, заседлал осла, наколот дров для жертвенного костра и отправился туда, куда было сказано господом, а с собой взял двух слуг и сына исаака. Шли трое суток, и наконец авраам увидел впереди, на известном отдалении то самое указанное место. Тут он сказал слугам: Останьтесь вы здесь с ослом, а я и сын пойдем туда и поклонимся и потом возвратимся к вам. Если называть вещи своими именами, авраам был не только такой же негодяй, как господь, но еще и изощренный лгун, готовый обмануть каждого двоясмысленным, что в личном словаре рассказчика этой истории значит — лживым, вероломным, предательским, языком своим. И, придя на место, о котором сказал ему господь, авраам устроил там жертвенник, разложил дрова. Потом связал сына своего и положил его на жертвенник поверх дров. А потом достал нож, чтобы принести бедного мальчика в жертву, и

уже собрался было перерезать ему горло, но тут почувствовал, как кто-то удержал его руку, и тотчас услышал чей-то голос: Что ж ты делаешь, сволочь старая, родного сына собрался убить да сжечь, дело известное, начинается с агнца, а кончается тем, кого ты должен любить больше всего на свете. Это господь мне приказал, господь повелел, стал оправдываться авраам. Замолчи, пока я тебя самого не убил, живо развяжи малого, вались на колени и проси у него прощения. Но кто ты. Я каин, я тот ангел, что спас жизнь исааку. Да нет, этого быть не может, каин — никакой не ангел, ангел — это тот, кто сию минуту, прошумев крыльями, опустился тут и задекламировал, как актер, дождавшийся наконец своей реплики: Не поднимай руки твоей на отрока и не делай над ним ничего, ибо теперь я знаю, что боишься ты бога и не пожалел сына твоего, единственного твоего для меня, для него то есть. Припоздал малость, сказал на это каин, исаак жив остался исключительно благодаря моему вмешательству. Ангел изобразил на лице сокрушение: Очень сожалею, что задержался, но, поверь, не по своей вине, пока летел сюда, произошла какая-то поломка в правом крыле, отчего нарушилась синхронизация с левым, и в итоге я постоянно сбивался с курса и был весь в мыле, да мне еще толком не объяснили, на какой из этих гор произойдет всеожжение, так что если я вообще попал сюда, то не иначе как по особой милости господя. Поздно, повторил каин. Лучше поздно, чем никогда, ответил ангел надменно и так, будто изрекал неоспоримую истину. Ты ошибаешься, никогда — это не противоположность поздно, противоположность поздно — слишком поздно, возразил каин. Ангел проворчал: Еще один рационалист выискался, и, поскольку не исполнил еще до конца возложенное на него поручение, договорил остаток своего послания: Господь вот еще велел передать, что так как ты сделал сие дело и не пожалел сына твоего, единственного твоего, то самим собой клянется, что благословляет тебя и, умножая, умножит семя твое, как звезды небесные и как песок на берегу моря, и овладеет семя твое городами врагов своих, и благословятся в семени твоём все народы земли за то, что ты послушался гласа моего, ну, то есть господнего. Для тех, кто на самом деле не знает или делает вид, сказал каин, объясняю, что это — двойная бухгалтерия, когда одно не проигрывает за счет выигрыша другого, и я, признаться, не понимаю, как будут благословлены все народы земли за то лишь, что авраам повиновался нелепому приказу. У себя на небесах мы называем это должной покорностью, пояснил ангел. Припадая на правое крыло, чувствуя во рту горький вкус от того, что миссия провалилась, посланец небес удалился, авраам с сыном тоже направились туда, где ожидают их слуги, а мы, покуда каин прилаживает на спину ослу выюки, вообразим себе, какой диалог вели между собой несостоявшийся палач и его жертва, избегшая гибели *in extremis*.³ Итак, вопрошает исаак: Скажи, отец, что плохого я тебе сделал, что ты хотел убить меня, сына твоего, единственного твоего. Ничего плохого ты не сделал. За что ж тогда ты собирался перерезать мне глотку, как годовалому ягненку, и не случись поблизости тот человек, дай бог ему здоровья, что удержал твою руку, ты бы сейчас вез домой мое бездыханное тело. Замысел принадлежит господу, который желал испытать. Что испытать. Крепок ли я в вере, покорен ли его воле. Да что же это за господь, который приказывает отцу убить родного сына. Это наш с тобой господь, господь наших предков, господь, что уже был здесь, когда мы появились на свет. А если у него будет сын, он что, его тоже пошлет на смерть, осведомился исаак. Будущее покажет, ответил на это авраам. Стало быть, он способен на все, на хорошее, на дурное и на совсем ужасное. Выходит, что так. А не послушайся ты приказа, что было бы. Ну, обыкновенно он или насылает болезнь или разорение, как когда. Стало быть, он злопамятен. Думаю, что да, отвечал авраам тихим голосом, словно боясь, как бы не услышал господь, для него ведь невозможного нет. Ни ошибки, ни преступления, спросил исаак. Прежде всего ошибки и преступления. Отец, что-то я не могу понять эту веру. Придется понять, сын мой, другого выхода нет, а теперь хочу попросить, смиренно попросить тебя кое

3 В последний момент жизни (лат.).

о чем. О чем же. Давай позабудем все, что было сегодня. Не знаю, сумею ли, я до сих пор вижу, как лежу, связанный, на дровах, а ты заносишь надо мною руку с ножом. Да ведь это был не я, будь я в своем уме, никогда бы не сделал такого. Хочешь сказать, господь лишает людей рассудка, спросил исаак. Да, очень часто, едва ли не всегда, ответил авраам. Но так или иначе нож блестел в твоей руке. Но ведь все это устроил господь, чтобы в последний момент вмешаться, ты же видел — появился ангел. С опозданием. Господь нашел бы другой способ спасти тебя, быть может, он знал, что ангел опоздает и заставил появиться там этого человека. Каина, каин было имя его, не забывай, чем обязан ему. Каин, послушно повторил авраам, я знал его еще до твоего рождения. Да, так зовут человека, который не дал перерезать глотку твоему сыну и сжечь его на поленнице дров, которую тот сам и принес туда. Но ведь этого не случилось, сын мой. Отец, дело ведь не только в том, погиб я или уцелел, хотя, как ты понимаешь, и это мне совсем не все равно, но главное — неужели повелевает нами такой вот господь, что жестокостью не уступит ваалу, пожирающему своих детей. Где ты слышал это имя. Приснилось, отец. Чего только не приснится, подумал каин, открывая глаза. Он задремал на спине у осла и теперь вот вдруг проснулся. Пейзаж вновь изменился, виднелось несколько рахитичных деревьев, а вокруг была такая же безжизненная сушь, как в земле нод, но только здесь не было даже волчцов и терний, а песок и только песок. Еще одно настоящее, подумал каин. Ему показалось, что это настоящее — древнее предыдущего, того, в котором он спас жизнь отроку исааку, а это значит, что он может перемещаться по времени не только вперед, но и назад, причем не по собственной воле, ибо, честно говоря, чувствует себя как человек, который более или менее — да, именно, что более или менее — знает, где находится, но не куда направляется. Исключительно как пример тех трудностей, с которыми придется столкнуться каину, скажем, что место это имеет вид давным-давно прошедшего настоящего и являет собой образ мира, создание которого, хоть и близится к концу, покуда еще не завершено, а потому все в нем носит характер временный и случайный. Вдалеке, на самой линии горизонта, виднеется высоченная башня в форме усеченного конуса, ну, то есть конуса, верхушку которого то ли срезали, то ли еще не поставили на место. Расстояние велико, но каину, обладающему превосходным зрением, кажется, будто он все же различает людей, снующих у подножья этого сооружения. Любопытство побуждает его сжать пятками бока осла, чтобы прибавил ходу, однако благоразумие тотчас заставляет его придержать своего скакуна. Он вовсе не уверен, что люди эти настроены миролюбиво, а если даже и так, неизвестно, что может случиться, если осел, везущий в туго набитых тороках съестные припасы самого высшего качества, окажется перед толпой, по необходимости и в силу традиции склонной сожрать все, что попадется ей на глаза под руку. Он не знает этих людей, он не ведает, кто они, но представить нетрудно. И оставить осла здесь, привязав его к одному из этих вот деревцев, он тоже не может, ибо рискует по возвращении не найти ни его самого, ни выюков с продовольствием. Осторожность требует пойти другой дорогой и вообще не ввязываться больше в авантюры, а в двух словах — не дразнить больше слепую судьбу. Но любопытство пересиливает. Каин ветками замаскировал, уж как сумел, седельные сумы, тщась представить снедь фуражом, и — *alea jacta est*⁴ — направился к башне. И чем ближе он подходил, тем громче становился гул голосов, под конец сделавшийся просто оглушительным. Рехнулись, что ли, подумал каин. А люди эти в самом деле обезумели от отчаяния, потому что никто никого не понимал, все были как глухие, а потому орали, надсаживаясь все сильней — но тщетно. Говорили они все на разных языках и порою насмехались друг над другом и друг друга дразнили, пребывая в уверенности, что их-то язык — самый благозвучный и гармоничный, а чужой — просто дрянь. Самое же забавное заключалось в том — и каин этого еще не знал, — что ни одного из этих языков прежде в

4 «Жребий брошен» (лат., слова Юлия Цезаря) — говорится о бесповоротном решении, шаге, не допускающем отступления.

мире не существовало, а все находящиеся здесь еще совсем недавно говорили на одном языке и, стало быть, прекрасно друг друга понимали. Повезло ему сразу же столкнуться с человеком, который говорил по-еврейски, а язык этот каин знал и, по счастью, сумел вычленить звуки знакомой речи из царившего вокруг столпотворения, ибо люди вокруг без словарей и толмачей выражались по-английски, по-немецки, по-французски, по-испански, по-итальянски, по-баскски, а иные — по-латыни и по-гречески, а кое-кто, представьте себе, — даже по-португальски. Отчего ж такая неразбериха, спросил каин у нового знакомого, а тот отвечал так: Когда мы пришли сюда с востока и собрались здесь обосноваться, все говорили на одном языке. И на каком же, спросил каин. Поскольку был он одним-единственным, то и в названии не нуждался, язык — он и есть язык. И что же было потом. Кому-то из нас пришло в голову наделать кирпичей и обжечь их в печи. И как же вы их делали, встрепенулся при звуках знакомых слов недавний глиномес. Как обычно, лепили из глины, песка и мелких таких камушков, именуемых щебнем, а скрепляли их друг с другом горной смолой. Ну и что же было дальше. А дальше решили мы выстроить целый город, и в городе том — башню до самого неба. А зачем, спросил каин. Чтобы прославиться, так сказать, имя себе сделать. И что же случилось, отчего строительство ваше остановилось. Оттого, что господь сошел посмотреть, и увиденное ему не понравилось. Достичь небес есть побуждение всякого праведника, и господь должен был бы помочь вам в трудах. Да, но вышло иначе и как раз наоборот. И что же сделал он. Сказал, что после того, как мы воздвигнем эту башню, никто уж не сумеет воспрепятствовать нам в наших намерениях и будем делать мы, что захотим, и с этими словами взял да и смешал все языки, и с того времени мы, как видишь, перестали понимать друг друга. И что же теперь. Теперь города не будет, и башня останется не достроена, а мы, говорящие на разных языках, уж не сможем жить вместе, как было до сих пор. Ну, башню, наверно, лучше оставить как память, в свое время со всего света будут свозить сюда любопытных поглядеть на ее развалины. Да, скорей всего, и развалин не останется, тут кое-кто слышал, как господь сулил, когда нас уж тут не будет, наслать сильный ветер и свалить ее до основания, а у господя, сам знаешь, слова с делами не расходятся, сказано — сделано. До чего ж он все-таки ревнив, нет чтоб возгордиться своими детьми, а он дает волю зависти, теперь уж ясно — не выносит господь вида счастливого человека. Столько трудов, столько поту пролито — и все впустую. Жаль, сказал каин, дивное творение было бы. Еще бы, отвечал собеседник, с голодным вожделением поглядывая на осла. При содействии товарищей тот стал бы для него легкой добычей, однако себялюбие превозмогло расчет. Но когда он протянул уж было руку к недоуздку, осел, хоть и вышел из дворцовых конюшен с аттестацией скотины послушной и кроткой, передними ногами исполнил нечто вроде пируэта, а задними, споро повернувшись к покусившемуся хвостатой своей частью, лягнул его сильно и метко. Несмотря на то что действия ослика не выходили за пределы необходимой самообороны, ему немедленно пришлось принять к сведению, что причины такового поведения не приняты во внимание толпой, которая с воплями и криками на всех языках, какие имелись уже к тому времени или еще только намеревались появиться на свет, ринулась на него, чтобы выпотрошить его седельные выюки, да и самого пустить, так сказать, на фрикадельки. Не нуждаясь в понукании со стороны своего всадника, осел взял с места размашистой рысью, тут же перейдя на галоп, неожиданный для своей ослиной природы, которая при перемещении в пространстве предусматривает равномерную надежность хода, но отнюдь не высокую скорость оного. Нападавшим оставалось лишь смириться и принять как неизбежность исчезновение добычи в клубах густой пыли, каковой суждено будет возыметь еще одно немаловажное последствие, заключавшееся в том, что каин и осел оказались в очередном будущем-настоящем, то есть в том же самом месте, но уже очищенном от продерзостных соперников господя, возомнивших себя равными ему и за это рассеянных по миру, благо общего языка — во всех смыслах — не найти им отныне было, хоть тресни, а стало быть, и

объединиться невозможно. Внушительно и величаво высившаяся на кромке горизонта башня, которая, даже и недостроенная, бросала, казалось, вызов векам и тысячелетиям, вдруг исчезла, была — и быть перестала. Исполнилось возвешенное господом, наславшим такой страшный ветер, что не осталось камня на камне и кирпича на кирпиче. Каин, находясь в отдалении, не мог в полной мере ни оценить силу, с которой вырвалось из господних уст ураганное дуновение, ни услышать, с каким грохотом повалились одна за другой стены, перекрытия, своды, пилястры, контрфорсы, отчего и казалось ему, будто башня оседает в полнейшем беззвучии, разваливается как картонный домик, покуда все не кончилось в исполинском облаке пыли, взметнувшемся в самые небеса и затмившем солнце. Много лет спустя будут говорить о падении метеорита или иного небесного тела, которых много носится в космическом пространстве, но все это неправда, правда же в том, что господь в гордыне своей не дал нам достроить вавилонскую башню. История людей есть история всех недоразумений, что вышли у них с господом, ибо ни он нас не понимает, ни мы его.

7

Видно, на скрижалях судьбы предначертано было каину вновь повстречать авраама. В один прекрасный день, в час самого лютого зноя, каина по юле очередной и как всегда внезапной смены настоящих времен, которая позволяла ему странствовать во времени то вперед, то назад, занесло к какому-то шатру, стоявшему в дубовой рощице в окрестностях местечка мамре. Мелькнувший у входа в шатер старик кого-то смутно напомнил каину, и он окликнул его, и убедился, что не ошибся — из шатра вышел авраам. Ищешь кого-нибудь, спросил он. И да и нет, проходил мимо, лицо твое показалось мне знакомым, и, вижу, я не ошибся, как поживает твой сын исаак, я — каин. Ая вижу, ты все же ошибся, потому что сын у меня один, и зовут его не исаак, а измаил, я прижил его от моей рабыни именем агарь. Каин, от природы наделенный умом живым, а теперь еще и обостренным подобными ситуациями, понял, что игра настоящих времен еще раз перетасовала пласты и показала ему еще только долженствующее произойти, то есть, выражаясь коротко и ясно, сейчас пресловутый, прежде виденный исаак еще не родился. Не помню, чтобы я когда-либо видел тебя, сказал авраам, но это неважно, входи, будь как дома, я велю дать тебе воды для омовения, дам и хлеба на дорогу. Сначала я должен обиходить моего осла. Отведи его вон к тем дубам, там найдешь сено и солому и колоду-поилку со свежей чистой водой. Каин за недоуздок повел осла, куда было сказано, там расседлал и развьючил и поставил в тенечке, чтоб передохнул от нестерпимой жары. Потом взвесил почти совсем уже опустелые вьюки, раздумывая, чем и как бы ему пополнить убыль в продовольствии, уже начинавшую тревожить его. Обещание авраама радовало, однако следует помнить, что не хлебом единым жив человек, всякий человек, а уж тем более — такой, кто в последнее время усвоил привычку к гастрономическим изыскам и роскошествам, какие недоступны обычно людям его происхождения и социального положения. И, предоставив осла наслаждаться самыми подлинными радостями сельской жизни — водой, тенистой прохладой, обильным кормом, — каин направился к шатру, стукнул в дверь, оповещая о своем приходе, и вошел. И сразу увидел там собрание, на которое звать его явно никто не собирался, а именно — троих мужчин, тоже, по всей видимости, новоприбывших, что вели беседу с хозяином. Каин с приличествующей случаю скромностью попятился было, но авраам сказал: Не уходи, останься, сядь, вы все мои гости, я же, с вашего разрешения, пойду распоряжусь. И тотчас скрылся в глубине шатра и сказал жене своей саре: Скорей замеси лучшей муки и сделай хлебы. Потом пошел, а верней — побежал к стаду и взял теленка нежного и хорошего и велел слуге приготовить его. Когда же все было исполнено, стал угощать гостей, не обделяя и каина, но сказав ему: Ешь с ними вместе. А увидев, что мало, дал им еще масла и молока. И тогда они спросили: Где жена твоя, сара, и авраам ответил: В шатре. И один из тех троих

сказал так: На будущий год вернусь сюда, и в должный срок жена твоя родит сына. Исаака, тихонько примолвил каин, так тихонько, что вроде бы никто и не услышал этих его слов. Авраам и сара были уже сильно на возрасте, и детей иметь она не могла. И потому улыбнулась, подумав: Как же это доведется мне испытать это счастье, если и муж, и я — и стары, и усталы. Гость же спросил авраама: Чему улыбается твоя жена, верно, думает, что в ее года родить не получится, но неужели же господу не под силу решить такую задачу. И повторил сказанное ранее: Через год буду здесь снова, и к концу положенного срока жена твоя родит сына. Услышав такое, сара испугалась, стала отнекиваться, уверять, что вовсе и не улыбалась, однако гость сказал: Как это не улыбалась, когда я своими глазами видел это. Ну, тут все и поняли, что третьим среди них сидел сам господь бог собственной персоной. Да, вот еще что — мы забыли в свое время и в нужном месте упомянуть, что каин, прежде чем войти в шатер, тюрбан свой надвинул пониже, на самые глаза, чтоб скрыть свою метку на лбу от любопытных глаз присутствующих и прежде всего — от господа, который немедленно узнал бы его по ней, а потому, когда господь спросил, не каином ли его зовут, ответил: Да, каином, но я не тот каин.

Было бы вполне естественно, если бы господь, заметив такую довольно неуклюжую уловку, продолжал допытываться, а каин признался бы, что он и есть тот самый, кто убил брата своего авеля и за эту вину платится, став изгнанником и скитальцем, однако у господа в тот день нашлось дело более спешное и важное, нежели устанавливать личность подозрительного чужестранца. А дело было в том, что к нему на небеса, откуда спустился он несколько мгновений назад, давно уже шли многочисленные жалобы на противоестественные преступления, совершаемые в недалеких городах содом и гоморра. И в качестве беспристрастного судии, каковым господь неизменно считал себя, хоть в избытке имеется доказательств как раз обратного, он и спустился на землю с намерением прояснить и разобраться, что да как на самом деле. И для этого направился теперь в содом в сопровождении авраама, а также каина, который, движимый любознательностью туриста, попросил, чтобы и его взяли с собой. Двое других спутников его, вправду оказавшиеся ангелами, пошли вперед. Тут и задал авраам господу три вопроса, сказав так: Не может того быть, господи, чтобы ты поступил так, чтобы наравне с виновным обрек смерти и невинного, ведь в этом случае в глазах всего мира праведный ничем не отличался бы от нечестивого, а ты, господи, ты верховный судия всей земли, просто обязан быть особенно осмотрительным в своих приговорах. На это господь ответил: Если я найду в городе пятьдесят праведников, то ради них пощажу и все место сие. Авраам, приободренный таким ответом и исполненный упования, продолжал: Раз уж я, я, смиренный прах земной, дал себе волю говорить владыке моему, позволишь ли мне еще слою, неужели, если до пятидесяти праведников не достанет, скажем, пяти, ты все равно истребишь весь город. Господь ответил: Если отыщется там сорок пять праведников, то не истреблю. Авраам решил ковать железо, пока горячо: Ну а, предположим, сыщется их там сорок. И ради сорока не уничтожу я город, отвечал господь. А если тридцать. И ради тридцати — тоже. А если найдется их всего двадцать, настаивал авраам. Не истреблю и ради двадцати. Тогда авраам отважился спросить: Да не прогневаешься владыка, если скажу еще однажды. Ну, говори. Может быть, найдется там десять. И ради десяти — тоже. И ответив таким образом на все вопросы, господь удалился, авраам же вместе с каином вернулся в шатер. О том, кому еще только предстояло появиться на свет и носить имя исаак, больше говорено не было. И когда подошли к мамрийской дубраве, авраам вошел в шатер и вскоре вернулся, неся хлебы, которые, как и обещал, вручил каину. Тот заседывал осла, но бросил это занятие, чтобы поблагодарить за щедрые дары. И спросил: А как, ты полагаешь, будет господь отсчитывать десять праведников, которые, буде найдутся, спасут от гибели свой город, неужто пойдет от двери к двери, расспрашивая о вкусах и плотских пристрастиях отцов семейств и потомков их мужеского пола. Господу нет необходимости в таких дотошных ревизиях, ему довольно только оглядеть город оттуда, с

высот, чтобы узнать все, что там творится. То есть, иными словами, господь заключил этот договор с тобой просто так, только чтобы тебя порадовать, поразился каин. Господь дал слово и сдержит его. Мне так не кажется, не будь я каин, хоть, впрочем, пришлось мне побывать и авелем, — содом, найдутся там праведники или нет, будет уничтожен — и не позднее, чем сегодня ночью. Да, весьма возможно, и не только содом, но и гоморра, и еще два-три города там, на равнине, где нравы тоже разнуздались и в обычай вошло мужчинам спать с мужчинами, а женщин — побоку. А тебя не тревожит судьба тех двоих, что пришли вместе с господом. Они, понимаешь ли, не люди, но ангелы, мне ли того не знать. Ангелы — и без крыльев. Зачем им крылья, если не придется спасаться бегством. А я тебе говорю, если приглянутся жителям, те не посмотрят на их ангельский чин и наложат на них руку или еще чего почище, и едва ли господь будет доволен тобой в этом случае, а я бы на твоём месте пошел в город поглядеть что да как, тебе зла не причинят. Ты прав, прав, иду немедленно, но, прошу тебя, пойдем вместе, мне будет как-то спокойней с тобою рядом, все же полтора человека больше стоят, чем один. Нас двое, а не один. Знаешь ли, каин, я теперь могу сойти лишь за половинку. Ну что ж, пойдем, если нападут, с двумя-тремя смогу справиться, благо под рубахой припрятан у меня кинжал, ну а там уж как господь рассудит. Тогда авраам кликнул слугу и велел ему отвести осла на конюшню. А каину сказал: Если обстоятельства не вынуждают тебя сегодня же отправиться в путь, оставайся, переночуй у меня, ибо как иначе отплатить тебе за то, что оказал такую услугу и согласился составить мне компанию. В будущем рассчитываю оказать тебе еще и не такие услуги, отвечал на это каин, но из этих таинственных слов авраам не мог понять, куда клонит его собеседник. Двинулись вниз по дороге в сторону города, и авраам сказал: Давай-ка зайдем к лоту, это мой племянник, сын брата моего арана, и должен знать, что там, в содоме, происходит. Когда они добрались наконец до города, солнце уже село, но свет дня померк еще не окончательно. И тотчас увидели возле дома лота скопление людей, которые кричали: Отдай-ка нам тех двоих, что у тебя, выведи-ка своих гостей наружу, мы хотим их, и колотили в дверь, грозя высадить ее. Сказал авраам: Пойдем, обогнем дом и постучим с черного хода. Так и сделали. И вошли в тот миг, когда хозяин через двери уговаривал напивавших: Друзья мои, прошу вас, не совершайте преступления, вот у меня две дочери, не познавшие мужа, делайте с ними, что хотите, но этим людям не причиняйте зла, они ведь пришли под кров дома моего. Однако те, снаружи, продолжали бесноваться и яростно горланить, но внезапно крики их зазвучали совсем по-иному, и слышались в них теперь слезные песни и сетования: Не вижу, ничего не вижу, я ослеп, так восклицали все и спрашивали: Где же дверь, здесь была дверь, а теперь нет ее. Это господь, спасая своих ангелов от зверского насилия, которое, по мнению людей сведущих, хуже смерти, поразил слепотой всех без исключения жителей содома, что доказывает в итоге, что и десяти праведников не нашлось в городе. А гости сказали лоту: Возьми всю свою родню и уходи из города, всех забирай — дочерей, сыновей, зятьев и вообще все, что можешь, забирай, уводи, потому что мы и пришли-то, чтобы город этот истребить. Лот вышел и предупредил своих будущих зятьев, однако те не поверили и только смеялись над этой, как они полагали, шуткой. И уже занимался рассвет, когда посланцы господа вновь и очень настойчиво сказали лоту: Встань, возьми жену твою и двух дочерей твоих, которые у тебя, чтобы не погибнуть тебе за беззакония в городе, и, хоть господь того не хочет, это непременно случится, если не послушаешь нас и не поторопишься. А потом, не дожидаясь ответа, схватили за руки лота, жену его и дочерей и вывели из дому, а потом и за городскую черту. Авраам и каин вышли с ними, но в горы, куда по совету господних посланцев те собирались идти, не сопроводили, ибо лот попросил оставить его в маленьком городке, почти деревушке под названием зоар. Ну, ступай, ответили посланцы, но смотри, не оборачивайся назад. Лот вошел в селение на восходе солнца. А господь тем временем пролил на содом и гоморру серу и огонь с небес, и ниспроверг города сии, и всю окрестность сию, и всех жителей городов сих, и все произрастения земли. И куда ни глянешь — повсюду теперь

были только развалины, пепел да обугленные трупы. Что же касается лотовой жены, то она, нарушив запрет, все же обернулась и сейчас же превратилась в соляной столп. И по сию пору никто так и не смог толком объяснить, за что же выпала ей такая кара, ведь это же вполне естественное человеческое желание — узнать, что творится у тебя за спиной. Может быть, конечно, что господь решил покарать ее любопытство, как смертный грех, но и в этом случае возникают сомнения в его мудрости, особенно если вспомнить историю с древом познания добра и зла, ибо не дала бы ева попробовать плода с него адаму, да и сама бы не отведала, и поныне пребывали бы они оба в райском саду и томились неотъемлемой от того места скукой. На обратном пути каин и авраам случайно остановились точно там же, где авраам сколько-то времени назад говорил с господом, и тогда-то вот каин и сказал: Знаешь, не дает мне покоя одна мысль. Что за мысль, спросил авраам. Я все думаю, что в содоме и в других сожженных городах наверняка были люди ни в чем не виноватые. Были бы — господь исполнил бы тогда свое обещание и сохранил им жизнь. А детей-то, спросил каин, детей-то за что. О боже мой, пробормотал, а верней даже, простонал авраам, боже мой. Да, это твой бог, твой, но не их.

8

В одно мгновение тот самый каин, что побывал в содоме и шел обратно, оказался вдруг, к неопишуемому своему удивлению, в пустыне синай и среди многотысячной толпы людей, ставших лагерем у подножья горы. Он не знал, кто они, откуда пришли, куда идут. Спросить же одного из стоящих рядом — значит признаться, что чужеземец и навлечь на себя вполне возможные неприятности. Наученный горьким опытом, решил не называться больше ни каином, ни авелем, ибо дьявол, может статься, принес сюда и тех, кто слышал историю двух братьев и сейчас начнет задавать неудобные вопросы. Самое лучшее — держать уши на макушке, нос — по ветру, глаза — широко открытыми и делать выводы самому. Одно сомнению не подлежало — имя моисея было на устах у всех, причем если одни произносили его с давним почтением, то другие, коих было большинство, — с новообретенным нетерпением. Именно сии последние вопрошали: Где же моисей-то, куда запропал, сорок дней и сорок ночей тому назад поднялся на гору говорить с господом и с тех пор ни слуху ни духу, как сгинул, и по всему видать, оставил нас господь, знать больше не желает свой народ. Тропинка обмана при рождении узка, но всегда найдется тот, кто рассудит за благо расширить ее, а мы, повторяя устоявшееся народное мнение, скажем, что обманывать — то же, что есть или чесаться, только начни — и не остановишься. Среди народа, ожидавшего, когда же вернется моисей, был и брат его именем аарон, которого еще во времена плена египетского назначили священнослужителем. К нему-то и обратились самые нетерпеливые: Что там с моисеем — неизвестно, так что давай-ка сделай нам богов, чтоб вели нас и направляли, и тогда аарон, который и так-то не отличался особенной твердостью характера, и вовсе оробел, потому что не отказал наотрез и резко, но ответил: Ну, если хотите этого, выньте серьги золотые из ушей жен ваших, сыновей и дочерей и несите их сюда. Так и было поступлено. Вслед за тем аарон бросил золото в тигель и отлил золотого тельца. И, по всей видимости, довольный тем, что получилось, но не сознавая, что, сотворив объект для будущего поклонения, вот-вот создаст и непримиримое противоречие, потому что либо уж господь, либо обожествленный телец, возвестил: Завтра устроим празднество в честь господина. И все это слышал каин, который, собрав воедино отдельные слова, ключья реплик, лоскутья диалогов, начал мало-помалу понимать не столько суть происходящего перед ним, сколько ход предшествующих событий. И в этом большом подспорьем ему оказались разговоры, что велись в большом шатре, отведенном для холостых, несемейных, одиноких. Сам он представился ноем — ничего лучше не пришло ему в голову — и, принятый радушно, принял вскоре участие в общей беседе. Евреи уже тогда говорили много — может

быть, даже чересчур много. На следующее утро разнеслась весть о том, что моисей наконец спускается с горы синайской, а иисус, его помощник и военачальник израильтян, отправился к нему навстречу. И, услышав шум народа, сказал моисею: В стане нашем военный крик, похоже. Но моисей ответил: Нет, это не крик побеждающих и не вопль поражаемых, я слышу голос поющих. Ох, не ведал он, что ждет его. Ибо первое, что увидел, войдя в лагерь, был этот самый телец, вокруг которого велись пляски. Моисей схватил тельца, разбил его, растер в прах, а потом, обратясь к аарону, сказал: Что сделал тебе народ сей, что ты ввел его в грех великий, но аарон, при всех своих недостатках недурно знавший мир, в котором жил, ответил: Да не возгорается гнев господина моего, ты же знаешь, что это за народ — буйный и склонный ко злу, это они все придумали, захотели себе других богов, потому что уже не верили, что ты вернешься, а если бы я отказался исполнить их волю — они бы меня, скорей всего, убили. После этих слов моисей стал в воротах стана и крикнул: Кто за господина — ко мне. И все те, кто принадлежал к роду левиев, собрались вокруг него, моисей же воскликнул: Так говорит господь бог израиля, обнажите мечи свои, вернитесь в лагерь, пройдите по нему от ворот до ворот и обратно и убивайте каждого брата своего, каждого друга своего, каждого ближнего своего. И в итоге перебито оказалось тысячи три человек, если не больше. Кровь текла меж шатров, будто полая вода при разливе рек, и в таком обилии, словно сама земля закровоточила, и повсюду валялись обезглавленные, выпотрошенные, пополам разрубленные люди, а крики женщин и детей были столь неистовы, что должны были бы достичь вершины горы синайской, на которой радовался своему возмездию господь. Каин едва мог поверить своим глазам. Мало было содома и гоморры, сожженных дотла, теперь и здесь, у подножия горы, получил он неопровержимое свидетельство того, сколь злобен господь — три тысячи погибло оттого лишь, что он разгневался на умпостижаемого соперника, явленного в фигурке золотого тельца: Я всего-то убил брата своего, однако понес за это кару, а теперь хотел бы посмотреть, кого покарает господь за эту вот резню, подумал каин и тотчас продолжил мысль так: Люцифер знал, что делал, поднимая мятеж против бога, и ошибется тот, кто подумает, будто зависть была причиной этому, нет, просто он знал, с кем имеет дело. Ветер взметнул пригоршню золотой пыли, выпачкал ею руки каина. И он вымыл их в какой-то луже, так, словно, исполняя ритуал, отрясал от ног своих прах того дома, где его плохо приняли, потом сел на осла и уехал. Темная туча закрыла вершину синайской горы, и там был господь.

По причинам, разъяснить которые не по силам нам, простым пересказчикам старинных историй, постоянно переходящим от простодушного легковерия к самому твердолобому скептицизму, каин оказался застигнут тем, что безо всякого преувеличения можно было обозначить словом буря — неким бушующим в календаре циклоном, неким сокрушающим время ураганом. В течение нескольких суток после истории с золотым тельцом, чье бытие оказалось столь кратко, стали с немыслимой быстротой происходить эти самые пресловутые изменения настоящего, из ниоткуда возникая, неведомо куда устремляясь, обретая образы разрозненных, не соотнесенных друг с другом эпизодов, без начала и конца и связи, когда представляли перед ним то сражения бесконечной войны, первопричина которой давно уже всеми забылась, то какой-то зловеще-разудалый, колючий, скрипучий фарс, невеселый балаган, представляющий нескончаемо навязчивую череду убийств и насилий. И один из этих многочисленных образов, самый из всех загадочный и неуловимый, ускользая от взора, все же являл глазам каина безмерное пространство воды, где до самого горизонта не было ни островка, ни паруса над кораблем с его рыбаками и сетями. Вода, вода, повсюду одна только вода и ничего, кроме затопившей мир воды. Совершенно очевидно, что Каин не мог быть очевидцем многих этих событий, но иные истории, истинные, нет ли, постигал известным способом, узнавая от кого-то, кому кто-то, слышавший от кого-то, что-то рассказал. Вот, например, скандальный случай с лотом и его дочерьми. Когда павшими с небес огнем и серой уничтожены были содом и гоморра, лот побоялся оставаться в соседнем городке зоаре, где

обосновался первоначально, и решил спрятаться в горах, в скалистом гроте. И вот однажды старшая его дочь сказала младшей: Отцу нашему недолго осталось, он скоро умрет, а здесь во всей округе нет никого, кто взял бы нас в жены, а потому, знаешь ли, что я придумала — давай напоим отца и потом переспим с ним, чтобы получить от него потомство. Так и было сделано, причем лот не заметил, ни как всходила старшая к нему на ложе, ни как покидала его, и то же повторилось на следующую ночь с младшей, и опять же прошло все нечувствительно для лота. Обе дочери забеременели, но каин, большой дока по части эрекции и эякуляции, что подтвердила бы лилит, первая его и доселе единственная любовница, сказал, выслушав эту историю: У мужчины, упившегося до того, что даже не сознает, где он и кто с ним, попросту не встанет, а раз не встанет, то он и не вставит, а не вставит, значит, никого и не обрюхатит. А что господь допустил кровосмешение, принял его как нечто обыденное и не заслуживающее кары по меркам и законам им же созданного стародавнего общества, так это нас удивлять не должно, ибо природа тогда еще не была снабжена моральными кодексами и главной своей целью ставила продолжение рода то ли по неумолимым требованиям поры, течки, охоты, называйте это как хотите, то ли ради утоления простого сексуального аппетита, а то ли, как будут выражаться позднее, отчего ж не дать, если просят, авось не смылится. Сам же господь, заповедав: Плодитесь и размножайтесь, не уточнил, не определил, не ограничил, кому с кем можно, а кому нельзя. Вполне вероятно также, хотя бы пока на правах рабочей гипотезы, что подобная широта господних взглядов на делание детей зиждется на необходимости как-то возмещать убыль убитыми и ранеными в армиях своих и чужих, как повелось от века и, можно не сомневаться, будет и впредь. Достаточно вспомнить, что произошло в виду горы синайской и столпа облачного, в котором явился господь, когда, выжившие, едва успев утереть слезы, в любовном неистовстве торопливо стругали новых бойцов, чтобы со временем было кому взяться за рукояти бесхозных мечей и обезглавить детей тех, кто прежде вышел победителем. Поглядите хотя бы, что случилось с мадианитянами. А случилось то, что военное счастье перешло в тот день на это племя, и оно разгромило израильтян, которые, кстати сказать и вопреки тому, как упорно утверждают обратное, оказались побеждены не впервые. И раздосадованный этим господь сказал моисею: Должен ты сделать так, чтобы израильтяне отомстили мадианитянам, а потом готовься, ибо недалек уж тот час, когда ты соединишься с праотцами своими. Моисей, получив малоприятное известие о том, что жить ему осталось относительно недолго, приказал каждому из двенадцати колен израилевых выставить по тысяче воинов и таким образом собрал двенадцатитысячную рать, которая разгромила врагов, причем живым ни один не ушел. Среди убитых оказались и пять царей, правивших в земле мадианитян, а звали их евий, рекем, цур, хур и реба, да, представьте себе, в старину коронованные особы носили такие причудливые имена и не было среди них ни единого альфонса, жоана, санчо или педро. А женщин и детей израильтяне увели в плен и со всей прочей добычей доставили моисею, который вместе со священником елеазаром находился на равнине моав, неподалеку от реки иордан, против иерихона, а даются все эти топонимические уточнения для того, чтобы доказать, что мы ничего не выдумываем. Моисей, уже извещенный об итогах битвы, разгневался при виде входивших в лагерь воинов и спросил их: Почему же вы не убили также и женщин, из-за которых израильтяне отшатнулись от господа и принялись поклоняться ваалу, отчего погибло такое множество народа господа, приказываю вам вернуться и перебить всех отроков, и отроковиц, и замужних женщин, что же касается прочих, то есть незамужних, можете оставить их в живых и найти им иное употребление. И этому каин уже не удивился. Но абсолютной новинкой стало для него распределение трофеев, то бишь добычи, отчего мы и сочли совершенно необходимым отметить это в нашем повествовании для сведения читателей о том, каковы были обычаи тех времен, причем заранее просим прощения за излишние мелкие подробности — мы за них не отвечаем. Ну, в общем, господь сказал моисею: сочти добычу плена, от человека до скота, ты, и елеазар

священник, и начальники племен общества, и раздели добычу пополам между воевавшими, ходившими на войну, и между всем обществом, и от воинов, ходивших на войну, возьми дань господу, по одной душе из пятисот, из людей и из крупного скота, и из ослов и из мелкого скота, возьми это из половины их и отдай елазару священнику в возношение господу, и из половины сынов израилевых возьми по одной доле из пятидесяти, из людей, из крупного скота, из ослов и из мелкого скота, и отдай это левитам, служащим при скинии господней. И было добычи, оставшейся от захваченного, что захватили бывшие на войне: мелкого скота шестьсот семьдесят пять тысяч, крупного скота семьдесят две тысячи, ослов шестьдесят одна тысяча, людей, женщин, которые не знали мужского ложа, всех душ тридцать две тысячи. Половина, доля ходивших на войну, по расчислению была мелкого скота триста тридцать семь тысяч пятьсот, и дань господу из мелкого скота шестьсот семьдесят пять, крупного скота тридцать шесть тысяч, и дань из них господу семьдесят два, ослов тридцать тысяч пятьсот, и дань из них господу шестьдесят один, людей шестнадцать тысяч, и дань из них господу тридцать две души. И из половины сынов израилевых, которую отделил моисей у бывших на войне, половина же на долю общества была мелкого скота триста тридцать семь тысяч пятьсот, крупного скота тридцать шесть тысяч, ослов тридцать тысяч пятьсот, людей шестнадцать тысяч. Из половины сынов израилевых взял моисей одну пятидесятую часть из людей и из скота и отдал это левитам, исполняющим службу при скинии господней, как повелел опять же господь моисею. Как явствует со всей очевидностью из вышесказанного, господь помимо того, что одарен исключительными способностями к счетоводству и с поразительной быстротой умеет считать в уме, еще и очень богат. И каин, ошеломленный тем, какие изобильные плоды в виде скота, рабынь и золота принесла победа, подумал: Как видно, война — это выгоднейшее предприятие, может быть, даже самое выгодное из всех, если судить по той легкости, с какой приобретены — ну, правда, не столько приобретены, сколько силой взяты, притом военной силой, но это неважно — были все эти богатства, все эти тысячи и тысячи быков, овец, ослов, женщин, не знавших ни ложа, ни мужа, и этому господу пристало бы назваться когда-нибудь богом бранных сил, не вижу я в нем иного прока, думал каин и, как выяснилось, не ошибался. Весьма возможно, что договор, который, по мнению иных, существует меж богом и людьми, содержит в себе лишь пару параграфов, а именно — ты служишь нам, вы служите мне. Впрочем, нет сомнений и в том, что дела ныне обстоят совсем иначе. В оны дни господь любил являться людям собственной персоной, во плоти, с позволения сказать, и заметно, что он испытывал известное удовлетворение, показывая себя миру, и пусть подтвердят это адам и ева, сильно выигравшие от этого появления, да и каин пусть скажет, хотя это был совсем другой, печальный случай, поскольку обстоятельства — мы, если кто еще не понял, толкуем о гибели авеля — были не самые подходящие для демонстрации удовлетворения. А теперь господь прячется в столпе облачном, словно не желает, чтобы его видели. Мы, смиренные обозреватели событий, по крайнему своему разумению, считаем, что он, может быть, и стыдится иных своих деяний — ну, взять хоть тех невинных младенцев из содома, которых испепелил гневом своим.

9

Место осталось прежним, изменилось настоящее время. Теперь перед глазами каина — город иерихон, куда его из соображений безопасности не впустили. Там с минуты на минуту ждали, что воинство иисуса навина пойдет на приступ, и, сколько бы ни божился каин, что он-то — не израильтянин, пройти за ворота ему так и не дали, оттого, главным образом, что и он не смог дать удовлетворительного ответа на вопрос: Ну а если не израильтянин, то кто ж тогда. Но к моменту рождения каина израильтян и в помине не было, когда же много-много лет спустя они появились, вызвав слишком уж хорошо известные и катастрофические последствия, знаменитые переписи населения не затронули адамово семейство. Каин — не

израильтянин, но и не хеттей, не идуменей и не недодуменей, не моавитянин, не из племени аморреев или, скажем, умертвеев или еще каких евеев ли, ереев. Не подпасть ни под одно из этих неопределений помог ему коновал из иисусова войска, пленившийся его ослом: Славная у тебя скотинка, сказал он. Не расстаемся с тех пор, как я вышел из земли нод, отвечал каин, и не подвел ни разу. Если так и если согласен, беру тебя в помощники, обязуюсь кормить, а ты за это будешь время от времени давать мне своего осла. Предложение показалось каину заманчивым, но он все же возразил: Но потом-то что. Когда потом. Когда падет иерихон. Эх, милый, иерихон — только начало, за ним пойдет долгая завоевательная война, а на ней коновалы нужны будут не меньше, чем солдаты. Ну, если так, то по рукам, сказал каин. Он уже слышал про жившую в иерихоне знаменитую блудницу по имени раав, и отзывы тех, кто знал ее, заставляли его мечтать о встрече, призванной заново воспламенить ему кровь, ибо со времени последнего свидания с лилит обходился он без женщины. В город его, как вы знаете, не впустили, однако надежда познать раав не покидала его. Коновал меж тем доложил по команде, что принянял себе за харчи помощника, так что каин нежданно-негаданно оказался во вспомогательных частях израильского воинства и под требовательным руководством своего начальника принялся лечить хвори и недуги ослов, да, ослов и только ослов, потому что кавалерия как род войск еще не была изобретена. После ожидания, которое, как всем показалось, безбожно затянулось, стало известно, что господь наконец возговорил иисусу и сказал ему дословно следующее: Я предаю в руки твои иерихон и царя его, и находящихся в нем людей сильных, пойдите вокруг города все способные к войне и обходите город однажды в день, и это делай шесть дней, и семь священников пусть несут семь труб юбилейных пред ковчегом, а в седьмой день обойдите вокруг города семь раз, и священники пусть трубят трубами, когда затрубит юбилейный рог, когда услышите звук трубы, тогда весь народ пусть воскликнет громким голосом и стена города обрушится до своего основания. И вопреки совершенно закономерному недоверию именно так все и случилось. Семь дней длились подобные, никогда и нигде прежде не виданные тактические маневры, стены в самом деле рухнули, и осаждавшие ворвались в город, и пал иерихон. Разнесли все в клочья, перебили мужчин и женщин, молодых и старых, а равно также и волов, овец и ослов. Когда же каин наконец попал за ворота, оказалось, что блудница раав уже исчезла со всем своим семейством, а беспрепятственное бегство и неприкосновенность были, оказывается, ей обещаны в награду за то, что спрятала у себя двух иисусовых лазутчиков, проникших в город ранее. И каин, узнав об этом, утерял всякий интерес к этой женщине. Ибо, несмотря на свое плачевное прошлое, терпеть не мог изменников и считал, что никого нет на свете презреннее их. Воины иисуса предали город огню и сожгли все, что там находилось, кроме золота, серебра, бронзы и железа, которые, как водится, снесены были в господню сокровищницу. А иисус высказал тогда вот такую угрозу: Проклят пред господом тот, кто восставит и построит город сей иерихон; на первенце своем он положит основание его и на младшем своем поставит врата его. А в ту пору проклятия были истинными шедеврами словесности как по силе намерения, так и по емкой безупречности формы, в которую заключены, и не будь иисус навин столь безмерно жесток — а как не будь, когда именно что был, — мы смогли бы счесть его инвективы образцом стилистического мастерства, по крайней мере — в том разделе риторики, где приведены слабо востребованные современностью проклятия разного рода. Вслед за тем воинство сынов израиля двинулось на город ай,⁵ который именно по причине столь жалостного своего названия не затерялся в истории, и там довелось им, до дна испив чашу унижительного поражения, убедиться, что с господом шутики плохи. Так вышло, что некий муж по имени ахан завладел в иерихоне кое-чем из того, что подлежало уничтожению, и господь вследствие

5 Автор обыгрывает то обстоятельство, что буква «И», с которой начинается название города Hai (Гай в русской библейской традиции), в португальском языке не произносится.

этого впал в очень сильное раздражение на израильтян. Так не годится, кричал он, так порядочные люди не поступают, а тот, кто дерзнул нарушить мой приказ, сам себе вынес приговор. Меж тем иисус, введенный в заблуждение сведениями своей агентуры, совершил ошибку, заключающуюся в недооценке сил противника, и отправил в бой менее трех тысяч человек, которых защитники города атаковали, опрокинули, обратили в бегство и долго преследовали. Как всегда это бывает, незначительное поражение отбивает у евреев желание сражаться, и хоть ныне они демонстрируют отчаяние не так, как это делалось в библейские времена, когда они раздирали на себе одежды, бросались наземь, посыпали голову пеплом, но вербальное выражение отчаянья, сиречь слезные вопли, имеет место в полную силу. А о том, что господь с самого начала плохо выучил эту братию, судить можно по жалобам, пеням, сетованиям и мольбам иисуса, недоуменно вопрошавшего: Зачем же ты перевел нас за иордан, зачем отдал в руки аморреев и обрек на гибель, и не лучше ли нам было оставаться на другом берегу реки. Налицо вопиющая диспропорция отчаяния, поскольку этот самый иисус, оставляющий за собой после каждой битвы многие тысячи убитых врагов, теряет голову из-за такой малости, как потеря тридцати шести солдат, ибо именно столько осталось их лежать на поле брани после неудавшегося приступа. Преувеличения продолжались: Что сказать мне теперь, господи, теперь, когда дрогнул израиль перед лицом врагом своих, о чем немедля узнают хананеяне и прочие обитатели страны, а узнав, не промедлят и напасть на нас, и погубить нас, чтобы рассеять даже самую память о нас, и что же ты сделаешь, чтобы спасти нас, спросил он. И господь, который на этот раз явился не собственной персоной и не в столпе облачном, а надо полагать, лишь подал голос, раздавшийся в пространстве и вызвавший отзвук во всех долинах и взгорьях, на этот вопрос отвечал так: Согрешил, и преступили они завет мой, который я завещаю им; и взяли из закланного, и украли, и утаили, и положили между своими вещами, за то сыны израилены не могли устоять пред врагами своими и обратили тыл врагам своим, ибо они подпали закланною; не буду более с вами, если не истребите из среды вашей закланного. Голос теперь гремел еще громче: И потому не смог выстоять против врагов своих, что и сам теперь обречен мною на уничтожение, и я отвращаю от вас лицо свое до тех пор, пока вы не уничтожите то, чем завладели, а теперь вставай, иисус, созови всех, и человек, у которого будет найдено предназначенное на уничтожение, должен быть сожжен вместе со всем, что принадлежит ему, со всем имуществом и всеми близкими его. И на следующий день, рано поутру иисус приказал, чтобы весь народ, племя к племени, явился пред ним. От вопроса к вопросу, от вопроса к допросу, от допроса к доносу — и обнаружился злоумышленник по имени ахан, сын хармия, сына завдия, сына зары, из колена иудина. И тогда иисус навин мягко так, ласково, медоточиво сказал ему: Сынок, для вящей славы божией, расскажи-ка мне, как оно все было на самом деле, вот здесь, перед господом, расскажи без утайки все, что ты сделал. Каин, стоявший среди других, подумал: Его наверняка простят, если бы решили осудить, иисус не пел бы так сладко. Меж тем ахан говорил так: В самом деле, я согрешил против господина, владыки израиля. Ну-ну, рассказывай, поощрил его иисус. Я увидел среди добычи красивый плащ из месопотамии, еще сколько-то мер серебра и золотой слиток, и мне так понравилось это, что я решил взять все себе. А сейчас-то они где. Я закопал их в землю за моим шатром, внизу серебро, сверху — все остальное. Получив признание, иисус немедля послал людей проверить, и они все нашли, и серебро, как и сказал ахан, было внизу. Отрыли, доставили к иисусу, а потом положили перед господом, а верней сказать — перед ковчегом завета. Иисус же взял ахана и серебро, и одежду, и слиток золота, и сыновей его и дочерей его, и волов его и ослов его, и овец его и шатер его, и все, что у него было, и вывел их на долину ахор, а там сказал: За то, что ты навел на нас беду, господь на тебя наводит беду в день сей. И побили его все израильтяне камнями, и сожгли их огнем, и наметали на них камни. И набросали на него большую грудку камней, которая уцелела и до сего дня. Посему то место даже до сего дня называется долиною ахор, что значит беда. После сего утихла ярость гнева господня, но, прежде чем народ разошелся,

громовой голос еще предрек: Вас предупредили, и я — господь бог ваш.

Чтобы взять город, иисус решил с тридцатью тысячами воинов устроить осажденным ловушку, и стратегический трюк, заключавшийся в том, чтобы сначала разделить силы осажденных, а потом атаковать их с двух сторон, на этот раз должен был увенчаться успехом. И пало в тот день двенадцать тысяч мужчин и женщин, то есть все население города, ибо уйти оттуда не сумел никто, ни один человек. Иисус приказал повесить царя на дереве и до самого вечера не снимать труп. На закате же снять и бросить к городским воротам и набросать над ним большую грудку камней, которая уцелела даже до сего дня. Дело, конечно, давнее, но до сих пор встречаются то там, то здесь каменистые эти холмы, которые отлично годятся для того, чтобы подтвердить истинность этой печальной истории, дошедшей до нас из древнейших документов. При виде того, что произошло, и не успев еще позабыть произошедшего раньше, то есть участи содома, гоморры и иерихона, каин принял некое решение, о коем оповестил своего начальника: Я ухожу, не могу больше, столько крови вокруг, столько слез, столько трупов, а ты верни-ка мне моего осла, он мне теперь самому будет нужен. Глупо поступаешь, в ближайшее время начнем брать один город за другим, это не поход будет, а триумфальное шествие, что же касается осла, то, продав его, ты доставил бы мне живейшее удовольствие. И думать об этом забудь, оборвал его каин, я ж тебе говорю — уйти собрался, а на своих двоих много ль пройду. Хочешь, другого тебе устрою за бесплатно. Не хочу я другого, я с этим пришел, с этим и уйду, сказал каин, после чего сунул руку за пазуху, а вытащил — уже с кинжалом: Отдавай осла сей же час, не то убью. И сам умрешь. Все там будем, но ты — раньше, чем я. Ладно, подожди, сейчас приведу. Приведешь, да не осла, а солдат, нашел дурака, нет уж, идем вместе, только помни, прежде чем успеешь произнести хоть слово против меня, будет у тебя клинок под лопаткой. Коновал опасался, как бы ярость, обуявшая каина, не заставила его от слов перейти к делу, да и то сказать — не глупо ли расставаться с жизнью из-за осла, будь он хоть самый что ни на есть замечательный. И они пошли вдвоем, и заседлали животинку, и каин, сумев разжиться кое-какими припасами, предназначенными для продовольствования войска, набил седельные сумы до отказа, а потом сказал своему спутнику: Ну, садись, погарцуй на моем осле напоследок. Коновал удивился, но — делать нечего, сел в седло, запрыгнул за ним и каин, и очень скоро были они оба уже за пределами лагеря. Куда это мы, с беспокойством спросил коновал. Я же сказал тебе — прокатиться, отвечал каин. И так вот ехали они, ехали, а когда скрылись из виду шатры, каин сказал: Слезай. Коновал послушался, но, увидав, что каин намерен тронуться дальше, вскричал: А я, а мне что делать. А ты делай, что хочешь, но на твоём месте я вернулся бы в лагерь. Как, пешком. Не заплутаешь, путь тебе укажут столбы дыма, что до сих пор стоят над городом. Этой победой и завершил каин свое бранное поприще. Он не увидел, как пали города македа, ливна, лакис, еглон, хеврон и девир, все население коих было вырезано, не присутствовал и при том, что, если верить легенде, передаваемой из поколения в поколение, было величайшим чудом всех времен, когда господь остановил солнце, чтобы иисус навин смог еще при свете дня выиграть битву с пятью аморрейскими царями. Если не считать неизбежные и ставшие уже привычными потери убитыми и ранеными, если не принимать в рассуждение совсем уже вошедшие в обиход разрушения и более чем обыденные пожары, то история эта и в самом деле звучит замечательно и отлично демонстрирует могущество бога, для коего, по всей видимости, невозможного нет. Да только все это ложь от начала до конца. Истина же в том, что иисус, видя, что солнце склоняется к закату и что наползающая ночная тень укроет остатки аморрейского воинства, воздел руки к небу, но в тот самый миг, как он открыл было рот, чтобы произнести заготовленную для потомства фразу, кто-то шепнул ему на ухо: Молчи, ни слова, ни звука, соединишь со мной без посторонних глаз в шатре, где хранится ковчег завета, нам надо побеседовать. Иисус послушно передал командование старшему после себя в чине, поспешно направился, куда было сказано. Там присел на скамью и сказал: Вот я, господи, пришел узнать твою волю.

Насколько я понимаю, идея, зародившаяся у тебя в голове, сказал господь, состояла в том, чтобы остановить солнце, так. Так, господи, чтобы ни один аморрей не ушел. Я не могу исполнить твою просьбу. Это прозвучало столь неожиданно, что у навина сам собой открылся от изумления рот: Не можешь остановить солнце, переспросил он, и голос его, произносивший такую ужасающую ересь, дрожал. Я не могу остановить солнце, потому что оно и так стоит неподвижно с тех пор и на том месте, как и где я его оставил. Ты — господь мой, ты не можешь ошибаться, но глаза мои видят совсем иное, ют оно, солнце, оно рождается вон там, целый день движется по небу, исчезает в противоположной стороне, а на следующее утро возвращается. Двигаться-то движется, да только не солнце, а земля. Земля стоит, господи, сказал иисус напряженно и даже с отчаянием. Нет, человече, глаза твои тебя обманывают, земля движется, вращается в пространстве вокруг солнца. Но если так, прикажи ей остановиться, мне все равно — земля ли, солнце, лишь бы только покончить с аморреями. Если я остановлю землю, покончено будет не только с аморреями, но и со всем человечеством и со всем миром в придачу, со всем, что есть в нем живого и неживого, со всеми существами, тварями и предметами, и даже с деревьями, что так крепко вцепляются корнями в почву, все будет вышвырнуто отсюда, слетит с лица земли, подобно тому, как летит пущенный из твоей пращи камень. Я-то думал, господи, все мироустройство действует исключительно по твоей воле. Видно, я злоупотребил ею, и я, и другие во имя мое, оттого и возникло такое неудовольствие, и одни люди отшатнулись от меня, а другие дошли даже до такого, что отрицают и само мое бытие. Покарай их, господи. Они вне моего закона, юрисдикции, так сказать, я не могу к ним прикоснуться, и жизнь бога вовсе не так проста, как вам представляется, и бог, вопреки тому, что вы себе воображаете, не всегда и не вполне может пускать в ход эти свои хочу-могу-велю и далеко не всякий раз может идти прямо к цели, иногда приходится и в обход пробираться, да, я поставил знамение на лоб каина, это так, ты, правда, никогда его не видел, не знаешь, кто это, но дело не в этом, непонятно другое — почему у меня недостает могущества не пустить его туда, куда он идет по своей воле, и не позволить ему поступать по своему разумению. Ну а с нами что, спросил навин, продолжая неотступно думать об аморреях. Исполнишь помыслы свои, я не стану лишать тебя славы человека, который обратился к богу напрямую. А ты, господи. Ая разгоню тучи, которые сейчас закрывают небо, мне это сделать ничего не стоит, ну а битву все же придется выигрывать тебе. Если вдохнешь в нас боевой дух, завершится она еще до захода солнца. Сделаю все возможное, раз уж невозможное невозможно. Расценив эти слова как прощальные, иисус поднялся было со скамьи, но господь сказал: Ты смотри, не болтай о том, что мы тут с тобой обсуждали, история, которая будет поведена в грядущем, должна быть нашей и никакой иной, помни — иисус навин попросил господя остановить солнце, тот исполнил его просьбу, и больше ничего. Уста мои не изрекут ничего, кроме этих слов, господи. Ну ладно, ступай, разделяйся со своими аморреями. Иисус вернулся к войску, взшел на холм и снова воздел руки: господи, вскричал он, владыка небес, мира, израиля, молю тебя, удержи ход солнца, дабы воля твоя была исполнена беспрепятственно, дай мне еще час света, один только час, не допусти, чтоб аморреи трусливо скрылись во мраке ночи, чтобы твоим воинам не пришлось искать их впотьмах во исполнение твоего правосудия, обрекшего их смерти. Тут с уже очистившегося от туч неба громом грянул, вселяя страх в аморреев и ободряя израильтян, божий глас: Солнце не сдвинется оттуда, где стоит сейчас, и станет свидетелем битвы за землю обетованную, и ты, иисус, победишь в ней пять царей аморрейских, дерзнувших бросить мне вызов, и ханаан спелым плодом упадет вам в руки, итак, вперед, и да не избегнет ни один неприятель разящих мечей ваших. Существует версия, что иисус навин сформулировал свою мольбу проще и прямей, якобы ограничившись тем, что сказал: Солнце, остановись над гиебоном, аты, луна, остановись над долиной айалонской, и это доказывает, что иисус допускал возможность битвы и после захода солнца, когда лишь бледная луна будет указывать путь клинку или острию к горлу врага. Версия

любопытная, но нимало не противоречащая сути, суть же в том, что аморреи были разбиты наголову и по всему фронту, что победу помог одержать господь, который, остановив солнце, мог не дожидаться луны. Не так ли было сказано в книге праведного, которая сейчас совершенно неизвестно куда девалась.⁶ Итак, в течение почти что целого дня солнце оставалось недвижно посреди неба и не выказывало намерения скрыться поскорее за горизонтом, и никогда еще, ни прежде, ни потом, не бывало дня, подобного тому, когда господь, принявший сторону израильтян, прислушался к голосу человека.

10

Каин не знает, где он и куда везет его осел — по одной из стольких дорог прошлого, или, может быть, по узкому пути грядущего, или же все еще по какой-то тропке настоящего, покуда еще непознанного и неведомого. Глядит на выжженную почву, на шипастые колючки, на редкие травы, до хруста иссушенные солнцем, но вокруг, в этих неприветливых местах, и не видно ничего, кроме выжженной почвы, шипастых колючек, иссушенных трав. Ни следа дорог, отсюда можно, наверно, прийти куда угодно или никуда не прийти, и все это похоже на то, как если бы судьба либо обновлялась, начинаясь сызнова, либо решала обождать более благоприятного случая обозначиться. Осел идет твердым шагом, так, словно знает куда, идет, как будто взял след — следы, то возникающие, то пропадающие, сандалий, копыт или босых ступней, — в который надо постоянно и внимательно всматриваться, чтобы не пришлось брести вспять, воображая, что стремишься вперед, чтобы не кружить, а руководствоваться полярной звездой. И каин, некогда начинающий земледelec, затем — глиномес, сделался ныне прилежным следопытом, который, даже пребывая в неуверенности, старается не потерять нить, связующую с тем, кто проходил здесь раньше, и неважно, обрел ли он, нет ли, место, чтобы остановиться и сказать самому себе: Пришел. Каин зорек, спору нет, но все же не столь зорек, чтобы разглядеть среди множества знаков и следы, оставленные им самим, увидеть, как приволакивалась здесь онемевшая от усталости нога. Да, каин проходил здесь, сомнению не подлежит. И окончательно он убедится в этом, когда внезапно предстанут ему развалины той лачуги, которая в оны дни спасла его от дождя, а теперь ни от чего укрыть не может, ибо уже и остатки крыши рухнули теперь, а развалившиеся стены по прошествии двух или трех зим окончательно вrastут в землю, из которой когда-то поднялись, смешаются с нею, сами станут землей, вернувшейся в землю, прахом среди праха. Отныне осел пойдет только туда, куда его направят, прошло то время, когда был он единственным вожатым на этом пути, а, впрочем, может быть, и нет, и вообразим, что если ему предоставят идти, куда хочет, память о прежней конюшне может оказаться столь могущественна, что направит его в тот город, откуда когда-то, уже невесть сколько лет назад, вышел он с этим человеком на спине. Что же касается каина, то, разумеется, и он не забыл, какая дорога ведет ко дворцу. И когда войдет туда, ему по силам будет изменить курс, отринуть все настоящие времена, что ожидают его и до, и после сего дня, и воротиться в прошлое хоть на день, на два, может быть, больше, но уж точно — не на весь отпущенный ему в этой жизни срок, потому что его судьба еще только решается, о чем в свое время будет известно и поведано. А сейчас он слегка прикоснулся пятками к бокам осла, ибо впереди лежит дорога, которая приведет его в город, и какое бы вино по случаю встречи ни налили ему, нужно будет выпить его. Когда глядишь на город вблизи, кажется, будто он не сильно разросся — прежние домишки, приплюснутые собственной тяжестью, прежние кирпичи, и разве только дворец вздымался над бурой массой старых построек, а при въезде на площадь, как и предписано правилами подобных повествований, вывернул из-за угла прежний старик с прежними овцами на одной веревке.

⁶ Намек на загадочное место в книге Иисуса Навина (10:12): «И остановилось солнце, и луна стояла, доколе народ мстил врагам своим. Не это ли написано в книге Праведного?»

Где пропадал, надолго ли к нам, спросил он каина. А ты все небо коптишь, не помер еще, отвечал тот неучтиво. Я буду жив, доколе живы эти овцы, я и на свет-то, наверно, рожден был смотреть за ними, следить, чтоб не сжевали веревку, на которую привязаны. Других ждала доля потяжелей. Это ты о себе. В другой раз тебе отвечу, а сейчас спешу. Кто-нибудь ждет тебя, осведомился старик. Не знаю. Я побуду здесь, посмотрю, выйдешь ты из дворца или останешься. Пожелай мне удачи. Для этого хорошо бы сначала узнать, что для тебя будет лучше. Этого я и сам не знаю. А о том, что лилит родила, знаешь. Ну да, когда я уходил отсюда, она ждала ребенка. Так вот знай, родила сына. Прощай. Прощай. Не дожидаясь, пока ему это прикажут, осел направился к дверям дворца и там остановился. Каин сполз с седла, отдал поводья подоспевшему невольнику и сказал ему: Есть кто-нибудь дома. Госпожа. Доложи, что к ней посетитель. Авель, тебя зовут авель, я отлично помню тебя, пробормотал тот. Ступай, не мешкай. Невольник поднялся по лестнице и вскоре вернулся в сопровождении мальчугана лет девяти-десяти на вид. Это мой сын, подумал каин. Невольник знаком пригласил его за собой. Наверху стояла лилит, такая же красивая и обольстительная, как и раньше. Я знала, что ты придешь сегодня, и потому оделась так, чтобы понравиться тебе. Кто этот мальчик. Имя ему — енох, он твой сын. Каин одолел несколько ступеней, отделявших его от лилит, схватил ее протянутые к нему руки, потом стиснул в объятии. Он слышал ее дыхание, ощущал, как трепещет ее тело, и когда она сказала: Вернулся, только и смог ответить: Да. По ее знаку невольник увел мальчика, оставив их наедине. Пойдем со мной, сказала она. Вошли в прихожую, и каин заметил, что там еще стоят топчан и табурет, сужденные ему десять лет назад: Как же ты догадалась, что я приеду, если я сам не знаю, как оказался в здешних местах. Никогда не спрашивай меня, как узнала я то, о чем говорю, потому что не сумею ответить тебе, но, проснувшись утром, я сказала: Сегодня он вернется, и сказала для того, чтобы ты услышал, и оказалась права, ты здесь, хоть я и не подумаю спрашивать тебя, надолго ли. Я только что приехал, хорошо ли сейчас говорить о том, когда уеду. А зачем ты приехал. Это длинная история, ее не расскажешь вот так, стоя в дверях. Не хочешь стоя в дверях, расскажешь лежа на ложе. Они вошли в спальню, где ничего вроде бы не изменилось, как будто память каина за время долгой разлуки не поменяла одно за другим все воспоминания, чтобы нечему ему было удивляться сейчас. Лилит начала раздеваться, и оказалось — время не властно и над ее телом. Тогда каин спросил: А ной. Он умер, ответила она спокойно, не дрогнув голосом, не отведя глаз. Ты убила его, снова спросил каин. Нет, ответила она, я же пообещала тебе, что не убью, и сдержала слово, он умер своей смертью. Тем лучше, сказал каин. Город тоже зовется енох, напредила лилит. Как и мой сын. Да. А кто дал ему это имя. Кому. Городу. Ной. А почему он назвал город именем сына, не им зачатого. Сам не сказал, а я не спросила, ответила лилит, уже лежа в постели. А когда умер ной. Три года назад. Иными словами, целых семь лет был он в глазах всех отцом еноха. Все здешние знают, что отец его ты, хотя, конечно, теперь только старики помнят, как это было тогда, да как бы ни было, и родного сына ной не мог бы любить больше. Он не похож на того, которого я знал, кажется, что это два разных человека. В каждом из нас уживаются разные люди, ты ведь тоже — и каин, и авель. А ты. А во мне — все женщины, сколько ни есть их на свете, и все имена их — мое имя, отвечала лилит, а теперь поспеши, дай мне провести твоё тело. За десять лет у меня не было другой женщины, сказал каин, укладываясь рядом. А у меня — другого мужчины, сказала лилит, улыбаясь лукаво. Это правда. Нет, лежал здесь кое-кто, было их немного, потому что они мне были несносны, и всегда хотелось перерезать им глотку в миг, когда они достигали полноты блаженства. Что ж, благодарю тебя за откровенность. Тебе я не солгу никогда, сказала лилит и обняла его.

Когда унялись страсти, когда с большой лихвой возмещена была долгая разьединенность этих тел, пришел миг привести в порядок прошлое. Лилит еще раньше спросила: Зачем ты пришел, и тогда еще каин сказал, что не ведаёт, как попал сюда, и потому, когда вопрос прозвучал иначе: Что ты делал все эти годы, ответ был таков: Я видел то, что

еще не произошло. Иными словами, провидел будущее. Я не провидел его, я побывал в нем. Никто не может оказаться в будущем. Тогда не будем называть его будущим, назовем другим настоящим, другими настоящими. Не понимаю. Мне и самому поначалу большого труда стоило понять это, но потом увидел, что если я побывал там, а я и в самом деле побывал, то побывал в настоящем, а то, что было грядущим, исчезло, и завтра стало сегодня. Никто не поверит тебе. Да я и не собираюсь никому больше рассказывать. Плохо, что не прихватил в виде доказательства что-нибудь вещественное оттуда, из этого твоего настоящего времени. Настоящих времен было несколько. Ну, например. И тогда каин рассказал лилит, какой случай вышел с человеком по имени авраам, которому господь приказал принести сына в жертву себе, потом — про высоченную башню, построенную людьми, чтобы добраться до неба, и разрушенную дуновением господних уст, потом про город, где мужчины во исполнение плотских желаний избирали мужчин, за что господь огнем и серой истребил всех жителей его, не пощадив и невинных младенцев, еще не знавших, чего бы им пожелать в будущем, рассказал потом, как пострадали многие и многие из-за того, что люди, во множестве собравшись у подножья горы синайской, сделали себе золотого тельца и стали поклоняться ему, и про город мадианитян, дерзнувший убить тридцать шесть воинов из рати, именуемой израильской, за что все население, от мала до велика, было истреблено без пощады, и про другой город, называемый иерихон, стены которого пали при звуках труб, сделанных из бараньих рогов, а сам он со всеми жителями своими до последнего человека, молодого ли, старого, мужеского или женского пола, а равно и со всеми волами, ослами, овцами был уничтожен. Вот это я видел, прибавил каин, это и еще многое другое, о чем рассказать не могу за неимением должных слов. Ты в самом деле считаешь, будто все, что ты мне рассказал сейчас, произойдет в грядущем, спросила лилит. Вопреки тому, как принято считать, будущее уже записано, просто мы не умеем прочесть страницу с этой записью, ответил каин, спрашивая сам себя, откуда это взялась у него в голове такая дерзновенная мысль. А как, по-твоему, почему именно ты был избран, чтобы прожить и испытать все это. Не поручусь, что был избран, но что-то я теперь знаю, что-то должен был усвоить. И что же. А то, что господь наш, творец всего сущего, создатель неба и земли, — безнадежный безумец. Как ты смеешь говорить такое про господа бога. Да потому что только безумец, не ведающий, что творит, может признать за собой вину за гибель сотен тысяч людей и вести себя после этого так, словно ничего не случилось, а если это не безумие в самом точном смысле слова, то, значит, простое и чистое злодейство. Бог не может творить зло, иначе он не будет богом, а для зла у нас есть дьявол. Даже самому коварному и свирепому демону не придет в голову сказать отцу — зарежь и сожги своего сына — и для того лишь, чтобы проверить крепость его веры. Я не узнаю тебя, ты не похож на того, кто раньше спал на этом ложе, сказала лилит. Видела бы ты, что видел я, вот хоть младенцев из содома, обугленных небесным огнем, тоже едва ли осталась бы прежней. Что это за содом такой, спросила лилит. Город, где мужчины предпочитали женщинам мужчин. И из-за этого погибло так много людей. Не так много, а все, все до единого, ни один не выжил, ни одна душа не спаслась. И женщины, которыми пренебрегали эти мужчины, тоже, осведомилась лилит. Да. Бедные женщины, вечно у них в чужом пиру похмелье. Да, знаешь ли, невинные уже привыкли платить за грешных. В самом деле, господь странно понимает справедливость. Понимает как тот, кто никогда не имел ни малейшего понятия о том, каково может когда-нибудь стать человеческое правосудие. А ты имеешь, спросила лилит. Я всего лишь каин — тот, кто убил брата и за это преступление несет кару. Замечу, кстати, не слишком-то суровую, как бы вскользь сказала лилит. Ты права, мне ли отрицать это, но все же главную ответственность несет бог, тот, кого мы называем господом. Ты не был бы сейчас здесь, если бы не убил авеля, и давай в себялюбии своем думать, что одного без другого бы не было. Я прожил отпущенное мне, а то, что убил брата, и то, что сплю с тобою, — суть следствия одной и той же причины. Какой же. Да той, что мы в руках у господина или у судьбы, которая не есть ли всего лишь еще

одно его имя. Ну а что намерен делать теперь, спросила лилит. Это зависит от того. От чего. Если смогу когда-нибудь стать хозяином себя самого, и кончится когда-нибудь этот переход из времени во время, совершаемый без всякого участия моей воли, — стану жить жизнью, которую принято называть нормальной, жизнь, какой живут все остальные. Не все, далеко не все, ты женишься на мне, мальчик у нас уже есть, и этот город — наш, а я буду верна тебе, как верна кора дерева его стволу. Но если выйдет иначе, и моя судьба останется прежней, и, куда бы ни занесло меня, я должен буду переходить из времени во время, и мы с тобой никогда не сможем с уверенностью смотреть в завтра, ну и потом. Что, спросила лилит. И потом я чувствую, что был какой-то смысл в случившемся со мной, что-то это да значило, и потому я не имею права останавливаться на полпути, пока не пойму, что это значит, ты не останешься и на днях уйдешь, спросила лилит. Да, полагаю, так и будет, если я рожден, чтобы прожить нечто иное, должен буду знать, что и для чего. Что ж, тогда не станем терять время, его не много у нас, сказала лилит, иди ко мне. Обхватив друг друга, они, целуясь, стали кататься по кровати то в одну сторону, то в другую, и, когда каин, оказавшись сверху, приготовился проникнуть в лилит, она вдруг сказала: Метка у тебя на лбу стала больше. Намного, спросил каин. Нет, не очень. Порою мне кажется, что она вырастет, увеличится, расплзется по всему лицу и по телу, и я стану чернокожим. Вот только этого мне и не хватало, расхохоталась лилит, но смех ее тотчас сменился сладостным стоном, когда каин единым толчком пронизал ее до глубины естества.

Прошло всего две недели, и каин исчез. А прежде приобрел привычку совершать долгие прогулки в окрестностях города, но не потому, что, как некогда, нуждался в солнце и в чистом воздухе — того и другого хватало ему с избытком в последние десять лет, — а чтобы вырваться из дворца, где было ему душно и тяжело и где, кроме постельных усад, совершенно нечем было заняться, если не считать ничем, вообще-то говоря, не кончившихся попыток перекинуться несколькими фразами с сыном своим, совершенно неведомым енохом.

11

Внезапно он увидел, как входит в ворота города, где никогда прежде не бывал. И тотчас подумал, что у него ведь в кармане нет ни даже самой мелкой медной монетки, ни способа разжиться ею, ибо он никого в этом городе не знает. Если бы вышел на прогулку, ведя в поводу своего осла, экономическая проблема решилась бы мгновенно: при виде такой скотинки любой барышник согласился бы, что она пойдет на вес золота. Каин спросил двоих проходивших мимо, как называется этот город, и один ответил: Мы зовем здешние места землей уц. Поскольку отвечено было терпеливо и даже приветливо, каин решил задать и другой вопрос: Не знаете ли, где бы я мог найти работу, добавив, словно в свое оправдание: Я только что пришел, никого пока не знаю. Прохожие оглядели пришельца сверху донизу и не нашли в его облике ничего, что относилось бы его к разряду нищих или бродяг, а пятнышко на лбу остановило их взгляды лишь на долю секунды, и второй сказал: В здешних местах да и на всем востоке самый богатый человек — иов, попроси работы у него, может быть, тебе повезет. А где же мне его найти, спросил каин. Пойдем с нами, мы тебя отведем к нему, а слуг у него столько, что одним больше, одним меньше — разницы никакой. Он так богат. Несметно богат, представь, что такое — владеть семью тысячами овец, тремя — верблюдов, пятьюстами парами волов и пятьюстами — ослиц. Бедняки, как правило, наделены богатым воображением, заметил каин, можно даже сказать, что всем прочим — обделены, но такого я себе представить не могу. Помолчали, а потом один из двоих спросил, как бы невзначай: А мы с тобой не знакомы. Мне тоже так кажется, хоть и смутно, со страхом отвечал каин. Тебя зовут каин, и ты был в содоме, когда город стерли с лица земли, память у нас хорошая. Да, верно, теперь и я припоминаю. Ты уж понял, наверно, мы с товарищем — ангелы господни. А чем же заслужил я такую честь, что ангелы господни взялись помочь мне в моем

затруднении. Ты был добр к аврааму, ты помог ему тогда, в содоме, избавить нас от больших неприятностей и, значит, заслуживаешь награды. Не знаю, как вас и благодарить. Да ведь мы ангелы, ответил один, кому же, как не нам, творить добро. Чтобы набраться храбрости, каин трижды глубоко вздохнул и лишь после этого сказал: В содом вас послали, чтобы уничтожить город, а сюда — зачем. Этого мы никому не имеем права открывать, ответил один ангел. Ну, тайны тут никакой нет, возразил его спутник, тем более что когда случится то, что должно, все об этом узнают, а этот, идущий сейчас с нами, доказал свою надежность. Смотри, под твою ответственность, а представь, что будет, если он пойдет к иову и все ему выложит. Да ничего не будет, тот, скорей всего, не поверит. Ладно, поступай как знаешь, а я умываю руки. Каин остановился и сказал: Не из-за чего вам спорить, хотите — расскажите, не хотите — не надо, я не прошу и не настаиваю. Эти слова тронули даже осторожного ангела, который сказал товарищу: Ну, расскажи ему, а потом, сурово взглянув на каина, добавил: А ты поклянись, что никому не передашь то, что сейчас услышишь. Клянусь, ответил каин, подняв правую руку. Значит, так, начал второй ангел, некоторое время тому назад, как случается время от времени, собрались пред господом обитатели небес и сатана среди них, и господь спросил его: Откуда сейчас идешь, а тот ответил: Был на земле, походил, посмотрел, и господь задал еще вопрос: А не видал ли там раба моего, нова, нет ему равного на свете, он и добр, и честен, и верует искренне, и никому никогда не причинил зла. Сатана, слушавший все это с усмешкой, кривой и пренебрежительной, спросил тогда: Ты считаешь, что верует он бескорыстно, как бы не так, ведь ты со всех сторон оградил как бы крепостными стенами и его самого, и ближних его, и все достояние. Помолчав немного, добавил: А попробуй-ка поднять руку на то, что принадлежит ему, и вот увидишь — он проклянет тебя. Тогда господь сказал сатане: Все, что принадлежит ему, отдаю в твое распоряжение, но его самого трогать не смей. Сатана выслушал и отошел, и вот мы здесь. А зачем, осведомился каин. За тем, чтобы сатана не переусердствовал, не вышел за отведенные ему границы. Я правильно понял, спросил каин, господь и сатана заключили пари, а иов не знает, что стал предметом такого не очень-то джентльменского соглашения. Именно так, воскликнули в один голос оба ангела. Мне кажется, что господь ведет себя не вполне порядочно по отношению к иову, который, если то, что я слышал о нем, — правда, человек не только богатый, но и добрый, честный, да еще и глубоко верующий и не совершил никакого преступления, однако же будет наказан ни за что потерей всего имущества, и господь, как все твердят, справедлив, однако мне так не кажется и вспоминается история с авраамом, которого тот подверг испытанию, приказав убить сына, и, по крайнему моему убеждению, если господь не полагается на тех, кто верит в него, не понимаю, почему бы им на него полагаться. Пути господни, как известно, неисповедимы, даже нам, ангелам его, не дано проникнуть в замыслы его. Передать не могу, как надоело мне слушать эту ахинею насчет неисповедимых путей, сказал на это каин, бог должен быть прозрачен и чист, как кристалл, а не наводить постоянно туман да и страх — тоже, и, сдается мне, бог нас не любит. Он дал тебе жизнь. Жизнь мне дали отец с матерью, я родился после того, как они соединили плоть с плотью, и бога, кажется, при сем деянии не было. Бог везде и во всем. Нуда, особенно когда приказывает убивать, да одного-единственного ребенка из тех, что заживо сгорели в содоме, хватит, чтоб осудить его без снисхождения, однако правосудие для бога — звук пустой, а теперь ради какого-то пари примется мучить иова, и никто не потребует с него отчета. Потихе, каин, ты чего-то разошелся не в меру и говоришь лишнее, господь ведь все слышит и рано ли, поздно — накажет. Господь не слышит, господь глух, отовсюду летят к нему мольбы: Помогите, господи, мы сиры, убоги, несчастны, все молят о средстве спасения, в котором мир отказал им, а он поворачивается спиной и, начав с того, что заключил союз с евреями, продолжил пактом с дьяволом, и для всего этого нет смысла иметь бога. Ангелы возмутились, вознегодовали, пообещали оставить каина без работы, после чего богословский диспут был завершен и худо-бедно установлен мир. Один из ангелов даже сказал: Думаю,

господь с удовольствием поспорил бы с тобой об этих вопросах. Может, когда-нибудь и поспорим, ответил каин. Они уже стояли теперь у дверей большого дома, где жил иов, и ангел сказал, что хочет видеть управляющего, но управляющий сам не вышел, а через слугу спросил, что нужно. Работу, ответил ангел, но не нам, мы-то — из других краев, а вот ему, нашему другу, он только что прибыл и желает начать в земле уц новую жизнь. Что умеешь делать, осведомился слуга. В ослах разбираюсь, был помощником коновала в войске иисуса. Очень хорошо, прекрасная рекомендация, сейчас пошлю с тобой раба, и приступишь к делу немедленно, скажи только, как твое имя. Я — каин. И откуда ты. Из земли нод. Никогда не слышал о такой. Не ты один, кто говорит — земля нод, говорит — земля пустоты. Тогда один из ангелов сказал каину: Вот судьба твоя и устроена, у тебя теперь есть работа. Пока есть, тускло улыбнулся в ответ каин. Не думай о плохом, утешил его слуга, тот, кому посчастливилось однажды войти в этот дом, работы не лишится по гроб жизни, ибо нет на свете человека добрее, чем иов. Ангелы на прощанье обняли иова и отправились исполнять свою должность — то есть следить за исполнением господних приказаний. Как знать, вдруг все это получит не ту развязку, какую сулит ход событий, но иную, гораздо более счастливую.

К сожалению, действительность превзошла самые скверные ожидания. Сатана, получив широчайшие полномочия, атаковал разом по всем направлениям. Однажды, когда дети иова — семеро сыновей и три дочери — сидели за столом и пили вино в доме у самого старшего, явился некий вестник, а если точнее — хорошо знакомый нам каин, который, как мы знаем, ходил за ослами, и сказал иову так: Волы пахали землю, ослицы паслись неподалеку от них, как вдруг нагрянули савеяне, все разграбили, перебили всех слуг твоих, и спасся я один, чтобы сообщить тебе о беде. Каин еще не успел договорить, как появился другой вестник и сказал: Пал с небес огонь господень, спалил дотла и в пепел обратил овец твоих и рабов твоих, и я один уцелел, чтобы сообщить тебе о беде. И этот еще не закрыл рта, а уж стал в дверях третий и: Халдеи, доложил он, тремя отрядами напали на наших верблюдов и увели всех после того, как перебили всех слуг твоих, и я один уцелел, чтобы сообщить тебе о беде. Звук речей его еще не смолк, а уж вошел четвертый со словами: Дочери твои и сыновья пировали в доме у самого старшего, как внезапно с другого конца пустыни налетел ураган и обрушил стены и крышу дома, и обломки его погребли под собой детей твоих и всех, кто был внутри, и я один уцелел, чтобы сообщить тебе о беде. Тогда иов поднялся, и разорвал на себе одежды, и расцарапал себе лицо, и простерся на земле, говоря: Нагим вышел я из чрева матери, нагим вернусь в лоно земли, господь дал мне все это, господь и взял, да благословенно будет имя его. Бедствия, обрушившиеся на эту злосчастную семью, на том не кончатся, но мы, прежде чем продолжить, позволим себе поделиться некоторыми наблюдениями. И выскажем прежде всего известное недоумение по поводу того, что сатана для собственного удовольствия и во исполнение своих, сугубо личных, можно даже сказать — партикулярных замыслов может распоряжаться халдеями и савеянами, а во-вторых, — недоумение еще большее оттого, что сатане позволено было пользоваться таким явлением природы или стихийным бедствием, как ураган, и, что вовсе уж необъяснимо и ни в какие ворота вообще не лезет, — применять огонь небесный, то есть господень, для уничтожения овец и тех, кто их пас. Да не упас. Стало быть, либо сатана может несравненно больше, нежели мы привыкли думать, либо перед нами негласный — и хорошо еще, если только негласный — сговор и комплот меж силами зла и силами добра. Траур придавил землю уц как надгробной плитой, ибо все погибшие родились когда-то здесь, в городе, отныне обреченном — и неведомо, на какой срок — на всеобщую нищету, главной жертвой которой вовсе необязательно станет сам иов. Спустя несколько дней состоялось на небесах новое собрание, и на нем снова присутствовал сатана. И господь спросил его: Откуда пришел, а тот отвечал: Был в мире, на земле, всю ее обошел. Обратил ли внимание на моего раба иова, осведомился господь, нет никого подобного ему на земле, цельный человек, непорочный, справедливый, богобоязненный и удаляющийся от зла, и притом еще пребывает тверд в своей

добродетели, хоть я по твоему наущению покарал его незаслуженно. Я сделал это с твоего согласия, а заслуженно, нет ли — не мое дело, да и весь замысел помучить его не мне принадлежит, сказал сатана и продолжал: Как говорится, кожу за кожу, а за жизнь свою отдаст человек все, что есть у него, а вот попробуй-ка, прости руку твою и коснись кости его и плоти его, порази его болезнью и вот увидишь — он проклянет тебя. Сказал господь: Отдаю его в твое распоряжение, но только смотри — с условием не лишать его жизни. Мне этого довольно, сказал сатана и пошел туда, где был иов, и тот скорей, чем можно вымолвить аминь, покрылся весь от подошв до темени ужасающими ранами и язвами. Страшно было смотреть, как самым последним из последних сидит иов в дорожной пыли и осколком черепицы расчесывает зудящие струпья. А жена его, от которой доселе и слова не было услышано, даже когда оплакивала она смерть десяти своих детей, сейчас сочла нужным высказаться и спросила мужа: И что же, ты пребываешь тверд, знаешь ли, я бы на твоём месте прокляла бога, пусть бы даже после этого смерть моя пришла, на что иов ответил: Говоришь как умалишенная, неужели доброе мы будем принимать от бога, а злого не будем принимать, да, таковы были слова его, а жена ответила ему с гневом: Для зла существует сатана, а то, что бог может выступить сейчас как его соперник, мне и в голову никогда не приходило. Не бог привел меня в столь плачевное состояние, но сатана. С согласия и соизволения бога, ответила она и прибавила: Я всегда слышала от мудрецов, что козни дьявола не перевесят волю господа, однако теперь сомневаюсь, что дело обстоит так просто, а вернее, что сатана — не более чем орудие господа, тот, кому поручается доводить до конца грязные дела, которые господь не может подписать своим именем. Тогда иов, достигнув, вероятно, хоть и не признаваясь в этом, предела страданий и побуждаемый к сему женой, сломил печать богобоязненности, заграждавшую ему уста, и воззвал: Погибни день, в который я родился, и ночь, в которую сказано: зачался человек, день тот да будет тьмою; да не взыщет его бог свыше, и да не воссияет над ним свет! да омрачит его тьма и тень смертная, да обложит его туча, да страшится его, как палящего зноя, ночь та, да обладает ею мрак, да не сочтется она в днях года, да не войдет в число месяцев, о ночь та — да будет она безлюдна; да не войдет в нее веселье, да проклянут ее проклинаящие день, способные разбудить левиафана, да померкнут звезды рассвета ее: пусть ждет она света, и он не приходит, и да не увидит она ресниц денницы за то, что не затворила дверей чрева матери моей и не сокрыла горести от очей моих, для чего не умер я, выходя из утробы, и не скончался, когда вышел из чрева. И вот иов сетовал, плакал и жаловался, так что пени его заполняли страницу за страницей, а меж тем трое друзей его, елифаз феманитянин, виллад савхейнин и софар наамитянин, обращали к нему речи о том, что, мол, необходимо безропотно принимать свою судьбу, и о том, что всякий верующий обязан смиренно склонять голову перед верховной волей господа, какова бы она ни была. Каин же нашел себе работу и стал ходить за ослами одного мелкого хозяйчика, которому вместе с чадами его и домочадцами принужден был в тысячный раз, снова и снова пересказывать, как нагрянули савеяне и угнали всю скотину. По его расчетам выходило так, что ангелы еще обретаются где-то неподалеку, собирая сведения о постигшем иова несчастье с тем, чтобы довести их до сведения господа, уже теряющего, надо думать, терпение, и вот они, ангелы то есть, предстали перед каином и поздравили его с избавлением от свирепых кочевников-савеян. Это — истинное чудо, говорили они. Каин поблагодарил, как водится, однако и божья милость не дала ему позабыть о своих трениях со всевышним, а они меж тем все усиливались: Я полагаю, сказал он ангелам, что господь должен быть доволен, он выиграл у сатаны пари, а иов, сколь ни велики были его страдания, так от него и не отрекся. А мы знали, что не отречется. Господь, вероятно, тоже. А господь — раньше всех. То есть он заключал пари, наперед зная, что выиграет. В известном смысле — да. И, стало быть, все осталось как было, и господь к настоящему моменту знает об иове не больше, чем знал прежде. Именно так. А если так, то не объясните ли, почему ж тогда иов покрыт гнойными язвами, разорен, потерял

детей. Господь отыщет способ возместить его потери. Что же, он воскресит десятерых детей, поднимет павшие стены, вернет уцелевшую скотину. Этого мы не знаем. А что сделает господь сатане, который так злоупотребил полученным разрешением. Да вероятней всего, ничего. То есть как это — ничего, переспросил скандализированный каин, и пусть даже в зачет не идут перебитые невольники, но ведь сколько всякого иного народа погибло, а я слышу, что, вероятней всего, сатане ничего за это не будет. На небесах так уж повелось, мы в том не виноваты. Да уж, смертному уму не постичь, как это у вас там среди других сынов божьих присутствует и сатана. На том разговор и кончился, ангелы удалились, каин же, подумав, что пора бы уж ему отыскать более достойный путь в жизни, думал так: Не век же мне здесь за ослами ходить. Сама идея была и похвальна, и достойна рассмотрения, но альтернативных вариантов не имелось вовсе, если только не рассматривать всерьез возвращение в землю нод, чтобы занять прежнее место во дворце и на ложе лилит. Он станет тучен, произведет на свет еще двоих-троих детей, сможет — его только сейчас осенило — навестить родителей, узнать, живы ли, благополучны ли. Этой радости никто не посмеет его лишить, пусть даже ради этого придется изменить наружность. Радости, тотчас спросил он себя, для каина уже никогда не будет никакой радости, каин — тот, кто убил брата, тот, кто был рожден, чтобы увидеть невыразимое словами, тот, кто ненавидит бога.

Однако ему не хватало осла, который бы доставил его к цели. В первое мгновение он подумал было, а не оставить ли ослов вовсе да не отправиться ли пешком, но сообразил, что если переход из одного настоящего в другое затянется, то не придется ли брести наугад по этим пустыням, ночью руководствуясь звездами, а днем — ожидая, когда зажгутся они на небе. Да и поговорить не с кем будет. Вопреки устоявшемуся и весьма распространенному мнению, ослы — народ очень разговорчивый, достаточно лишь посмотреть, как они на тысячу ладов режут или фыркают, как бесконечно разнообразно машут хвостом, просто надо непременно учитывать, что не всем, кто сидит у них на спине, внятен ослиный язык, отчего и случаются порой совершенно необъяснимые положения, когда осел замирает посреди дороги — и ни с места, хоть ты что с ним делай. В таких случаях и говорят, что, мол, уперся как осел, а на самом-то деле нарушилась коммуникабельность, что сплошь и рядом бывает и среди двуногих. И по всему по этому идея двигаться пешком прожила в голове у каина недолго. Да, ему нужен осел, прямо хоть укради, из стойла уведи, но мы, с каждым часом все лучше узнавая нашего героя, знаем, что он на такое не пойдет. Каин, хоть и совершил убийство, но он — человек исключительной порядочности, и даже распутные дни, проведенные в незаконном сожителе с лилит, сколь ни предосудительны они с точки зрения буржуазных предрассудков, не сумели извратить врожденное моральное чувство — вспомните хоть его бесстрашное противостояние с богом, каковое теперь пришла пора заявить об этом ясно и громко, — тот покуда еще попросту не заметил, если не припомнил, конечно, дискуссии, развернувшейся над еще не остывшим телом авеля. И в этом приливотливом мыслей пришла каину одна спасительная — купить одного из тех ослов, что были вверены его попечению, то есть взять из заработанных денег только половину, другую же оставить владельцу в уплату. Дело, конечно, редкостно тягостное, но каину спешить некуда, в этом мире не ждет его ни одна душа, включая и лилит, как бы ни вилось в постели ее порывистое нетерпеливое тело. Хозяин осла, будучи человеком неплохим, счета свел на свой манер, притом якобы для защиты каиновых интересов, который, впрочем, и не подозревал об этом, благо и математическими способностями был наделен скуп. И не потребовалось прошествия очень уж многих недель, прежде чем каин вступил если не в обладание своим ослом, то в право собственности. И мог отправляться, когда пожелает. В канун отъезда решил узнать, как поживает его прежний хозяин, поджили ли его язвы, но с большим огорчением обнаружил иова на земле, у порога дома, с обломком черепицы, которым он расчесывал свои струпья, в руке, то есть точно в таком же виде, как в тот день, когда обрушилось на него несчастье, несчастье злейшее из самых злых и заключавшееся прежде всего в том, что

господь предал его в руки сатаны. Большой корабль для больших бурь строится, гласит поговорка, а следовало бы сказать — для страданий невероятных, о чем со всей очевидностью свидетельствует история иова. Как подобает замыслившему побег, каин держался поодаль, не приблизился, не пожелал былому хозяину скорейшего выздоровления, тем более что хозяин этот и не успел познакомиться со своим работником, а виновата в этом пагуба классового деления, которая каждому предписывает оставаться по возможности на том самом месте, где родился, и исключает всякую вероятность того, что уроженцы разных миров подружатся. Верхом на осле, который теперь принадлежал ему по законному праву, каин вернулся туда, где работал, и стал собираться в путь. По сравнению с тем великолепным представителем ослиной породы, что некогда под стенами иерихона пробудил алчность у коновала, а теперь остался в дворцовых конюшнях, этот, нынешний, одер одром, для парадов явно не годился и звался бы, будь он лошадьё, полудохлой клячей. И хоть даже на самый невзыскательный взгляд тонки у него ноги, стоит он на них прочно, а ходит — ходко. Так что в целом, как полагает его прежний владелец, вышедший к воротам проводить, он не подведет каина, когда завтра, утром рано, тот отправится наконец в путь.

12

Немного времени ушло, чтобы покинуть унылое настоящее земли уц и оказаться в окружении зеленеющих холмов, в роскошных долинах, по которым струились реки с самой чистой и прозрачной водой, какую только видывали человеческие глаза и пробовали человеческие уста. Да, это похоже на блаженной памяти райский сад, ибо теперь, когда минуло столько лет, время более или менее сгладило тяжкие воспоминания. Однако при всем при том чувствовалась в этом ослепительном пейзаже что-то фальшивое, что-то искусственное, похожее на декорацию, так что казалось, что вот сейчас поднимется занавес, выпуская на сцену того, кто трусит на ослике вульгарис, не вооружась гидом мишлена. Каин обогнул скалу, закрывавшую от него добрый кус панорамы, и очутился на въезде в долину, которая если числом деревьев и уступала прежде виденным, то красотой превосходила их, а посреди нее увидел некое деревянное сооружение, которое по виду и по цвету компонентов своих очень напоминало огромный корабль, чье присутствие здесь было в высшей степени интригующим, ибо кто же строит корабль, если это, конечно, он и есть, не на берегу чего-нибудь водного, тем более что такую громадину не оставишь посреди долины в ожидании неизвестно чего. Любопытствуя, каин решил получить разъяснение из первых рук, а в данном случае — от тех, кто для собственных ли надобностей или по заказу третьих лиц строил загадочное судно или не менее таинственный исполинский ларец, именуемый также ковчегом. И, направив осла к стапелю, приветствовал работавших и попытался завязать с ними разговор: Славное место, промолвил он, но ответ получил мало того что с задержкой, но еще и с наивозможнейшей обобщенностью, выраженной в безразличной, безучастной, неприветливой, не располагающей к продолжению беседы утвердительной частице. Каин все же продолжал: Мимоезжий странник, вот хоть меня, к примеру, взять, ожидал бы увидеть здесь все, что угодно, только не такое вот огромное сооружение, но намеренно лстыивый намек был пропущен мимо ушей. И каин увидел, что восемь человек, работавших на стапеле, — четверо мужчин и четыре женщины — не выказали никакой склонности к душевному общению с пришельцем и не предприняли ни малейшей попытки если не преодолеть, так хоть как-то замаскировать стену неприязненного отчуждения, которой упорно отгораживались от его авансов. И тогда решил оставить околичности и: А что это вы тут мастерите — корабль, что ли, или дом какой, спросил он в лоб. Человек, который казался старше остальных, рослый и здоровенный, как самсон, ограничился неприветливым: Нет, не дом. Но ведь и не сундук же, ибо что за сундук без крышки, а и была бы — превыше сил человеческих было бы ее поднять. Человек не ответил и уж хотел было отойти, но каин в

последний миг удержал его вопросом: Если это не дом и не сундук, то, значит, может быть только кораблем. Здоровяк мотнул головой и сказал каину: У нас прорва дел, а твои расспросы отвлекают от работы, а потому прошу тебя — оставь нас и следуй своим путем, и добавил с легкой угрозой: Сам видишь — нас тут четверо крепких мужиков, я да трое моих сыновей. Я вижу только, отвечал на это каин, что правила легендарного месопотамского гостеприимства, столь чтимые прежде, утратили ныне всякое значение для ноя и его родных. В этот самый миг после оглушительного громового раската, сопровождаемого соответствующими пиротехническими эффектами, обнаружил свое присутствие господь. Предстал он в рабочей одежде, а не в роскошном облачении, с помощью которого приводил к немедленному повиновению тех, кого желал поразить, не прибегая к посредству божественной диалектики. Семейство ноя и сам глава оногo немедля пали ниц на земле, заваленной опилками и стружками, господь же, поглядев на каина с недоумением, спросил: Ты-то здесь какими судьбами, я тебя не видел с того дня, когда ты убил своего брата. Ошибаешься, господи, мы виделись в доме авраама, хоть ты и не признал меня тогда, в дубраве мамрийской, когда собрался истребить содом. Хорошо было сделано, чисто и действительно, а главное — привело к какой-то определенности. Никакой нет определенности, господи, в сотворенном тобою мире, вот иов полагал, что ему не грозят никакие несчастья, но твое пари с сатаной все его достояние обратило в пыль и прах, а плоть — в сплошную незаживающую язву, таким видел я его в последний раз, покидая землю уц. А вот и нет, каин, а вот и нет, и кожа его очистилась, и стада умножились вдвое против прежних, и у него теперь четырнадцать тысяч овец, шесть тысяч верблюдов, тысяча волов и тысяча ослов. Как же это он их раздобыл. Он склонился перед моей волей, признал, что власть моя безраздельна и всеобъемлюща, что мне не надо отчитываться ни перед кем, кроме себя самого, что меня не удержат соображения какого-то личного характера и что — это я говорю тебе сейчас — я наделен совестью столь гибкой и подвижной, что она неизменно соглашается со всем, что бы я ни делал. Ну а как быть с детьми иова, погибшими под развалинами. Да это вообще мелочь, не стоящая внимания, у него теперь десять других детей — семь сыновей, три дочери, как и прежде было, и они утешили его в потере и заменили утраченных. Как овцы. Да, как овцы, дети мало чем отличаются от них. Ной и все его семейство уже поднялись на ноги и с удивлением внимали беседе господа и каина, которые напоминали двух старинных друзей, встретившихся после долгой разлуки. Но ты так и не ответил, что делаешь здесь, напомнил господь. Да так просто, шел-шел да и оказался здесь. Примерно также, как оказался в содоме или в земле уц. Да, и еще на горе синайской, и под стенами иерихона, и у вавилонской башни, и в тех кустах, где исаака чуть было не принесли в жертву. Помотало тебя, я вижу, по белу свету. Да уж, причем не по моей воле, и я даже спрашиваю себя — а вот все эти постоянные переходы, что переносят меня из одного настоящего в другое, то в будущее, то в прошлое, так вот, это тоже — не твоя ли работа. Нет, я тут ни при чем, такими примитивными штучками, всеми этими фокусами *pour épater le bourgeois*⁷ не пользуюсь, для меня времени не существует. Стало быть, ты признаешь, что есть во вселенной иная сила, отличная от твоей и более мощная, чем твоя. Может, и есть, я не привык, знаешь ли, обсуждать все эти трансцендентные безделицы, праздные умствования, однако одно тебе скажу — ты не сможешь покинуть эту долину, лучше даже и не пытайся, отныне все выходы будут охраняться, на каждом будут стоять парные караулы херувимов с пламенными мечами и с приказом убивать любого, кто приблизится, на месте. Вроде того, как это было устроено у ворот райского сада. Ты-то откуда знаешь. Родители часто об этом толковали. Господь, обернувшись к ною, спросил тогда: Ты уже рассказал ему, что строишь и для чего. Нет, господи, пусть у меня язык отсохнет, если вру, все семейство беру в свидетели. Хорошо, ты верный раб мой, и я не ошибся, избрав тебя. Спасибо, господи, и, если

7 Чтобы эпатировать буржуа (фр.).

позволишь вопрос, скажи, что нам делать с этим странником. Возьми его в ковчег, прими в семью, пригодится лишний мужчина делать детей твоим невесткам, а мужья их, надеюсь, не взыщут. Обещаю, что не взыщут, я и сам со своей стороны постараюсь, поспособствую, я старею, но все еще не так, чтоб воротить нос при виде лакомого кусочка. Каин решил встрять: Позволено ли мне будет узнать, о чем идет речь, спросил он, и господь ответил так, словно повторял нечто загодя затверженное и уже сто раз говоренное: Земля полна разнообразных насилий и тонет в скверне, и ничего, кроме скверны, я не вижу на ней, потому что все ее обитатели извратили путь свой, и велика греховность человеков, все помыслы коих и желания клонятся всегда и только ко злу, и я раскаиваюсь, что сотворил человека, ибо из-за него горько страдает мое сердце, и конец ему уготовил я, ибо всяческой мерзостью заполнена земля, и я решил истребить род людской и самое землю, а ты, ной, избран мною, чтобы стать новым родоначальником человечества, и для того-то я и велел тебе построить из дерева ковчег, осмолить его изнутри и снаружи, сделать там отделения, а длина ковчега пусть будет триста локтей, ширина его пятьдесят локтей, а высота его тридцать локтей, и сделай отверстие в ковчеге, и в локоть сведи его вверх, и дверь в ковчег сделай сбоку его, устрой в нем нижнее, второе и третье жилье, и вот я наведу на землю потоп водный, чтоб истребить всякую плоть, в которой есть дух жизни, под небесами, все, что есть на земле, лишится жизни. Но с тобою я поставлю завет мой, и войдешь в ковчег ты, и сыновья твои, и жена твоя, и жены сынов твоих с тобою. Введи также в ковчег из всякого скота, и из всех гадов, и из всех животных, и от всякой плоти по паре, чтоб они остались с тобою в живых, мужского пола и женского пусть они будут. Из всех птиц по роду их, и из всех скотов по роду их, и из всех пресмыкающихся по земле по роду их, из всех по паре войдут к тебе, чтобы остались в живых с тобою, мужского пола и женского, ты же возьми себе всякой пищи, какую питаются, и собери к себе, и будет она для тебя и для них пищею. Такую речь произнес господь. Тогда высказался каин: Корабль таких размеров да еще и с таким грузом внутри не сможет плыть, и когда долину затопит, напора воды, чтобы поднять его с земли, не хватит, и в итоге он останется под водой со всеми, кто будет на нем, и ожидаемое спасение обернется для них гибелью в мышеловке. По моим расчетам такого не должно произойти, ответил господь. Расчеты твои ошибочны, корабль следовало строить не на таком огромном расстоянии от моря, посреди долины, со всех сторон окруженной горами, а на берегу, чтобы в должный час столкнуть его в воду, а дальше уж она сама — речная ли, морская, уж там как случится — позаботится подхватить судно, и ты, похоже, не слыхал про закон Архимеда, который гласит, что плавают корабли оттого, что на всякое тело, погруженное в жидкость, действует выталкивающая сила, равная объему вытесненной жидкости. Позволь, господи, изложить мою мысль, сказал ной. Ну, излагай, разрешил господь, даже не думая скрывать обуявшей его досады. Каин прав, если станем дожидаться, пока вода нас поднимет на поверхность, все захлебнемся, и не будет другого человечества. Собрав лоб в морщины, чтобы лучше думалось, господь покумекал над проблемой так и эдак и пришел к тому же выводу, хоть и жалко, разумеется, столько трудов положено, чтобы придумать долину, какой никогда не видано было прежде, — и вот, все впустую. И сказал так: Есть верное средство, когда ковчег будет совсем готов, я прикажу моим рабочим ангелам по воздуху перенести его на берег ближайшего моря. Такая тяжесть ангелам неподым, заметил ной. Ты не знаешь, какая сила заключена в ангелах, они мизинцем способны сдвинуть гору, и счастье еще, что привержены порядку, не то давно бы уж заговор составили, а меня — отставили. Вроде того, как сатана хотел, осведомился каин. Да, вроде того, но с ним я придумал, как устроить, чтобы он был доволен, время от времени отдаю ему кого-нибудь в жертву, пусть развлекается, а ему того и довольно. Так было с иовом, который не осмелился проклясть тебя, но сейчас носит в душе своей всю горечь мира. Что ты можешь знать о душе иова. Ничего, зато о своей — все и немного — о твоей, ответил каин. Плохо верится, боги подобны бездонным колодцам, заглянешь внутрь — не увидишь даже собственного отражения. Со временем всякий колодец

пересыхает, придет черед и твоему. Господь на это не ответил, а поглядел на каина пристально и сказал: Метка твоя стала больше, похожа теперь на черное солнце, что поднимается из-за горизонта глаз. Bravo, вскричал, захлопав в ладоши каин, я и не знал, что ты поэт. Вот и я говорю, что ты ничего не знаешь обо мне. Констатировав этот горестный факт, господь удалился, причем гораздо скромней, чем появился, то есть исчез в другом измерении.

И, уязвленный итогами спора, в котором, по мнению даже самого беспристрастного наблюдателя, оказался не на высоте, решил переменить планы. Уничтожение человечества было, так сказать, задачей на среднесрочную перспективу, с этим можно было повременить столетия два-три, а то и все десять, однако господь, приняв однажды решение, чувствовал верный признак нетерпения — какое-то покалывание в кончиках пальцев, ну, то есть руки у него чесались начать. И потому все-таки призвал легион своих рабочих ангелов и, вместо того чтобы всего лишь заставить их транспортировать ковчег к морю, как было придумано ранее, приказал им помочь вконец измученной семье ноя, которая, как можно было заметить, совсем выдохлась от злой работы. Спустя несколько дней колонной по трое прибыли ангелы и сразу взялись за дело. Господь не преувеличивал, говоря про их силу, любо было видеть, как под мышкой, будто вечернюю газету, несли они толстые доски, как доставляли их в случае надобности с одного конца палубы на другой, а это, между прочим, триста локтей или, по-современному, полтора метра, то есть практически — авианосец. Поражали воображение тем, как вгоняли гвозди. Молотком не пользовались, а, уставив острое в нужное место, коротко, без размаха били кулаком по шляпке, отчего железный штырь входил без малейшего сопротивления, будто не в твердейшую дубовую древесину, а в раскисшее на летней жаре масло. Но еще удивительней было, когда, обтесывая доску, водили по ней ладонью взад-вперед, и доска без единой стружечки уменьшалась, словно бы сама собой, до требуемой ширины. Если же требовалось просверлить отверстие для болта, прекрасно подходил обыкновенный указательный палец. Любо-дорого было смотреть на такую работу. И неудивительно, что и двинулась она с такой ранее невообразимой быстротой, что ной со своими не поспевали оценивать стремительные перемены. Господь же за все это время появился лишь однажды. Спросил ноя, как идут дела, поинтересовался, есть ли уже от каина прок, помощь и польза, и узнал, что как не быть, господи, он уже уестествовал двух невесток и готовится приступить к третьей. Потом справился, отобраны ли уже те животные, которых надо будет поместить в ковчег, а патриарх сообщил, что большую часть уже собрали, а недостающих добавят, как только окончена будет постройка. Но это была не правда, а всего лишь малая часть правды. Да, в самом деле в загоне на другом конце долины имелось сколько-то животных самых распространенных пород, но было их очень мало, всего ничего по сравнению с господним замыслом, предусматривавшим охват всех живых существ, какие только есть на свете, начиная от толстобрюхого гиппопотама и кончая самой малой блошкой, да и не ею даже, а микроорганизмами, а те что — не люди, что ли. Ну, положим, не люди, но, как ни крути, тоже ведь — живая плоть. Как и те, кого принято считать таковой в широком и великодушном смысле, принятом в неких полужакрытых эзотерических кругах, где много толкуют об определенном сорта существах, никем, впрочем, и никогда не виданных. Мы имеем в виду единорога, например, птицу феникс, кентавра, гиппогрифа, минотавра, василиска, химеру и прочих обитателей этого ни на что не похожего и разношерстного бестиария, у которых не имелось бы никаких прав на существование, если бы их всех, как и ослика вулгарис, и многих-многих прочих, в чрезвычайном изобилии водящихся в этих краях, не произвел на свет приступ господнего сумасбродства. И представьте только, как вырос бы ной в глазах господя, какой вес приобрел, каким доверием стал бы пользоваться, если бы уговорил взойти на борт ковчега одно из этих чудищ — предпочтительно, конечно, единорога, да только где ж его взять-то. С единорогом дело обстоит не просто еще вдвойне и потому, что этот зверь не бывает женского пола или рода, каковой и не способен продолжать

обычными путями оплодотворения и вынашивания плода, хотя по здравом размышлении следует признать, что в этом и не нуждается, ибо, в конце концов, воспроизводство единорожьего потомства вовсе не обязательно, хватит и того, что его, как плод мракобесных верований, беспрестанно производит и воспроизводит голова человеческая. Во исполнение задач, которые еще предстоит решить — а это прежде всего отбор животных и обеспечение провиантом, — ной уповаet на содействие и квалифицированное сотрудничество рабочих ангелов, а те, надо им отдать должное, продолжают трудиться с усердием, достойным всяческих похвал. И притом безо всякого смущения признаются, что тошнее и муторнее жизни на небесах ничего пока еще не придумано, знай возноси хором по целым суткам хвалу господа, превозноси величие господа, милосердие господа и даже, представьте себе, красоту господа. Уже пришло время этим и иным ангелам испробовать простые радости, свойственные столь же простым людям, и уяснить себе — чтобы дух возвеселился и душа воспылала, вовсе нет необходимости дотла палить содом или дуть в трубы с намерением повалить стены иерихонские. И, по крайней мере, хоть в этом отношении, считали ангелы, земное счастье несопоставимо выше того, которое можно обрести на небесах, но господь, известный своей ревностью, этого знать не должен, а не то, не поглядев начин ангельский, подвергнет носителей мятежных настроений суровейшим карам. Благодаря истинной гармонии, царящей среди судостроителей, каин сумел договориться, что его осел в свое время будет потихоньку, то есть скрытно, с черного, так сказать, хода поднять на борт и не потонет заодно со всей прочей скотиной. Опять же благодаря этим сердечным отношениям, каин узнал, какие тревоги и заботы томят ангелов. У тех двоих, с кем установились отношения, которые в человеческой среде принято называть товарищескими и даже дружескими, он осведомился, в самом ли деле полагают ангелы, будто по уничтожении этого человечества новое, то, что придет ему на смену, не впадет в те же самые заблуждения, искушения, не совершит тех же самых преступлений, на что ответствовали ему: Мы всего лишь ангелы, слабо разбираемся в этих нерасшифровываемых ребусах, какие представляет собой природа человеческая, но, сказать по совести, не вполне понимаем, почему должен удался второй эксперимент, если первый окончился той панорамой мерзостей, что предстает ныне нашим глазам, и, по нашему скромному ангельскому разумению да с учетом представленных доказательств, род людской не достоин жизни. Да ну, переспросил ошеломленный каин, вы и вправду считаете, что люди не заслуживают того, чтобы оставить их в живых. Нет, мы сказали и повторяем, что люди, если посмотреть, как вели они себя на протяжении известных нам времен, не заслуживают жизни со всем тем, что, несмотря на черные стороны, коих, бесспорно, множество, есть в ней прекрасного, великого, чудесного, пояснил первый ангел. Совсем другой смысл, добавил второй. Да нет, это ведь почти одно и то же, настаивал каин. Вся разница в этом почти, и она, уж поверь нам, огромна. Насколько помнится, мы никогда себя не спрашиваем, достойны мы жизни или нет. А вот если бы задумались об этом, то, глядишь, не нависло бы над нами неизбежное исчезновение с лица земли. Да не о чем тут горевать, мы немного теряем, отвечал каин, давая волю своему мрачному пессимизму, рожденному и возросшему в чередѣ его странствий по ужасам прошлого и будущего, и если бы дети, заживо сожженные в содоме, не родились бы вовсе, им не пришлось бы так страшно кричать, когда с небес на их невинные головы пали огонь и сера. Вина была на родителях, сказал один из ангелов. Это не причина карать детей. Ты заблуждаешься, полагая, что бог и человек понимают вину одинаково. В истории с содомом если кто и виноват, то уж, без сомнения, господь, который в нелепой торопливости не захотел тратить время, чтобы обречь наказанию только тех, кто, по его же критериям, творил зло, ну а потом, скажите вы мне, ангелы мои, откуда, из чьей головы взялась и пошла бродить по свету идея, что богу уже в силу одного того, что он — бог, позволительно управлять личной жизнью верующих в него, устанавливать правила, каноны, законы, запреты и прочий вздор, спросил каин. Этого мы не знаем, сказал один ангел, а второй добавил, словно жалуясь: Нам

о таких делах не говорят почти ничего, нас, по правде тебе сказать, используют только на тяжелых работах, вот придет время поднять ковчег и перенести его к морю, уж будь уверен, не увидишь тут ни серафимов, ни херувимов, ни царств, ни архангелов. Неудивительно, начал каин, но осекся, и неоконченная фраза повисла в воздухе, меж тем как сам он, словно порывом неведомого ветра, хлестко засвистевшего в ушах, вдруг очутился в каком-то шатре. Там лежал голый человек, и человек этот был ной, опьянением погруженный в глубочайший сон. С ним, познавая его плотски, был другой человек, и он звался хам, был младший сын ноев и в свою очередь — родоначальник хананеян. Стало быть, хам видел наготу собственного отца, а иносказательное это выражение призвано более-менее пристойно передать предосудительную и извращенную суть происходящего в шатре. Но самое скверное заключалось в том, что сын, допустивший такое, потом рассказал обо всем братьям — симу и иафету, остававшимся снаружи, но те, движимые состраданием, взяли покрывало, подняли его и, ступая задом наперед, дабы не видеть наготу отца, приблизились к нему. Когда же ной пробудится и поймет, какое оскорбление нанес ему хам, он скажет, обрушивая на сына проклятье, которое падет на весь народ хананеянский: Проклят ханаан; раб рабов будет он у братьев своих, благословен господь бог симов, ханаан же будет рабом ему, да распространит бог иафета, и да вселится он в шатрах симовых, ханаан же будет рабом ему. Но каина уже не было там, ибо столь же стремительным порывом ветра метнуло его назад, к ковчегу, и как раз в тот миг, когда приближались к нему ной и хам с последними известиями: Завтра отплываем, сказали они, звери на борту, провиант погружен, можем поднимать якорь.

13

К отплытию бог не явился. Он был занят, отлаживал планетарную систему гидравлики, проверял надежность клапанов, менял прокладки, чтоб не подкапывало где не надо, ревизовал разнообразные распределительные сети, поглядывал на стрелки манометров, — и все это помимо бесконечного множества иных дел, великих и малых, крупных и мелких, из коих каждое следующее было важнее предыдущего и с которыми лишь он один, как конструктор, эксплуатационник и управляющий вселенской машинерии в состоянии был управиться, довести их до ума и скрепить результат своим священным о'кей. Делу, как известно, время, потехе — час. И в такое время он чувствовал себя не столько богом, сколько бригадиром тех рабочих ангелов, что в этот самый-рассамый момент, выстроясь — сто пятьдесят человек под правым бортом, сто пятьдесят — под левым, — стояли в своих выцветших спецовках, чтобы поднять эту чудовищную махину, хочется, да нельзя сказать — согласно команде, потому что ничей глас тут не слышится, да и вообще вся операция носит умопостижимый характер, однако же мнится, будто у всех участников ее — общий ум и воля — общая. В одно мгновение ковчег оказался на земле, в следующее — рабочие ангелы усилием атлета, выжимающего гирию, уже вознесли его на высоту своих вскинутых рук. Чтобы лучше было видно это зрелище, ной с семейством в восторге высунулись из окон, рискуя, как подумал каин, сверзиться оттуда. Еще один толчок — и ковчег оказался в верхних слоях атмосферы. И тотчас раздался крик ноя: Единорог, единорог. И правда — по равнине, сияя ослепительной, поистине ангельской белизной, скакал галопом неведомый зоологии, бесподобный и непарный зверь со спиралевидным рогом, легендарный конь, в существовании которого столькие сомневались, а он — вот он, только руку протянуть, стоит лишь спустить ковчег, открыть дверь да подманить это чудо кусочком сахара, любимейшим, на погибель лошадям созданным лакомством. Но единорог исчез так же внезапно, как возник. И ной, вопивший: Вниз, вниз, надрывался впустую. Потому, должно быть, что операция снижения с точки зрения логистики сложна, да и зачем бы она нужна, если единорог уже пропал, и кто его знает, куда он скрылся и где сейчас. Меж тем ковчег гораздо стремительней, чем цеппелин гинденбург, бороздил воздушный простор по направлению к морю, куда наконец и

плюхнулся, подняв исполинскую волну — форменное цунами, — которая обрушилась на берег, в мелкие щепки разбила лодки и хижины рыбаков, а кое-кого из них и утопила, послужив как бы предзнаменованием грядущего бедствия. Господь, однако, решения своего не переменял, а возможная ошибка в расчетах одарила его, оставшись недоказанной, благодатью сомнения. В самом же ковчеге ноево семейство славilo вседержителя и, дабы выразить свою признательность да заодно и отпраздновать успех операции, заклало агнца в жертву господу, которого та, что совершенно естественно, если вспомнить все предыдущие, усладила. Да, выбор сделан верный, ной, избранный в качестве отца, родоначальника и основателя новой цивилизации, ной, единственный в своем времени праведник и честняга, исправит, можно не сомневаться, прошлые ошибки, изничтожит на земле порок и безначалие. Ангелы-то, спохватился вдруг каин, рабочие ангелы-то где. Нету их. Исполнив с таким совершенством и тщанием господне повеление, они со столь им присущей бесхитростной простотою, коей примеров довольно находим мы с первого дня нашего с ними знакомства, вернулись в свой барак, не дожидаясь, когда навешаны будут медали. Ковчег же, полезно будет напомнить, не имел ни паруса, ни руля, ни турбины, приводить же его в движение веслами было чем-то в буквальном смысле невысказанным, не хватило бы для этого силы всех без исключения рабочих ангелов, сколько ни есть их на небесах. Стало быть, поплывет он по воле волн и течений, предастся прихоти ветров, дующих ему то в один округлый бочок, то в другой, и маневрирование сведется к минимуму, мореплавание же пройдет в полнейшей праздности, прерываемой лишь любовными играми, а те не будут ни редки, ни кратки, участие же в них и вклад каина, насколько мы поняли, послужат всем образцом. Так говорят ноевы невестки, которые часто выбирались среди ночи из-под супружеского бока, дабы дать каинову одеялу укрыть себя, а телу каинову, молодому, но многоопытному, — покрыть.

Когда же число минувших дней достигло каббалистической семерки, разверзлись наконец хляби небесные. И дождь падал на землю без остановки сорок дней и сорок ночей. Поначалу не очень замечалась та разница, к какой привели водопады, с оглушительным ревом хлеставшие из-под облаков, это же естественно — сила земного тяготения направляла потоки в море, а там они на первый взгляд и исчезали, но уже очень скоро забили источники и с самого глубокого дна морского, вода взбурлила и стала подниматься на поверхность струями с гору высотой, которые то исчезали, то появлялись, смешиваясь с необозримостью самого моря. И посреди этой бившейся в яростных конвульсиях стихии, ежеминутно грозившей поглотить все, корабль умудрялся держаться и, хоть швыряло его, как пробку из стороны в сторону, кренило с одного борта на другой, выправляться в самый последний миг, чудом ускользать из разверстой перед ним пучины. И на исходе полутора дня закрылись наконец источники бездны и окна небесные, и перестал дождь с неба, вода, покрывавшая всю землю превыше самых высоких гор, начала потихоньку спадать. Однако за это время погибла одна из ноевых невесток, хамова жена. Вопреки тому, что было сказано или дано понять ранее, на ковчеге очень остро требовались и в большой цене были рабочие руки, но не за тем, разумеется, чтобы управляться со снастями, коих не имелось, но для приборки и наведения чистоты. Заполнявшие трюмы сотни, если не тысячи животных, из коих многие были весьма крупногабаритными, гадили непрерывно и так обильно, что просто мое почтение. Мыть это все и ежедневно выгребать тонны экскрементов было тяжелейшим испытанием для четырех женщин, испытанием в первую очередь их физических сил, ибо бедняжки поднимались вверх совершенно измочаленными, но также и для чувствительности, поскольку нестерпимый смрад пропитывал, казалось, их насквозь, въедался в самую кожу. И вот в однажды, когда шторм разыгрался с особенной силой и ковчег швыряло из стороны в сторону, а животные бились друг об друга, женщина эта, жена хама, поскользнулась на влажном полу и обрела гибель под ногами слона. Ее выбросили за борт такую, как есть — всю в крови и кале, жалкие, бранные человеческие останки, лишенные чести и достоинства. Почему сначала не обмыли покойницу, спросил каин, и ной ответил ему: Море обмывает, там

воды хватит. С этой минуты и уже навсегда, до самого конца этой истории каин возненавидит его смертельно. Принято считать, что нет последствий без причин и причин без последствий, а потому кажется, что отношения между тем-то и тем-то должны быть в каждую минуту не только очевидны, но и во всех своих аспектах объяснимы. Нам недостает отваги предложить, чтобы в эту общую благолепно-логичную картину было включено и объяснение того, почему вдруг изменилось отношение жены ноя к нашему герою. Может быть, она по простоте душевной полагала, что теперь, когда жены хама не стало, кто-то иной должен заступить ее место, но не затем, чтобы скрашивать по ночам одиночество безутешного вдовца, а чтобы восстановить прежнюю гармонию, установленную прежде между тремя молодницами-молодухами ноева семейства и каином, если же изъяснить возникшую коллизию в простых и прямых словах, то выглядеть она будет так: если каин раньше имел в своем распоряжении трех женщин, то нет никаких резонов для того, чтобы отказать ему в этом обладании ныне. Едва ли знала она, что в голове мужчины крутятся мысли, делающие этот вопрос абсолютно второстепенным. Во всяком случае, поскольку одно другому не помеха, каин благосклонно принимал ее авансы: Вот она я, перед тобою, хоть, конечно, уже не первой молодости и родила троих сыновей, но все еще чувствую себя очень желанной, а ты как меня находишь, спросила она. Давно уж перестал ливень, и неимоверная масса воды занята была теперь тем, что разъедала трупы и, покачивая их на вечной своей зыби, тихонько увлекала вниз, рыбам на корм. Каин подошел к окну взглянуть, как блесит в лунном свете море, подумал немного о лилит и о енохе, сыне своем, наверняка погибших, но подумал как-то отчужденно и рассеянно, словно это не слишком занимало его — и вдруг услышал прошептанное рядом: Вот она я, перед тобою. Он и она пошли туда, в ту каморку, где каин обычно спал, и не стали дожидаться даже, когда ной, уже нежившийся в объятиях морфея, унесется из этого мира, а когда окончили свое дело, мужчина должен был признать, что женщина в суждениях относительно самой себя оказалась совершенно права, была еще хоть куда, то есть проявила помимо завидной носкости даже и известное акробатическое мастерство, какого другим подругам каина достичь было не дано из-за отсутствия то ли природной склонности к оному, то ли должного навыка, не развившегося вовремя по причине замшелого традиционализма, доминировавшего в их супружеской жизни. Ну а раз зашла у нас речь о супругах, не преминем сообщить, что второй потерей стало исчезновение хама. Когда тот, выйдя на палубу с намерением пригнать поплотнее доски, нещадно скрипевшие от качки и не дававшие ему спать, почувствовал рядом присутствие кого-то и спросил: Подсобишь, этот кто-то ответил: Да, после чего хам, столкнутый за борт, полетел в море с высоты пятнадцати метров, и полет, казавшийся сначала бесконечным, тут же и кончился. Ной, узнав о происшествии, пришел в сильную ярость, сказал, что после столь долгой практики мореплавания лишь непростительной невнимательностью и пренебрежением к простейшим правилам безопасности может быть объяснено случившееся: Разуйте глаза, требовал он, смотрите, куда ногу ставите, и продолжал: Мы лишились супружеской четы, а это значит, что должны будем совокупляться гораздо чаще, если хотим исполнить волю господ и стать основателями нового рода человеческого. На этом месте ной помедлил и, обернувшись к двум оставшимся у него снохам, спросил: Кто-нибудь из вас уже забеременел. Одна сказала, что да, мол, а другая — что не вполне еще уверена, но по всему вроде бы выходит, что так. И от кого же. Мне кажется, от каина, ответила жена иафета. И я — от него же, ответила жена сима. Бывает же такое, сказал на это ной, если вашим мужьям не хватает мужской производительной силы, будет лучше, чтобы отныне ложились вы только с каином. Жены, не исключая и жену самого ноя, усмехнулись про себя, верно зная, чему усмеваются, что же касается мужей, то эти, хоть им и не понравилось порицание, произведенное прилюдно, пообещали все же, если случай представится, быть поусерднее впредь. Забавно, что люди говорят о будущем так легко, будто оно у них в руке, словно в их власти в соответствии с требованиями текущего момента отдалить его или приблизить. Иафету, к примеру, будущее

представляется чередой успешных соитий, приносящих когда по ребеночку в год, а когда и по два, если близнецы родятся, благосклонным взором господ над головой, многочисленными овцами, волами, одним словом, счастьем. Не знает он, бедняга, сколь близок его конец, что, когда подножка отправит его без спасательного жилета в бездну, он будет барахтаться в муках бесполезного отчаянья, меж тем как величаво удаляющийся от него ковчег продолжит путь навстречу своей судьбе. Утрата еще одного члена экипажа огорчила ноя до крайности неопикуемой, ибо желанное воплощение господнего замысла оказалось под серьезнейшей угрозой — срок-то, необходимый для того, чтобы заново и сколько-нибудь пристойно заселить землю, удваивался, а то и утраивался. И поскольку все более необходимым становилось сотрудничество с каином, ной, видя, что тот вроде бы не хочет решаться, решил сам — решил поговорить с ним начистоту и как мужчина с мужчиной: Вот что, не будем ходить вокруг да около, назовем вещи своими именами, сказал он, ты должен немедленно взяться за дело, приняться не откладывая, с сегодняшнего дня, как хочешь, когда хочешь, и ты пойми, что я тут подспорьем быть не смогу, меня эти тяготы попросту убивают. Как хочешь, когда хочешь, переспросил каин, ты о чем, куда клонишь. Да-да, когда, как и с кем хочешь, отвечал ной, обнаруживая дар понимания. И с твоей женой — тоже можно, уточнил каин. Не можно, а нужно, благо жена моя и я могу делать с ней, что пожелаю. Тем паче когда речь идет о благом деле, намекнул каин. О благом, о святом, о господнем деле, с приличествующей случаю важностью кивнул ной. Ну, раз так, начнем теперь же, приступим не мешкая, пошли ее ко мне в каморку да последа, чтоб никто нам не мешал, что бы ни происходило и какие бы звуки оттуда ни доносились. Будет исполнено и да исполнится воля божья. Аминь. Многие, конечно, сейчас подумают, будто коварный каин развлекается, играя в кошки-мышки со своими невинными спутниками, которых, как читатель наверняка уже заподозрил, он уничтожает одного за другим. Но горько ошибется тот, кто подумает так. Каин со всей яростью сражается с господом, бьется, будто схваченный цепкими щупальцами осьминога, и нынешние его жертвы, подобно оставшемуся в далеком прошлом авелю, суть не более, чем очередные попытки убить бога. А следующей жертвой станет как раз ноева жена, которая безвинно поплатится жизнью за часы наслаждения, с ведома и благословения мужа — вот какой невиданной порче подверглись нравы, вот как низко упала мораль цивилизации, при последних днях коей мы присутствуем, — проведенные в объятиях своего будущего убийцы. После того как исполнены были с более или менее прихотливым разнообразием известное число пылких любовных восторгов, в коих главную роль играла главным образом женщина, изъяснявшая их по обыкновению стонами, лепетом, тотчас переходившим в крик, каин за руку подвел ее к окну вдохнуть прохлады столь же вечерней, сколь и морской, а там, ухватив меж бедер, еще подрагивающих от недавно пережитого наслаждения, выбросил в море. Из восьми человек, составлявших ранее семейство ноя, остались теперь, не считая самого патриарха, его вдовый сын сим и вдовая же супруга иафета. Две женщины еще на очень многое способны, думал ной в неколебимом оптимизме своем и беззаветной вере в господ, но, не переставая меж тем удивляться необъяснимому исчезновению собственной жены, высказал свое недоумение каину: Она ведь была на твоём попечении, как же могло случиться такое несчастье, на что каин ответил вопросом: Я что, сторож жене твоей, пастух, мне что, по-твоему, надо было водить ее на веревочке, окруженной вокруг щиколотки. Я этого не говорю, засмущался ной, но ты спал с ней и, может быть, что-нибудь заметил. Я очень крепко спал. На том беседа и кончилась, ибо в самом деле — при чем тут каин, если женщина пошла пописать на вечернем бризе, а тут, к примеру, голова у нее возьми да закружись, вот и вывалилась наружу и скрылась в пучине. Судьба, что тут скажешь. Уровень воды, покрывавшей землю, продолжал падать, но покуда еще ни одна горная вершина не высунулась наружу, не сказала: Я здесь, меня зовут гора арарат, это в турции. Впрочем, как бы то ни было, близилось завершение великого странствия, наступало время готовить концовку — высадку или что там еще будет. Сим с

женой упали в море в один и тот же день при обстоятельствах, так и оставшихся невыясненными, та же беда случилась со вдовой иафета, еще накануне спавшей с каином. И теперь, рвал на себе волосы и в совершенном отчаянии вопиял ной, все погибло, без женщин, способных зачать, не будет ни жизни, ни человечества, и ах, не лучше ли было нам довольствоваться тем, что имели мы, и снова повторял, совсем потерявшись от скорби и тоски: Как же предстану я перед господом, приведя этот корабль, полный лишь разнообразным зверьем, что скажу ему, как проживу остаток дней моих, что делать, что делать. Прыгай вниз, посоветовал каин, и ни один ангел не подхватит тебя на руки. И то, как сказаны были эти слова, вкупе со смыслом их, сумело вернуть ной к действительности: Так это был ты. Да, это был я, ответил каин, но тебя не трону, сам справишься. А бог, бог что скажет, спросил ной. Об этом не беспокойся, богом я займусь. Ной одолел шесть шагов, отделявших его от борта, и без единого слова кинулся вниз.

На следующий день ковчег коснулся земли. И раздался глас божий: Ной, ной, выйди из ковчега ты и жена твоя, и сыновья твои, и жены сынов твоих с тобою, выведи с собою всех животных, которые с тобою, от всякой плоти, из птиц, и скотов, и всех гадов, пресмыкающихся по земле, пусть разойдутся они по земле и пусть плодятся и размножаются на земле. И настала тишина, а потом медленно открылась дверь ковчега, и животные начали выходить наружу, на сушу. Они выходили, выходили, и конца не было им — большим, как слон и гиппопотам, и маленьким, как ящерица и саранча, и размера среднего, как овца и коза. Когда же последними показались наконец медлительные и, как от природы свойственно им, в чем-то глубоко убежденные черепахи, бог воззвал: Ной, ной, отчего не выходишь. И туг, появившись из темного чрева ковчега, возник в проеме каин. А где ной и все домашние его, спросил господь. Нету их, померли. Как померли, отчего померли. За исключением ноя, который умер своей — не смертью, так волей, — остальных убил я. Да как же ты посмел, убийца, как дерзнул стать поперек замыслу моему, и так-то ты, значит, отблагодарил меня за то, что я не казнил тебя смертью за смерть авеля. Должен был прийти день, когда кто-нибудь показал бы тебе твое истинное лицо. Стало быть, нового человечества, пришествие коего я возвестил. Нет, одно уже было, а другого не будет, и отсутствия никто не заметит. Каин ты, злодей ты, подлый убийца родного брата. Не подлей тебя по части злодейств, вспомни хоть детей в содоме. Наступило долгое молчание. Потом каин сказал: Ну, вот теперь можешь меня убить. Не могу, слово бога назад не возьмешь, и ты умрешь от естественных причин на заброшенной земле, и стервятники слетятся пожирать твою плоть. Ну да, после того как сначала ты пожрал мой дух. До нашего слуха не дошел ответ бога, равно как и то, что возразил ему на это каин, и, вероятней всего, они отстаивали свою правоту друг перед другом еще множество раз, а с полной достоверностью можно утверждать лишь, что спор их продолжается и донине. А наша история окончена, и рассказывать больше нечего.